

В. БЕЛЯЕВ, М. РУДНИЦКИЙ

Под
чужими
знаменами

В. БЕЛЯЕВ, М. РУДНИЦКИЙ

Под чужими знаменами

издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1954

КТО ХОЧЕТ СЛУЖИТЬ ПРОЛЕТАРИАТУ,
ТОТ ДОЛЖЕН ОБЪЕДИНЯТЬ РАБОЧИХ
ВСЕХ НАЦИЙ, БОРЯСЬ НЕУКЛОННО
С БУРЖУАЗНЫМ НАЦИОНАЛИЗМОМ И
«СВОИМ» И ЧУЖИМ.

В. И. ЛЕНИН

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга рассказывает о чудовищных преступлениях, кровавых делах, совершенных украинскими буржуазными националистами, находящимися ныне на службе американской разведки.

Памфлеты, вошедшие в книгу «Под чужими знаменами», написаны двумя авторами — писателем лауреатом Сталинской премии Владимиром Беляевым и одним из старейших профессоров Львовского Государственного университета Михаилом Рудницким. Их книга основана на большом документальном материале. Профессор Рудницкий, находясь всю жизнь во Львове и долгие годы сотрудничая в украинской националистической печати, с которой он затем решительно порвал, имел возможность близко наблюдать многих вожakov украинских националистов. Перед его глазами проходила их гнусная предательская деятельность на протяжении последних десятилетий.

В. Беляев и М. Рудницкий рассказали в своих памфлетах лишь о некоторых черных деяниях украинских буржуазных националистов. Авторы почти не касаются роли этих злейших врагов украинского народа в годы гражданской войны. Это тема самостоятельной книги. Свое повествование авторы ограничили пределами западных областей Украины.

Эта территория до осени 1939 года, до момента ее освобождения Советской Армией и воссоединения с Советской Украиной, находилась под господством иноземных захватчиков; она была насильственно оторвана от украинской земли. До 1918 года Западная Украина, или Восточная Галиция, как тогда ее называли, входила в состав Австро-Венгерской империи, затем попала под ярмо панской Польши.

Австрийская династия Габсбургов и польские паны угнетали украинское население Западной Украины, жестоко подавляли его национальную культуру и стремление к свободе. Они превратили Западную Украину в свою колонию, а украинцев — в подневольных рабов.

Верными слугами австрийских, а затем польских колонизаторов были украинские буржуазные националисты. Это они помогали закабалить украинский народ, грабить его добро. Это при их помощи реакционные правители панской Польши превращали Западную Украину в плацдарм для подготовки нападения на Советский Союз.

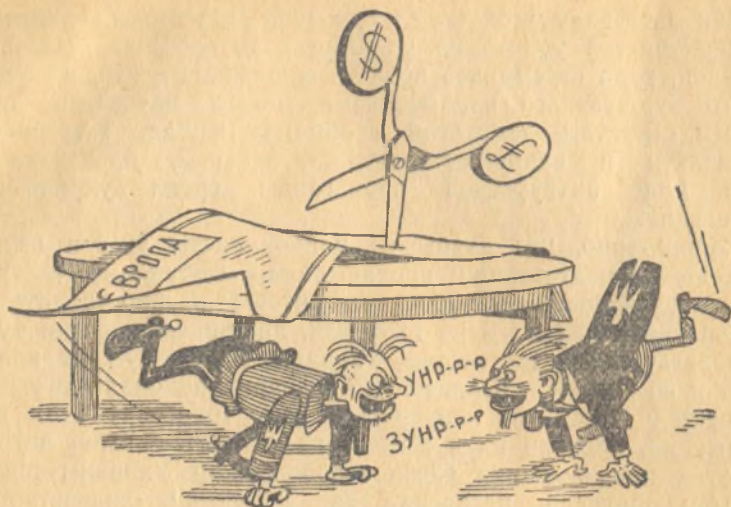
Львов в те времена был центром средоточия главарей украинского национализма, местом, где собрались многие отщепенцы украинского народа, выброшенные из пределов Советской Украины. Во Львове под крылышком властителей панской Польши, по заданиям ее дефензивы (охранки) и империалистических разведок они строили козни против украинского народа, шпионили, предавали и продавали Советскую Украину.

Еще задолго до разбойничьего нападения фашистской Германии на Советский Союз украинские националисты были связаны с гестапо и немецкой разведкой и принимали непосредственное участие в подготовке гитлеровской авантюры. Их руки обогреты кровью сотен тысяч украинцев.

Большое место в книге уделено разоблачению изменнической деятельности С. Бандеры, А. Мельника и других националистических бандитов в период Великой Отечественной войны. Читатель, малознакомый с событиями тех лет в западных областях Украины, увидит, как на самом деле выглядела обещанная националистами «самостоятельность Украины» под сапогами гитлеровских убийц, верными холоуями и подручными которых были эти изменники и кровавых дел мастера.

После победы советского народа над гитлеровской Германией украинские националисты, выброшенные в мусорную яму истории, приютились в заокеанской псарне шпионов и убийц. Это их теперь реакционные круги США называют отобранными лицами. Это, в частности, для них американские конгрессмены ассигновали недавно новые 100 миллионов долларов на подрывную деятельность против Советского Союза и стран народной демократии. В Западной Германии, в Западной Австрии и за океаном новый хозяин украинских националистов — американская разведка — готовит из них террористов и диверсантов для засылки в Советский Союз и другие страны социалистического лагеря.

Все антисоветские происки украинских буржуазных националистов и тех, кому они служат, неизменно терпели крах. Так будет и в дальнейшем. Несокрушима дружба украинского народа с русским народом и всеми народами нашей страны, строящими под руководством Коммунистической партии свою счастливую жизнь.

У ИСТОКОВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

На страницах многовековой истории человечества записано немало имен предателей своей родины, а их кровавые дела заклеены как самые позорные преступления. Среди этих изменников лидеры украинских буржуазных националистов могут претендовать на одно из первых мест.

Политический и моральный облик этих предателей народа раскрылся еще во время первой мировой войны, когда они впервые попытались осуществить свои замыслы. Украинские националисты тогда считали, что «самостийная Украина» может образоваться только в результате отделения ее от России. И они утверждали, что подобную операцию может успешно провести австро-немецкая армия при их помощи. Опираясь на материальную поддержку германского и австрийского генеральных штабов, они создали для этой цели Союз освобождения Украины¹. Каково было политическое обличье организаторов этого союза и его главного вдохновителя Д. /онцова, мы подробно расскажем дальше.

Первые неудачи австрийской армии на русском фронте и страх попасть под обстрел наступающей на Львов русской

¹ По-украински — Спілка визволення України, или сокращенно СВУ.

армии заставили всех более или менее известных украинских националистов удрать из Галиции в Вену. Вена была той Меккой, куда стремились попасть виднейшие деятели украинского буржуазного национализма, чтобы научиться некоторым секретам демагогии и обмана народа. Там готовились и националистические издания, предназначенные для антирусской пропаганды среди украинского населения.

Характерно, что львовские националисты уже в первые дни войны подготовили прокламации, одобренные австрийским командованием, для того чтобы распространять их среди украинцев по мере того, как австрийская армия будет продвигаться по территории Украины. Когда русские войска вошли во Львов, оказалось, что главари националистического общества Просвита, получившие весь транспорт этих прокламаций, бросили их в момент поспешного бегства в Вену. В этих прокламациях Союз освобождения Украины призывал украинское население за Збручем¹ «содействовать победоносной австрийской армии в ее благородном стремлении... освободить Украину». В них же содержался призыв вступать в ряды Украинских сечевых стрелков.

Украинские сечевые стрелки представляли собой военное формирование, состоявшее из сынков украинской буржуазии, воспитанных националистическими зубрами Галиции. Идея подобного воинствующего легиона родилась в головах деятелей украинских буржуазных партий еще до того, как загремели пушки первой мировой войны. Главари этих партий — депутаты австрийского парламента, адвокаты, директора банков и священнослужители были верными слугами австрийского престола, но чтобы скрыть свое подлинное лицо, они с разрешения австрийского генерального штаба выступали под желто-голубым флагом украинских националистов. Делался расчет на то, что украинское население России поверит, будто ему на выручку идут «земляки-освободители».

Низменная роль Украинских сечевых стрелков проявилась во всей своей наготе с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции. Эти янычары поддерживали все контрреволюционные элементы, старавшиеся потушить освободительный порыв украинского народа. Защищая классовые интересы помещиков и капиталистов, они оказывали помощь Центральной Раде, возглавляемой украинским помещиком Грушевским, буржуазному прави-

¹ Збруч — река, разделяющая Украину на Восточную и Западную. До осени 1939 года по реке Збруч проходила государственная граница СССР с панской Польшей.

тельству Петлюры и Винниченко, добивавшихся отделения Украины от России в суровые дни, когда вся Советская страна выдерживала тяжелые испытания войны против белогвардейцев и интервентов.

Именуя себя «самостийниками» — людьми, не желающими союза с Россией, украинские националисты ничуть не колебались сделаться союзниками злейшего врага Украины царского генерала Деникина только потому, что надеялись на благосклонную поддержку западных империалистических государств, организовавших его поход на Москву с целью уничтожить советскую власть. Идеологи украинского буржуазного национализма считали своим долгом поддержать и гетмана Скоропадского, царского генерала, палача Украины, только потому, что за его спиной стояли германские захватчики, стремившиеся поработить Украину.

Вздорные завоевательные планы украинских буржуазных националистов кончились полнейшим крахом: сечевые стрелки были изгнаны с украинской земли вместе с Петлюрой.

Последний вариант опереточного националистического правительства на Украине был назван 20 октября 1918 года Директорией; в его состав вошли представители городской и сельской буржуазии. Кратковременный гетман Скоропадский обрелся в это время уже в Берлине. В Галиции после распада Австро-Венгерской империи было создано буржуазное правительство так называемой Западно-Украинской народной республики, состоявшее из тех же самых членов австрийского парламента, которые отправили с австрийской армией на фронт сечевых стрелков для завоевания «самостийной Украины». А чтобы эта «самостийность» прозвучала по крайней мере для рекламы, недобитки националистического правительства в Киеве провозгласили объединение двух республик — надднепровской и галицийской, объединение, построенное на песке, так как и петлюровцы и галичане, претендовавшие на руководящее место в этом фиктивном государстве, чувствовали с каждым днем, что почва все больше и больше ускользает из-под их ног.

22 октября 1918 года армия панской Польши, вооруженная американской буржуазией, захватила Львов. Обретавшееся здесь правительство Западно-Украинской народной республики решило направить в Париж на мирную конференцию свою чрезвычайную миссию, поручив ей заявить о «чаяниях» населения Западной Украины. Таковую же миссию направила в Париж Директория, что находилась в Киеве.

Главарь киевских националистов, спасаясь от гнева народа, прежде всего наполнили свои карманы валютой, награбленной в разных банках. Они напечатали сотни пас-

портов для заграничных поездок и перекрасили себя в дипломатов, рассчитывая на международные законы о неприкосновенности дипломатических деятелей. Чтобы поддержать свой авторитет в Париже и других европейских столицах, националисты кричали во весь голос, что «украинская национальная» (то-есть националистическая) армия якобы ведет успешную борьбу с большевиками и вскоре завладеет всей Украиной.

Таким образом, из Киева и Львова в Париж устремились почти одновременно две дипломатические миссии националистов. Среди бутафорских дипломатов были известные наемники немецкого империализма, профессиональные шпики и даже царские чиновники. Многие из них утверждали, что у них есть «связи» в Париже и что они, конечно, могут предложить свои услуги неопытным дипломатам, не владеющим ни иностранными языками, ни искусством открывать замки «таинственных дверей».

Французское реакционное правительство Пишона в те годы охотно приветствовало бы у себя и самого чорта, если бы он назвал себя врагом большевиков. Но все же на этот раз оно должно было отказать в визе кое-кому из участников киевской и львовской «миссий» потому, что те были слишком явными немецкими агентами. Однако, несмотря на это, в Париж пробралось больше десятка германских шпионов.

Дипломаты двух националистических «правительств», направляясь в Париж, прежде всего хотели проверить, насколько благосклонно отнесутся к ним правительства стран Антанты, услышав об их желании воевать с большевизмом. «Большевики виноваты во всем», — твердили сообщники немецкого империализма. Большевики были виноваты в том, что воспрепятствовали всяким самозванным гетманам и атаманам строить «самостийную Украину» при помощи немецких штыков. Большевики были виноваты в том, что изгнали прочь с украинской земли немецких захватчиков — главную надежду украинских националистов в те годы.

Националистические дипломаты, подготавливаясь к деятельности на парижской почве, начали с того, что сняли шикарную квартиру в аристократическом квартале на улице Лаперуз и наняли специальных переводчиков и машинисток. Формально киевская и галицийская делегации объединились под одним кровом, но единогласие среди них существовало только в одном: нужно как можно скорее изгнать с Украины большевиков и просить для этого подкреплений у вершителей судеб новой Европы — парижских «миротворцев».

В руководящих кругах Парижской мирной конференции преобладало мнение, что украинский вопрос слишком запутан и поэтому гораздо удобнее заняться отдельно русским вопросом и отдельно вопросом о Галиции, как частице наследия рассыпавшейся Австро-Венгерской империи. Эта точка зрения усилила разногласия среди националистических дипломатов с обеих сторон Збруча, твердивших, как в исступлении, фразу о «самостийной Украине». Они обращались к правительствам Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки за помощью, чтобы воскресить разгромленную украинским народом националистическую армию. В своей демагогической болтовне эти дипломаты старались всячески скрывать то обстоятельство, что их правительства перестали фактически существовать и не пользуются ни малейшим влиянием на украинской земле, где все прочнее утверждалась советская власть. Их дипломатические реляции, оставленные без ответа, секретари мирной конференции отправляли в архив.

Обескураженные более чем холодным приемом, который они встретили в Париже, украинские «самостийники» начали прислушиваться к «трезвым» советам разных «осведомленных» в политике информаторов. Одни из националистов пытались приблизиться к приемным бывших царских дипломатов, другие, следуя примеру Петлюры, черпали свою мудрость в кругах польской шляхты, хваставшейся крепкими связями с французской аристократией. Ничего удивительного, что вскоре делегаты киевской и львовской «дипломатических миссий» начали подозревать друг друга в измене и тайком отправлять меморандумы в адрес французского министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ и председателя Парижской мирной конференции Клемансо. Петлюровцы заявляли, что только они имеют право говорить от имени «соборной Украины». Галичане утверждали, что вопрос о Восточной Галиции является только их компетенцией, потому что эта территория — часть бывшей Австро-Венгрии. Польские делегаты в Париже сумели воспользоваться этими противоречиями, тем более, что они прекрасно были знакомы со всем архивом галицийской миссии, пристроив к ней в качестве машинистки свою шпионку и подкупив почтовых чиновников, которые передавали польской делегации всю переписку, отправляемую из Парижа в Вену.

За время работы Парижской конференции был только единственный случай, когда националистическим дипломатам представилась возможность увидеть «вершителей судеб Европы». Однажды Клемансо и Ллойд Джордж перессорившись по поводу чрезмерных претензий панской Польши, решили выслушать «представителей украинского населе-

ния». Галицийские и петлюровские дипломаты стремглав кинулись во французское министерство иностранных дел. Там за длиннейшим столом заседаний им поставили только один вопрос:

— А если бы вам можно было выбирать между большевиками и Польшей, то кого бы вы предпочли, к кому бы вы присоединились?

— Мы хотели бы быть самостоятельными, — продекларировали националистические холоуи.

— Это не ответ на поставленный вопрос, — резко ответил французский премьер Клемансо, и на этом разговор окончился.

Спустя некоторое время, когда стало ясно, что перед украинскими националистами все двери закрыты, в голове какого-то советчика Петлюры возникла идея пригласить на пост председателя петлюровской миссии в Париже председателя польской миссии при Ватикане графа Михаила Тышкевича. Этот дипломатический ход имел целью установить связи украинских националистов с польской аристократией.

Граф Тышкевич, по происхождению поляк, фанатичный католик, пожелал прославить себя в роли украинского патриота. Его два брата занимали высокие посты в Польше и Литве. Выступая в роли представителя Украины в Париже, граф Тышкевич воспользовался рекомендациями лиц, близких к римскому папе. Эти рекомендации были адресованы влиятельным политикам из клерикальных кругов Франции. Графу удалось отыскать двух депутатов французского парламента, которые согласились выступить с представлением по вопросу о «самостоятельной Украине». В их лживых выступлениях говорилось, что «украинцы» устали, выбились из сил, отступают, но в некоторых местах все-таки победили большевиков, а потому необходимо как можно скорее оказать им моральную помощь, признать их «самостоятельность», послать на Украину гражданскую и военную миссии, снабдить националистов одеждой, обувью, оружием, лекарствами. «На Украине, — говорили эти депутаты, — не забыли, что Одесса основана французским генералом Дерibasом, что выстроена она французскими инженерами и разукрашена великим французом Ришелье, который поддерживал дружбу с царем Александром...».

Граф Тышкевич уверял французоз, что на Украине до сих пор в крестьянских хатах висят портреты Наполеона и крестьяне только и ждут прихода французоз, чтобы подняться против России.

Украинским буржуазным националистам нравились замашки польского графа, который и сам серьезно верил, что два католические государства — Франция и Польша — помогут

украинским националистам посадить в Киеве своего гетмана, а тот, безусловно, согласится на замену православия католицизмом...

Мы рассказали в самых общих чертах о преступных делах украинских буржуазных националистов в начале 20-х годов. Теперь уместно будет обрисовать облик наиболее видных представителей этой породы предателей и изменников.

* * *

В начале 1941 года на польской территории, захваченной гитлеровскими войсками, состоялось совещание всех бежавших от гнева украинского народа националистических бандитов, так называемый Второй большой съезд украинских националистов.

Первым из вожаков украинского национализма, кому послали приветствие собравшиеся бандиты, был Донцов — «идеолог» украинского фашизма, один из старейших и наиподлейших предателей украинского народа.

Чем же заслужил Донцов такое уважение со стороны сборища бандитов желто-голубой окраски?

Еще во время первой мировой войны, когда украинские националисты — депутаты австрийского парламента, всякие левицкие, трильовские и бароны васильки — отдавали на выучку австрийским и немецким генералам галицийскую молодежь, идеологическую обработку этой молодежи проводил Дмитрий Донцов.

Старый политический комбинатор, типичный националистически настроенный мещанин, Донцов после событий 1905 года в России эмигрировал за границу. После краткого пребывания в Швейцарии он избрал местом своего постоянного жительства Львов. Свою показную ненависть к русскому царизму Донцов очень ловко сочетал с лойяльностью к австрийскому правительству, которое в те годы охотно давало приют политическим эмигрантам из России.

Возглавляемый Донцовым, Скоропис-Йолтуховским и Басок-Меленевским и созданный разведками западных держав Союз освобождения Украины (СВУ) вопреки своему названию преданно служил интересам не Украины, а австро-германских империалистов. Это вполне понятно, особенно если вспомнить биографии и политическую карьеру этих предателей.

«Вождь» зловещего СВУ Донцов, впоследствии консультант обер-изменника Симона Петлюры, был самым настоящим австро-немецким агентом, а Басок-Меленевский уже в 1917 году стал известен как отъявленный немецкий шпион-

профессионал. Это подтверждалось, в частности, и данными специальной книги под названием «Украина», изданной на правах рукописи министерством иностранных дел Англии для участников Парижской мирной конференции.

Союз освобождения Украины был организован австрийским и германским генеральными штабами и для таких целей, как шпионская служба и перевоспитание военнопленных украинской национальности, чтобы затем использовать их в борьбе против родных братьев. Центром для организации и проведения своей работы Союз освобождения Украины избрал два будто бы нейтральных города — Вену и Константинополь. Немецкие марки доставлялись туда непрерывно. Познакомившись с этими марками, организаторы СВУ не расставались с ними всю жизнь.

Служа немцам и австрийцам, Донцов в 1918 году мчится на захваченную ими Украину. Появившись в Киеве в обозе немецко-австрийских оккупантов, Донцов сразу развил лихо-радочную деятельность. Он возглавлял прессбюро у ставленника немцев — гетмана Скоропадского. Перевирая в своих писаниях исторические факты в угоду западным империалистам, Донцов оплевывает русский народ, его культуру, его историю. Он выливает ведра помоев на друзей Тараса Шевченко, на русских писателей и художников, которые помогли великому украинскому поэту освободиться от помещичьей неволи. Донцов всячески старается насадить в украинском народе культ предателя Мазепы.

Агитаторы СВУ приходят в казармы, где расположены военнопленные-украинцы, и стараются внушить им ненависть к русскому народу. Но все их старания были напрасны. Вчерашние невольники немецких концентрационных лагерей — рабочие и крестьяне Украины отлично разбирались в предательской деятельности этих панычей, из карманов которых торчали пачки немецких марок и австрийских крон. Они понимали, что скрывается за демагогическими лозунгами «самостийной, соборной Украины». Они понимали, что не рабочий из Тулы, не крестьянин из вологодского села их враги, а украинская буржуазия, украинские помещики, помогающие немецким империалистам превратить Украину в германскую колонию. Солдаты-украинцы, которых так усиленно пропагандировал Донцов и его сообщники, не захотели идти в бой против своих русских братьев, против советской власти и разбежались.

Когда Красная Армия изгнала с украинской земли всех предателей народа и войска интервентов, Донцов пошел на службу к Петлюре и, находясь вместе с ним в Западной Украине, просил помощи у маршала Пилсудского. Его ни-

сколько не смущало, что белополяки захватили западноукраинские земли и тысячами убивают и гноят в тюрьмах украинских патриотов.

Донцов старается угодить своим новым хозяевам. Он отбрасывает все, что писал раньше о шляхетской Польше, и пишет книжку «Основы нашей политики», в которой, в угоду западным империалистам, доказывает, что единственным и естественным союзником Украины может быть... только панская Польша.

Донцов появился во Львове не один. С ним вместе туда ринулись и другие украинские националисты. Под руководством Донцова они организуют во Львове, при поддержке польских реакционных кругов, центр фашистской пропаганды. Они поступают на службу немецкой разведки, связывают свою дальнейшую судьбу с немецким генеральным штабом, который мечтает о реванше и с этой целью подкармливает своих союзников и агентов. Донцов издает литературу, пропитанную ядом человеконенавистничества. На деньги и по поручению прислужника Гитлера, руководителя украинских террористов Коновальца, Донцов выпускает во Львове журнал «Вестник», в котором рьяно пропагандирует фашизм и национализм. Он восхваляет Гитлера и Муссолини, восторгается «прыжками японской пантеры в Азии», то-есть грабительскими действиями японского империализма.

В качестве приложений к своему журналу Донцов издает книжонки, посвященные Гитлеру и Муссолини как творцам «нового порядка» в Европе.

Далеко не случайным является то обстоятельство, что местом для своей штаб-квартиры Донцов на долгие годы избрал именно Львов. Старый матерый предатель украинского народа чувствовал себя как рыба в воде в этом городе, в то время почти лишенном промышленности, в окружении украинских буржуа, где, по словам украинского поэта-революционера Александра Гаврилюка:

...всюду, начиная с «Дела»¹,
распространяясь вширь и вглубь,
реакция вовсю смердела,
как разлагающийся труп.
Как будто спор вели злодеи:
кто всех постыдней и подлее...

В этом живописном, на первый взгляд тихом, провинциальном городе свили себе шпионские гнезда десятки иностранных агентур, действовавших против Советского Союза.

¹ Газета «Діло» («Дело») — орган партии украинской буржуазии — УНДО.

Руководители империалистических разведок, склоняясь над картой Европы в Берлине, Париже, Лондоне, Риме и Нью-Йорке, хорошо знали, что малоизвестный миру Львов составляет им руками таких вот донцовых необходимую и самую широкую информацию для антисоветских происков.

Во времена панской Польши не было недели, чтобы во Львов не приезжали иностранные «журналисты», «представители торговых фирм» и всякого рода «делегаты». Они называли по-разному свои профессии, но редко фамилии в их паспортах были подлинными. Одни из приезжих будто бы интересовались экспортом украинского масла и яиц, другие изучали кооперативное движение, третьи заявляли, что они интересуются галицийским вопросом, то-есть тем, в какой мере Польша оберегает национальные интересы украинского меньшинства. «Гости» беседовали с воеводой, с митрополитом Шептицким, посещали редакции, шатались по кабакам и гостиницам.

И все эти иностранцы, исполнители различных поручений поджигателей войны, облюбовали Львов для своих преступных действий, как один из городов, расположенных вблизи советской границы.

Случайный человек, приехавший во Львов, прогулявшись по улицам города, познакомившись с его ресторанами и кафе, мог, конечно, записать в своем дорожном дневнике, что какая-то часть населения города живет здесь беззаботно. Как же иначе можно было объяснить такое явление, что с раннего утра до поздней ночи некоторые жители города были заняты только бесконечными разговорами за кружкой пива, отдыхали от безделья на диванах кафе под звуки цыганской музыки или играли в карты?

Так проводили время те, что жили за счет чужого труда. Трудящееся население Львова и в частности украинская молодежь, дети крестьян и рабочих, жили иначе. Они не имели доступа в школу, им не давали возможности ни овладеть ремеслом, ни даже работать у прилавка. Владелец любого частного предприятия, нанимая на работу, прежде всего спрашивал о национальности. Если претендент оказывался украинцем, то, как правило, следовал ответ: «Нет места». Вот почему часть безработной молодежи в поисках выхода из тяжелого положения попадала в лапы к украинским буржуазным националистам.

На чьи деньги одевались, нанимали комфортабельные квартиры и откармливались в ресторанах сотни тех львовских интеллигентов, которые с утра и до вечера проводили время в политических дискуссиях? Из чьих фондов получали деньги люди без определенных занятий на организацию фашистских издательств и газет?

Несостоявшийся император

Если на такие вопросы не мог ответить рядовой, мало сведущий в политике гражданин, то они должны были быть абсолютно ясны охранке панской Польши, весьма заинтересованной в том, чтобы знать, чем занимаются украинские националисты, выдававшие себя за борцов против польского ига.

Руководство украинских буржуазных националистов состояло на службе у немецких фашистов. А первый пункт политической программы гитлеровцев гласил: «любой ценой добиться уничтожения Советского Союза». Польские паны подкручивали от удовольствия усы, уверенные, что от такого дела и им перепадет лакомый кусок. Они во всяком случае были довольны, что хоть на время «получили покой» на западноукраинских землях и смогут использовать украинских националистов в своих антисоветских интригах. К тому же украинские буржуазные националисты обязались энергично помочь польской охранке выловить на западноукраинских землях всех подозреваемых в сочувствии советской власти, всех «коммунистических смутьянов». За это они получили разрешение печатать все, что им вздумается, на тему о «самостийной Украине». Не кто иной, как маршал Пилсудский и его наследник — опереточный генерал Рыдз-Смиглы считали себя сторонниками именно такой «самостийной Украины», которую они даже могли бы защищать своим шляхетским оружием. А какого-то там Петлюру они перевезут из варшавской гостиницы в киевскую, и он будет низко кланяться в пояс польским панам за то, что они позволили ему называть себя атаманом. Пока же пусть «самостийники» помогают польской полиции вылавливать коммунистов.

Во Львове в те годы еще доживали свой век представители старшего поколения галицийских политиканов — верные псы австрийского престола. Когда им стало, наконец, ясно, что западные державы посмеялись над ними, обещая «галицийскую автономию», они начали бороться уже не за какую-то там «автономию», а за право организовать частный банк или другое коммерческое предприятие. Бессменный многолетний председатель украинского парламентского представительства в Вене Кость Левицкий возвратился во Львов и тайно дал торжественное обещание быть лояльным к польскому правительству. Для того чтобы найти новый источник дохода, он стал председателем комитета по строительству украинского театра во Львове. Все, что общественность собрала для этой цели, он сумел прикарманить, ссылаясь на валютные изменения.

Вслед за Левицким появляются во Львове и другие «общественные деятели», продавшиеся немецкому империализму. Тут были представители разных партий и групп, для види-

мости враждовавшие друг с другом, а в действительности тесно связанные общими классовыми интересами. Они были призваны буржуазией усыплять бдительность рабочих и крестьян западноукраинских земель. Варшавское правительство не мешало, а, наоборот, приветствовало появление новых политических партий на этих землях.

Зубры национализма активизировались вокруг украинской национально-демократической партии, которая насчитывала за плечами тридцатипятилетний стаж предательства. Эта партия организовала в 1918 году правительство Западно-Украинской народной республики, в ее руках были две насквозь продажные газеты — «Дело» и «Свобода».

Национал-демократы некогда цеплялись за хвост мантии австрийского императора, полагаясь на его, по выражению Ивана Франко, «свинскую конституцию». Они всегда опирались на украинскую буржуазию и попов и ненавидели рабочих и крестьян. Стоило только крестьянам в 1918 году во времена существования Западно-Украинской народной республики начать делить помещичьи земли, как всякие левицкие организовывали кровавые карательные экспедиции.

Те самые адвокаты, которые с таким пафосом ратовали на митингах за создание единого украинского государства, выступали как самые заклятые враги трудящихся масс Западной Украины, стремившихся к объединению с Советской Украиной.

В 1926 году украинская национально-демократическая партия меняет свою вывеску, она хочет сгладить перед общественным мнением сам факт позорного провала ее политики и начинает называться украинское национал-демократическое объединение (УНДО). В качестве руководителя выдвигается Дмитрий Левицкий — провинциальный адвокат, который в должности петлюровского «дипломата» в Копенгагене нажился на спекуляции валютой и купил себе во Львове особняк.

В состав УНДО вошли представители самой оголтелой части украинской буржуазии, которые шли на сговор с польскими захватчиками, пожимали руки агентам немецкого фашизма. В объединение вошли те, кто повторял всяческие небылицы и любую клевету о Советском Союзе, распространяемые польской и немецкой реакционной прессой, кто лебезил перед греко-католическим митрополитом Шептицким только потому, что он имел деньги и связи с высокопоставленными особами. УНДО впитала в себя разномастный националистический сброд, желавший жить в мире с пилсудчиной.

Жил, например, во Львове продажный адвокат Степан Федак, директор банка «Днестр» и член партийного суда УНДО.

Сын Федака, покушавшийся на Пилсудского, почему-то очень быстро был освобожден из тюрьмы; две дочери Федака вышли замуж за двух руководителей украинской военной организации (УВО) — за Коновальца и Мельника — провокаторов и террористов, которые жили за границей. Об этом все знали, знала хорошо и польская охранка.

Мог ли кто-либо поверить, что в семье Федака и в его ближайшем окружении не знали о «работе» его многообещающих зятьков?

В 1929 году украинская военная организация — УВО, возглавляемая Коновальцем и Мельником, стала выступать под новой вывеской. Она назвала себя Организацией украинских националистов (ОУН).

Единичные террористические акты, совершавшиеся членами ОУН против отдельных государственных деятелей панской Польши, ставили своей целью завоевать симпатии широких крестьянских масс, которые, ощущая на своей шее петлю, все туже затягивавшуюся польскими захватчиками, ненавидели их. Но эти террористические акты были довольно редки, плохо организованы и мало эффективны. Польская охранка не мешала террористам.

ОУН установила связь со всеми реакционными силами Польши и Германии, которые исподтишка готовили военный поход против Советского Союза.

ОУН не выступала в Польше и на западноукраинских землях открыто как политическая партия. Для легальной деятельности она создала особую организацию — Фронт национального объединения, — которая проводила пропаганду за «самостийную Украину», всячески подчеркивая враждебность ко всему советскому. Заправилой Фронта национального объединения был Дмитро Палиив.

В 1930 году во Львове, по указанию Ватикана, была создана Украинская народная католическая партия. Ее организовал митрополит граф Андрей Шептицкий. Он имел намерение убить сразу двух зайцев: усилить пропаганду католицизма и иметь под рукой людей, которые поддерживали бы систематическую связь с другими партиями украинских буржуазных националистов. Как глава униатской церкви¹, Шептицкий стремился приблизить формы греко-католического обряда к византийской восточной обрядности. Однако за этим скрывались старые планы окатоличивания Украины при помощи немецких танков и униатского кропила. Шептицкий ловко использовал свое влияние на руководство УНДО — всех тех сомнитель-

¹ Униатская, или греко-католическая, церковь — подчиненная Ватикану церковь с богослужением на украинском языке.

ных «директоров» и «советников», которые при всяком удобном случае заявляли, что без религии не может быть настоящей «самостийной Украины».

Была во Львове еще одна политическая партия украинской буржуазии — Украинская социал-радикальная партия (УСРП) во главе с Кириллом Трильовским и Даниловичем, такое же сборище предателей, как и другие подобные ей партии.

Готовясь к войне, немецкие фашисты, естественно, стали прибирать к рукам всех изменников народов тех стран, против которых предполагали воевать. Украинские буржуазные националисты были охотно приняты гитлеровцами на «вооружение».

Проект создания «независимой» Украины был одобрен Гитлером, как в свое время одобрял его и кайзер. Руководство организацией украинских националистов взял на себя подручный Гитлера, «теоретик» расизма Розенберг. В это же время в игру вошла и немецкая разведка в лице полковника Николаи, который решил создать международную организацию украинских националистов, имея в виду использовать и реакционные элементы украинской колонии в США. В ход были пущены не только немецкие марки, но и американские доллары.

По выбору Николаи возглавил новую организацию полковник Евген Коновалец, который в свое время служил в немецкой оккупационной армии на Украине и стяжал себе громкую славу насильника и убийцы. Удирая в 1919 году с Украины, Коновалец успел захватить с собой два огромных чемодана награбленного золота, драгоценностей и бриллиантов.

Первое знакомство Коновальца с Гитлером состоялось еще в 1922 году. И уже тогда способный полковник австрийской службы, украинец по национальности, произвел выгодное впечатление на будущего фюрера, вынашивавшего за одиннадцать лет до захвата власти фашистами план превращения Украины в немецкую колонию.

В 1930 году Коновальца уже знали разведки многих стран как немецкого шпиона. Это не мешало ему работать и по поручениям японского генерального штаба. Коновалец побывал во всех закоулках европейского континента, в Азии, в Северной и Южной Америке.

Международная банда шпионов и диверсантов, собранная Коновальцем под руководством немецкой разведки и украинских националистических центров, вызванных к жизни американскими долларами, действовала под вывеской уже упоминавшейся нами Организации украинских националистов (ОУН). Коновалец засылал своих эмиссаров во Францию, Румынию, Чехословакию, Польшу, Канаду, Соединенные

Штаты Америки. Они разъезжали по всему миру на деньги немецких фашистов, стараясь создать повсюду, где жили украинцы, ячейки ОУН.

В Германии для членов ОУН были открыты особые школы, в которых слушатели основательно изучали технику шпионажа, диверсий и убийств.

Первая такая школа была создана германским военным министерством в Данциге¹ в 1928 году. Преподавали в ней офицеры германской разведки. Они учили членов ОУН различным методам похищения военных тайн, изготовления бомб, устройства взрывов на предприятиях и совершения политических убийств. В курс подготовки входило также военное обучение по программе, принятой в германской армии.

В Берлине, после того как Гитлер захватил власть, была открыта центральная академия для членов ОУН. На организацию этой академии гитлеровцы не пожалели средств; они укомплектовали ее квалифицированными преподавателями и оснастили «научной аппаратурой». Адрес академии — Берлин, Мекленбургштрассе, 75. В ней обучали шпионажу, диверсиям и террору.

Формируясь на территории Германии из числа бывших членов Украинской военной организации и других подобных ей преступных групп, ОУН избрала главными методами своей работы шантаж, убийства из-за угла, отравление и ограбление. Ее вожаки заявляли, что они не признают никаких законов морали.

Газета «Украинский националист» откровенно писала: «Украинский национализм не считается ни с какими общечеловеческими понятиями — солидарности, справедливости, милосердия, гуманизма. Любая дорога, которая ведет к исполнению наивысшей нашей цели, есть наша дорога, нисколько не считаясь с тем, как будет это у других называться — героизмом или подлостью».

Крестным отцом организации украинских националистов, созданной Коновальцем по образу и подобию партии немецких фашистов, был Гитлер. Именно у Гитлера и его американских опекунов украинские националисты научились вероломству и преступности, подражая им в своих больших и малых преступлениях.

Программу террора и убийств Организация украинских националистов начала осуществлять на глазах у всего света после 1929 года.

¹ Данциг — немецкое название польского города Гданьска на Балтийском море. Между первой и второй мировыми войнами Данциг считался вольным городом и находился под протекторатом Лиги наций. Фактически полным хозяином Данцига была Германия.

По специальному приказанию одного из ее вожаков, Степана Бандеры, сына греко-униатского попа из села Воля Задерецкая на Дрогобыччине, в 1930 году в редакцию львовской антифашистской газеты «Сила» была брошена бомба. По утверждению бандитов из ОУН, это покушение «должно было продемонстрировать, что с большевиками мы будем бороться подобными техническими приемами».

Одной из первых жертв ОУН явился секретарь советского консульства во Львове Андрей Майлов. 21 октября 1933 года его убил подосланный Коновальцем и Бандерой кулацкий сын Лемик. Бандитская организация сама призналась в этом убийстве.

В 1934 году бандиты из ОУН бросили бомбу в редакцию львовской антифашистской газеты «Праця».

По заданию своего руководства члены ОУН совершают вооруженное нападение в городе Городке, неподалеку от Львова, на местную почту. Цель нападения — ограбление. От пуль оуновцев, руководимых нашедшим сейчас приют в Канаде, Миколой Лебедем, гибнут мирные почтовые работники, их дети остаются сиротами, жены — вдовами. Террористическая деятельность ОУН ширится.

В 1936 году члены ОУН по заданиям своей краевой экзекутивы убивают в селе Двирцы Львовского воеводства местного кузнеца украинца антифашиста Билецкого. Ему отсекают голову и ножом вырезают на лице крест...

Почему было совершено это неслыханное злодеяние над кузнецом Билецким?

Только потому, что он не скрывал своих антифашистских настроений!

В том же 1936 году участники ОУН производят бандитское нападение на крестьян, которые собрались на вечер, посвященный памяти великого украинского поэта Ивана Франко в его родном селе Нагуевичи.

Степан Бандера выезжает в Берлин для встречи с Ришардом Яры (о нем разговор будет дальше) и известным предателем хорватского народа Анте Павеличем¹, которого уже давно закупили на корню гитлеровцы. Затем Степан Бандера, получивший от немецкой разведки кличку «Серый», едет вместе с Павеличем в Италию, где в те годы находилась школа сбежавших из Югославии хорватских фашистов — усташей.

В этом гнезде международных террористов около Бреннера Бандера, Роман Шухевич и участники их шайки проходят практическое обучение в области «мокрых дел». Они учатся

¹ Анте Павелич — вожак хорватских фашистов.

владеть огнестрельным и холодным оружием, пользоваться взрывчатыми веществами, подделывать документы, конспирировать свою преступную деятельность. Инструкторы-гитлеровцы и агенты ОВРА¹ — чернорубашечники Муссолини — обучают их тайным убийствам из-за угла.

Пополнив свои знания в школе усташей, Бандера едет в Женеву с визитом к своему шефу — Евгению Коновальцу. В Женеве рядом с домом Лиги наций нашел себе пристанище главарь ОУН. По заданию Берлина он активизирует свои кадры. Его давние приятели Гитлер и другие, наконец, пришли к власти. Коновалец уже неоднократно встречался с Альфредом Розенбергом. Не только Розенберг, но и другие видные гитлеровцы обещали ОУН полную материальную и моральную поддержку. Планируя войну против СССР, Гитлер и его клика отдают себе отчет в том, что в этой войне им могут пригодиться отщепенцы украинского народа из шаек Коновальца. А ОУН, в свою очередь, подтвердила свою готовность помогать гитлеровцам в захвате Украины.

Гитлер рекомендовал Коновальцу договориться с бывшим гетманом Украины генералом Павлом Скоропадским, проживавшим в Берлине, о пополнении своих кадров за счет гетманцев. Фашисты организовали для украинских националистов офицерскую школу в Берлине. Там же существовали и курсы эмиссаров украинских националистов. Неоднократно выпускники этих курсов нелегально переходили границу Польши и создавали на западноукраинских землях сеть организаций ОУН, нацеленную против Советского Союза.

Полиция в самой панской Польше и на землях Западной Украины регистрирует оживление работы ОУН, вызванное приходом к власти Гитлера. Сообщениями об этом заполнены все полицейские архивы Львовского и других воеводств за тридцатые годы. Однако решительные действия против ОУН польская полиция боится предпринимать, зная, что за спиной руководителей ОУН стоит гитлеровская Германия.

Тогдашние правители Польши, увлеченные антисоветским курсом политики немецких фашистов, закрывали глаза на то, что гитлеровская агрессия угрожала и самой Польше. Они были готовы превратить свою страну в коридор, через который пройдут гитлеровцы для захвата советских земель. При этом польские магнаты надеялись урвать кусочек и себе, получить кое-какие комиссионные за счет Советской Украины и Советской Белоруссии. Потому-то правительство Пилсудского в 1934 году заключает с гитлеровской Германией договор о ненападении. Суть этого договора сводится к готовности поль-

¹ ОВРА — тайная полиция фашистской Италии.

ского правительства развязать фашистам руки для выполнения их империалистических планов, открыть им путь на Восток.

Знаменательно и то, что после заключения договора Пилсудского с Гитлером, словно по команде, прекращаются единичные террористические акты против отдельных чиновников панской Польши, которые предпринимала ОУН для поднятия своего престижа. Раз хозяева договорились, какой же смысл давать волю страстям их холопов?

Словно по своей колонии, разъезжали по польским землям в те тридцатые годы германские гаулейтеры и министры. В феврале 1936 года прибыл в Польшу осматривать свое будущее генерал-губернаторство гитлеровский министр юстиции Ганс Франк. Вместе с Герингом и президентом Данцига Грейзером он охотился в Беловежской пуще в сопровождении руководителей польского правительства. На «усовершенствование» к Гимmlеру ездил комендант польской полиции Кордиан-Заморский.

Подлинные патриоты Польши высказывали возмущение предательской политикой польских буржуазных правителей. Центральный комитет Коммунистической партии Польши опубликовал воззвание, в котором подчеркивал, что в те дни украинский национализм подавал руку польскому национализму для совместного похода на Москву. Оснований для такого утверждения было вполне достаточно. В памяти у всех была нота Советского правительства в связи с воинственной речью волынского воеводы Юзефского. Соучастник атамана Петлюры в его кровавых походах по Украине польский воевода Юзефский открыто призывал оторвать силой оружия от Советского Союза часть территории Советской Украины!

В одном из документов Коммунистической партии Польши справедливо указывалось:

«В борьбе с трудящимися и в подготовке набега на УССР и БССР польские капиталисты и помещики находят поддержку у кулацких элементов и у буржуазии завоеванных территорий».

Подобная политика правящей верхушки Польши, на земле которой развивала свою деятельность ОУН, не была случайной.

Как известно, еще со времен гражданской войны в Советской России на польской территории открыто существовали белоэмигрантские организации и антисоветские отряды Петлюры, Булак-Булаховича, Тютюнника, Савинкова. Антисоветская направленность любой из украинских националистических организаций давала ей в панской Польше право

убежища, издания собственной литературы и ведения пропаганды против Советской России.

В рядах руководства ОУН польская контрразведка имела крупного агента Ярослава Барановского. Бандеровцы сами рассказали об этом в своей брошюре «Для чего нужна была чистка в ОУН».

В этой книжонке говорится о том, как покрывал Мельник своего приближенного, провокатора Барановского, как по заданию польской дефензивы Барановский убил грозившего ему разоблачениями Тураша.

Ярослав Барановский выполнял в ОУН, как признают сами бандеровцы, функцию связного между главным руководством, находившимся на территории Германии, и руководителями оуновских шаяк в Западной Украине. Он знал всю подноготную личной жизни Мельника и допускал к нему рядовых членов ОУН с большим выбором.

Потворствуя, таким образом, действиям ОУН, польская дефензива, на службе у которой состояли многие украинские националисты, вредила не только общему делу мира, но и в первую очередь интересам польского народа.

Служа пилсудчикам, оуновцы попутно работали по заданиям гитлеровской разведки, направленным не только против Украины, но и против самой Польши.

Всей шпионской работой гитлеровской разведки в Польше руководил личный друг Мельника и Бандеры — секретарь немецкого консульства в Варшаве Карл Биргом. Его помощником был Рудольф Гутман, частенько приезжавший во Львов для встречи с вожаками украинских националистов, услугами которых он широко пользовался.

Большую помощь оуновцам оказывал также и гитлеровский шпионский центр на землях Западной Украины — филиал данцигской фирмы «Хартвиг». Он помещался во Львове по улице Леона Сапеги. Контакт сотрудников фирмы «Хартвиг» с ее центром в Данциге значительно облегчался тем обстоятельством, что для проезда из Польши в «вольный город» Данциг не надо было получать виз. Под видом сотрудников фирмы «Хартвиг» во Львов ездили не только курьеры-связные ОУН, но и те члены организации, которым, по указанию своего начальства, надлежало пройти подготовку, какую в свое время проходил в школе усташей в Италии сам Бандера-Серый.

«Первый серьезный удар был нанесен ОУН в 1938 году; советские органы безопасности разгромили всю ее подпольную сеть на Украине. В том же году Гитлер и полковник Николай решили, что главарь ОУН — Коновалец — знает слишком много тайн германского правительства и приобрел такие междуна-

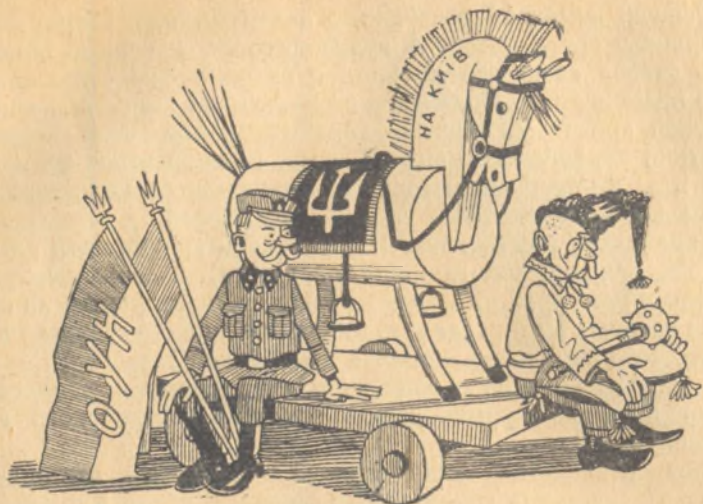
родные связи, что в дальнейшем может оказаться трудным держать его в руках. По этим соображениям они организовали вручение Коновальцу, находившемуся в то время на съезде украинских «националистов» в Роттердаме (Голландия. — *Ред.*) особого «подарка».

У входа в зал заседаний один из помощников Коновальца, доверенный агент гестапо, подал своему шефу сверток, сказав, что это предназначено лично ему. Когда Коновалец развернул сверток, находившаяся в нем бомба разорвала его на куски. Таким образом Коновалец стал «мучеником» украинского «националистского» движения. Высокопоставленные нацисты после этого не раз говорили, и по всей вероятности искренне, «что после смерти полковник Коновалец оказался для них еще полезнее, чем при жизни».

Эти строки принадлежат перу прогрессивных американских журналистов Альберта Кана и Майкла Сейерса, написавших книгу «Тайная война против Америки».

Смерть Коновальца от руки одного из его сотрудников не была единичным случаем. Главари ОУН во время второй мировой войны часто прибегали к террору, чтобы избавиться от своих соперников. За влияние, за доступ к сытной кормушке они воевали всяким оружием — доносами, заговорами, выстрелами из револьвера.

В ПРЕДДВЕРИИ «ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

Одним из самых главных советников Евгена Коновальца и членов так называемого узкого руководства ОУН был упоминавшийся Ришард Яры.

По свидетельству самих националистов, личность эта представляется в таком свете:

«...Чужестранец, австрийский офицер Яры после развала Австро-Венгрии вступил в ряды Украинской галицийской армии¹. Благодаря своим связям с украинскими офицерами он вступает в УВО. Точный, практичный, ловкий в налаживании различных технических дел и поручений, он вскоре сблизился с главным вожаком националистов Коновальцем и после I конгресса ОУН механически сделался членом организации. Став влиятельным деятелем ОУН, он начал использовать ее для собственных целей и интересов».

Так сами оуновцы на страницах «Белой книги» охарактеризовали одного из главарей украинских националистических банд, сыгравшего в их кровавых делах весьма видную роль.

¹ Украинская галицийская армия (УГА) — военное формирование украинской буржуазии — была образована из бывших военнослужащих австрийской армии после развала Австро-Венгрии в 1918 году.

Офицер немецкой разведки, а затем гестапо, Ришард Яры по приказу своих шефов — руководителей немецкого шпионажа — связал свою деятельность с полковником Коновальцем и его преемниками. Появление этого матерого шпиона на политической арене ОУН очень характерно для всей кровавой практики украинского национализма. Именно через субъектов типа Яры империалистические разведки всегда дирижировали деятельностью предателей украинского народа.

Украинский националист Иван Лемковский, офицер разведки УГА (Украинской галицийской армии), в своих неопубликованных мемуарах «Разведка УГА» сообщает факты, на основании которых можно сделать вывод, что начало военного и политического шпионажа, который проводила разведка УГА, следует отнести к моменту появления в верхушке командования армии Виктора Курмановича — офицера австрийского генерального штаба.

Хорошо знакомый с постановкой шпионажа в австрийской армии, полковник, а впоследствии генерал Виктор Курманович, возглавляя штаб УГА в Ходорове, организовал при этом штабе так называемый ЭрВу — разведывательный отдел.

Лемковский вынужден признать, что «пестрота» состава детективов этого отдела была результатом того печального факта, что специалистов по этой части среди украинцев под рукой не было. Вполне закономерно, что в системе тайной разведки УГА действовали поэтому австрийские агенты и другие чужестранцы. «Общество, — пишет Лемковский, — враждебно и с пренебрежением относилось ко всякой полицейской и разведывательной службе, предпочитая ей более достойные посты... Ничего нет удивительного, что в результате такого отношения охранять созданный строй должны были чужестранцы».

Оправдав, таким образом, появление в разведке УГА иностранцев, Лемковский подробно рассказывает, как ЭрВу участвовал в разгроме революционного движения в Западной Украине, как, в частности, при содействии тайной разведки УГА весной 1919 года были решительно подавлены революционные выступления трудящихся в Дрогобыче. Лемковский сообщает о контакте ЭрВу с разведкой белой армии генерала Деникина и румынской охранкой (сигуранцей) и хвастается тем, что «разведчики ЭрВу доходили не только до Киева, но еще глубже в большевистский тыл, до Москвы...»

Лемковский скорбит в своих мемуарах по поводу того критического положения, в котором оказались шпионы УГА, когда главнокомандующий УГА генерал М. Тарновский стал вести переговоры с белой армией Деникина, а Петлюра возобновил переговоры с панской Польшей, в итоге которых вся Западная Украина была, как известно, отдана под власть пилсудчиков.

«Каждая ориентация требовала информации о состоянии того партнера, с которым имели намерение вести переговоры», — жалуется Лемковский.

Ну как здесь не растеряться верным, но малоопытным последователям австрийских шпионов? Тем более, что УГА в результате предательской политики ее руководителей была выведена в то время за пределы западноукраинских земель и очутилась в тяжелом положении.

«Тиф косил УГА, — пишет Иван Лемковский, — бригады уменьшались до размера сотен и куреней. Смерть уничтожала и разведывательный персонал. Территория Украины, занятая УГА, кишмя кишела разведчиками всяких партий и государств».

Но вот наступают перемены, о которых Иван Лемковский вспоминает с дрожью в голосе. «С того момента, когда шефом штаба главного командования УГА стал генерал австрийской армии Цириц, разведка сильно укрепилась. Генерал Цириц продвигал на ответственные посты немецких офицеров из своего окружения. Одного из них — атамана Вурма, он назначил шефом ЭрВу, одновременно оставив у руководства поручика УГА Родиона Ковальского».

Мы позволили себе углубиться в прошлое украинского национализма только для того, чтобы напомнить читателю тот немаловажный факт, что приближенный генерала Цирица и новый шеф разведотдела атаман Вурм был близким другом Ришарда Яры, ставшего в тридцатых годах доверенным лицом фюрера ОУН Евгена Коновальца.

Так же как и Ришард Яры, Вурм, по словам Лемковского, «даже говорить по-украински не умел и украинской жизни не знал».

Таким образом, кронпринц Вильгельм Габсбург, которого австрийская монархия прочила в украинские гетманы, австрийско-немецкие офицеры Вурм, Ришард Яры и генерал Виктор Курманович — все это были те невидимые, но прочные нити, которыми украинские националисты еще со времен первой мировой войны связали свою судьбу с немецкими империалистами.

О Вильгельме Габсбурге стоит рассказать особо. Этот отпрыск династии Габсбургов был охвачен безумной идеей стать императором Украины. Чтобы снискать себе популярность среди своих будущих подданных, он стал носить украинские сорочки, вышитые крестиком, изучать украинский язык, заводить знакомства с украинской интеллигенцией. За его любовь к вышитым украинским сорочкам умиленные блюдолизы из числа запродавшей себя Вене украинской националистической интеллигенции и прозвали своего патрона Василь Вышиваний, переделав на украинский лад и его чужде для украинского уха имя Вильгельм.

Украинские националисты обнародовали свои связи с агентами германского империализма, как только немецко-фашистская армия захватила в июне 1941 года Львов.

На марки, полученные в министерстве пропаганды Геббельса, они начали сразу же выпускать в оккупированном Львове газетку «Українські вісти».

В 13-м номере этой газетки за 20 июля 1941 года можно прочесть: «Своей цели в 1918 году мы не достигли, но как приятно вспоминать сейчас о том, что в этих деяниях Украинской галицийской армии 1918—1920 годов принимали непосредственное, деятельное участие немцы, которые впоследствии на протяжении многих лет не раз и не два доказывали, что они большие друзья украинского народа (!!!). Вспомнить хотя бы генералов Крауса, Шаманека и Цирица, полковника Альфреда Бизанца и полковника Ганса Коха... Сегодня д-р Кох и полковник Бизанц снова вместе с нами. Но сейчас уже не как единицы, а как члены могучей и на самом деле непобедимой немецкой армии, которая движется по приказу фюрера на Восток».

Совсем не случайно именно после прихода к власти германского фашизма Евген Коновалец, оценивая должным образом заслуги приставленного к нему немецкого агента Ришарда Яры, наградил его особой грамотой. Однако эта грамота, польстив, быть может, немало самолюбию Ришарда Яры, не помогла Коновальцу сохранить свой авторитет в фашистских кругах.

Когда перед началом второй мировой войны кандидатура Евгена Коновальца в роли фюрера ОУН перестала устраивать Гитлера, он по приказу гестапо, как мы уже сообщили выше, был «убран».

Место Коновальца, согласно решению «узкого руководства» и устному завещанию фюрера ОУН, которое якобы слышал его ближайший сподвижник Омельян Сенник («Канцлер»), занял Андрей Мельник — управляющий именными митрополита Андрея Шептицкого.

По совершенно непонятным для непосвященных людей обстоятельствам ускользнувший от польского суда участник убийства министра внутренних дел Польши Перацкого Андрей Мельник в силу не менее таинственных причин в предельно короткий срок (24 часа) получил от польской полиции визу и открыто выехал в Роттердам на похороны своего учителя Коновальца, чтобы унаследовать его архивы и взять в свои руки бразды руководства ОУН.

Даже самым наивным и несведущим обывателям стало понятно, что деятельность ОУН опирается на тайные силы, которые диктуют совершенно необъяснимые решения органам власти Польши и в их числе польской полиции.

Но, повидимому, и новый фюрер Андрей Мельник недостаточно активно выполнял полученные им от гитлеровцев приказы.

После того как фашисты, захватив Польшу, преобразовали ее в генерал-губернаторство и усилили подготовку к вторжению в СССР, Гитлеру потребовалась для руководства ОУН новая фигура.

Тогда претендентом на пост фюрера ОУН выступает более молодой по возрасту бандит Степан Бандера-Серый, успевший зарекомендовать себя перед гестапо.

Степан Бандера вместе с фашистскими молодчиками нового поколения ОУН, заручившись поддержкой таких опытных мастеров шпионажа, как Ришард Яры и генерал Виктор Курманович, подготавливает переворот, который мельниковцы потом станут называть «диверсия Яры — Бандера». При помощи гестапо он захватывает власть в организации и провозглашает себя руководителем ОУН.

Уязвленное самолюбие не дает возможности Мельнику примириться с Бандерой, выскочкой и самозванцем. Мельник неоднократно пробует поставить на колени Бандеру. Как пауки в банке, оба националистических гангстера на протяжении нескольких месяцев 1940 года состязаются за титул «вождя», за свое превосходство, ссылаясь при этом на свою близость к Евгению Коновальцу. Бандеровцы и мельниковцы обливают друг друга грязью. Они издают и размножают «Черную» и «Белую» книги и сборник «Для чего нужна была чистка ОУН?» На страницах этих «произведений» рассказывается о злобной и отвратительной борьбе бандитов за право пользоваться будущими барышами, за теплые места, которые они, как только фашистская армия ринется на Восток, надеются получить.

В полемическом задоре эта шайка разодравшихся холуев больших господ, которым абсолютно чужды подлинные чаяния трудового народа, выбалтывает множество своих тайн. Мелким тщеславием мапьяков, духовным мирком провинциальных торгашей веет от каждой страницы их писаний. В этих книжонках можно прочесть, как той и другой стороне помогали иностранные разведки, как среди оуновцев действовали бывалые провокаторы, подосланные польской дефензивой.

Новый фюрер Степан Бандера рисуется мельниковцами как «карлик с красноватыми кроличьими глазками и трясущимися руками». В свою очередь, бандеровцы, собравшись на свой так называемый Второй большой съезд украинских националистов, заявляют, что «утверждения Омеляна Сенюка, как будто Коновалец оставил завещание, именуя своим наследником Андрея Мельника, являются выдумкой».

В азарте борьбы они раскрывают тайны своей гангстерской организации. Они считают, что мечта целой жизни многих из них близка к осуществлению, что в обозе гитлеровской армии они придут на Украину, легко и просто станут помещиками, хозяевами донецких шахт, акционерами железных дорог, владельцами пароходных компаний на Черном и Азовском морях.

Ведь все это им было обещано во время первых встреч Коновальца с Альфредом Розенбергом!

На их же памяти состоялось возведение на престол Гаха и Тисо в Чехословакии, Квислинга в Норвегии, Дегреля в Бельгии, Павелича в Югославии и прочих маленьких и больших фашистских прислужников в оккупированных гитлеровцами государствах Европы.

Умопомрачительная карьера всех этих предателей не дает спокойно спать ни бандеровцам, ни мельниковцам. Наконец приближается время, когда из эмигрантов, вышвырнутых украинским народом за пределы своей родины, они превратятся в панов, чтобы сесть на спину этому народу.

Идея организации «новой Европы» под властью «великого фюрера» Адольфа Гитлера — заманчивая авантюра для всех этих фюрерят, и они поддерживают ее. Конечно же, они всячески замалчивают в своей пропаганде те задачи, которые вполне ясно наметил Гитлер в грязной книжонке «Майн кампф»: истребить все славянские народы, в том числе и украинский народ. Наоборот, они всеми силами стараются доказать, что являются равноправными союзниками гитлеровцев.

На первом плане среди всей этой грызни двух шаек выступает все тот же посланец гестапо, профессиональный шпик Ришард Яры. Андрей Мельник, помня о близости Ришарда Яры к Евгену Коновальцу, обращается к нему с просьбой о поддержке. Мельник просит Ришарда Яры быть арбитром и в то же время примирителем двух бандитских групп.

Мельник посылает к Бандере в качестве вестника возможного примирения самого Ришарда Яры. Но тот, согласившись принять участие в этой комедии, и не думает поддерживать своего вчерашнего приятеля. Яры прекрасно знает о директивах Гимmlера относительно реформы ОУН. Выполняя наказ гестапо, Ришард Яры после своего визита уже не возвращается к Мельнику, а остается со Степаном Бандерой: ведь главная ставка гитлеровцев теперь именно на Бандеру! Степана Бандеру надо окружить ореолом таинственного, незримого «вождя», а если надо будет по тактическим соображениям, то и мученика.

Используя свое влияние, Мельник обратился с жалобой на Яры к гитлеровским властям. На странице 133 своего сбор-

ника «Для чего нужна была чистка ОУН?» приверженцы Бандеры проливают свет на подробности этой войны мышей и лягушек.

«Мельник бросил Ришарду Яры обвинение в денежных махинациях... Ввиду этого сотник Яры вынужден был просить беспристрастного расследования дела!!! Третья сторона (читай: гитлеровцы. — В. Б., М. Р.) занялись делом, назначив своего специалиста для расследования финансовой деятельности сотника Яры».

Этим заявлением мимоходом лишний раз опровергнута легенда о том, что будто ОУН «боролась с гитлеровцами».

На самом деле картина вырисовывается достаточно ясно. Дряхлеющий и уже менее поворотливый бандитский вожак Мельник, опоздав вместе со своим окружением к разделу добычи, стремится вырвать у молодого и более ловкого бандита Бандеры денежные фонды, подаренные ему каким-то «маленьким государством». Когда ему не удастся сделать это, он обращается с жалобой к чиновникам «большого государства», и финансовые ревизоры гитлеровской Германии — настоящего хозяина обеих бандитских шаек — проводят словно в солидной немецкой фирме бухгалтерский учет всех расходов украинских националистов.

Вся эта грязная возня вокруг разделения ОУН на два течения — бандеровцев и мельниковцев — происходила на польской территории, занятой гитлеровскими армиями. Члены ОУН свободно разъезжали по оккупированной Польше. Пользуясь немецкими документами, получая служебные билеты на проезд от фашистской власти, бандеровцы и мельниковцы путешествовали куда им вздумается.

На страницах «Белой книги», где шел разговор о событиях, связанных с нападением фашистской Германии на Польшу, было сказано:

«Вождь (А. Мельник) поручил одному из членов провода выехать на театр военных действий. Перед отъездом вождь поручил члену ПУН (руководства украинских националистов), сведущему в делах, касающихся политзаключенных, находиться в контакте с немецким командованием, а также со специальным учреждением ОУН (!), которое было послано на фронт для выполнения актуальных задач националистического движения...»

Конечно, не легко сразу понять этот специфический жаргон украинских националистов. Как стыдливо здесь замаскирована подлинная цель выезда членов ОУН на немецко-польский фронт.

Впоследствии гитлеровцы говорили об этой цели более откровенно.

На процессе гитлеровских главарей в Нюрнберге выступал свидетель Эрвин Штольце — заместитель начальника Второго отдела германской военной разведки и контрразведки Лахузена, являвшегося одновременно американским шпионом. Эрвин Штольце сказал:

«Я получил приказание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на СССР».

В приказе, который получил Штольце, указывалось, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза Второй отдел, или, как он назывался, Абвер два, при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза.

«Выполняя упомянутое указание Кейтеля и Йодля¹, — показал Штольце, — я связался с находившимися на службе германской разведки украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач. В частности, мною было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул первый») и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине...»

Как видите, вожаки украинских националистов до поры до времени умели скрывать свои подлинные цели и поручения гитлеровцев.

Стараясь примириться с Бандерой после вторжения гитлеровцев в Польшу, Мельник назначил Ришарда Яры провиднымком (руководителем) ОУН во всей Германии и в странах, которые были временно оккупированы фашистами. Такое поручение, очевидно, совпадало с планами самого Яры. Он проводит чистку среди членов ОУН в Германии, а затем едет в Прагу.

Поездка Яры в Прагу дала несомненные результаты, поскольку номера так называемого «теоретического» бандитского журнала ОУН «Идея и чин» («Идея и действие») вскоре после пребывания Яры в столице Чехословакии стали сопровождаться пометкой «отпечатано в Праге».

Один из первых номеров журнала вышел с портретом Степана Бандеры. Следует заметить, что в этом журнале была

¹ Кейтель и Йодль — фашистские генералы. В период второй мировой войны являлись руководителями германских вооруженных сил.

напечатана статья «Кто такой Драга Михайлович?», в которой превозносились заслуги предателя югославского народа генерала Михайловича, продавшегося Гитлеру.

Самовлюбленные бандеры и мельники в своих отчетах гитлеровскому командованию в сотни раз преувеличивали силы своих организаций. И можно считать, что гитлеровцы, сами страдавшие манией величия, поверили в мощь своих подручных, которые не переставали твердить, что окажут значительную помощь фашистским армиям в их продвижении на Восток. Гитлеровцы были уверены, что украинские националисты помогут им своей пропагандой очень легко завоевать Советскую Украину. Именно ради такого успеха они позволяли кучке украинских националистов, свивших себе гнездо в захваченной гитлеровцами Польше, разглагольствовать всю о будущем «самостийной Украины».

Предсказывая гитлеровскому командованию быстрый и легкий военный успех на Украине, националисты, состоявшие на фашистском довольствии, до того увлеклись своими рассказами, что перестали замечать, где кончается вымысел и начинается реальность.

* * *

Подготавливая войну против Советского Союза, гитлеровцы с бюрократической аккуратностью разработали все подробности своего парадного марша на Восток. В этом параде они решили отвести и соответствующее место для своих сотрудников — украинских националистов. Они делали вид, что намерены провозгласить «самостийное» украинское государство. Для этой комедии был подготовлен и «самостийный» государственный герб — тризуб, и два знамени: оуновское — черно-красное и «государственное» — желто-голубое. Детально были разработаны методы так называемой шептаной пропаганды — то-есть всяких лживых слухов, которые националистические агенты намеревались распространять в народе сразу после вторжения гитлеровских войск на Украину. Ничего оригинального в этой пропаганде не было — обыкновенная геббельсовская болтовня: «Сопrotивление советов бессмысленно», «большевики все равно проиграют войну» и т. п. Но авантюристы желто-голубой окраски с важностью рассчитывали, что их пропаганда поможет гитлеровцам сломать сопротивление советского народа.

В своих кровожадных планах они предвидели все дочиста: и кого вешать и кого «лишь» заключить в концентрационные лагеря!.. Был у них даже заготовлен торжественный акт провозглашения «Украинской державы». Короче говоря, ничего не было забыто для торжества.

Но не успели гитлеровские орды ворваться на земли Украины, как сразу выявилось весьма заметное противоречие между демагогической болтовней ОУН и действительным положением этих платных лакеев немецких захватчиков. Так, в постановлении Второго большого съезда украинских националистов, которое уже цитировалось, было сказано:

«Борьбу за соборную и независимую державу ОУН вела, опираясь на собственные силы и отбрасывая в принципе ориентацию на чужие силы и, в частности, на исторических врагов Украины».

В какой мере демагогичным и лживым было это заявление ОУН, легко убедиться, если почитать другой документ, составленный руководством ОУН уже накануне войны. Называется этот документ «Борьба и деятельность ОУН во время войны». В одном из его разделов с циничной откровенностью было сказано:

«Надо подготовить и привести в порядок силу на «УЗ» (украинских землях) не только под тем углом зрения, что союзники выиграли войну и разбили СССР, но также растолковать, что... война вообще еще продлится. Таким образом, необходимо иметь сильную армию, независимую от чужой силы, чтобы две армии — украинская и немецкая — действовали в союзе, как победители Москвы».

Из этого документа явственно следует, что украинские националисты твердо были уверены в том, что начинать все-таки будут «союзники», то-есть немецкие фашисты, а только потом вяжется «украинская армия».

Развитие военных действий по этой директиве ОУН представлялось следующим образом:

«С приходом союзной армии ей навстречу выходят представители местной ОУН (гражданской и военной власти), приветствуют ее и заявляют, что ОУН уже очистила территорию от большевиков, захватила власть в свои руки, установила повсюду порядок и спокойствие. Надо спрашивать военных: есть ли при их (союзном) отделе представитель ОУН Степана Бандеры, с которым бы они хотели связаться...»

И тут же, в следующем параграфе 19 мы читаем:

«Военные представители ОУН заявляют, что они хотят дальше вместе с германской (камуфляж «союзная» незаметно уже сброшен) армией воевать против Москвы; они указывают на необходимость создания регулярной украинской армии, что крайне нужно из соображений внутренней безопасности, спокойствия и порядка. Если же не удастся создать регулярной армии, надо стараться переформироваться в гражданскую милицию (в крайнем случае)».

Из этих приведенных нами только двух пунктов документа,

литературный стиль которого мы оставили без изменений, становится вполне ясным, что ООН верила в успех гитлеровской армии, то-есть «чужой силы», и только в связи с этим успехом она планировала свою собственную работу.

Никаких сомнений относительно успехов фашистской армии ООН не имела.

Надежды на успех гитлеровской Германии излагаются украинскими националистами с предельной ясностью в параграфе 11 раздела «Организация службы безопасности»:

«Мы опираемся на утверждение того факта, что вооруженное столкновение наибольших сил Европы, новой Германии и Союза Советских Республик уже в непосредственном будущем неминуемо. Ясно, что мы, как ...сила, которая 20 лет ведет борьбу, не сможем молча смотреть на эту схватку и, не ожидая, чья возьмет, должны броситься в активную борьбу против Москвы, бросить все силы нашего движения с его организационным активом».

В разделе «Общие направления начала государственного строительства» (параграф 17) руководство ООН совершенно ясно выявляет готовность подчиниться любым мерам оккупационных властей:

«Развитие военных действий может быть таким, что на отдельных территориях победоносная армия третьего государства продвинется быстро, что не будет времени на разворачивание вооруженного сопротивления, а отсюда — на создание государственности. Однако, несмотря на это, надо начинать строительство государства. Военную оккупацию Украины третьим государством... не считать враждебной и никаких препятствий ей не чинить... Война имеет свои особенности. Требования, поставленные нам союзником, будут односторонними, потому что таково соотношение реальных сил, и это соотношение мы можем упрочить в свою пользу только путем организации спокойствия и порядка. Союзник должен увидеть и признать наши организационные таланты, понять наглядную пользу, которую он может извлечь из нашей деятельности».

Какой постыдной, холопией психологией веет от каждой строки этого документа, написанного присяжными литераторами из шаяк Мельника и Бандеры!

Да и как же могло быть иначе?

В распоряжении ООН были, самое большее, револьверы, а не тяжелая артиллерия и танки. Немецкие фашисты спускали оуновцев на театр войны, как гончих псов, но каждую минуту могли взять их на поводок. Однако украинские буржуазные националисты не видели в этом никаких противоречий с содержанием их крикливой вывески «самостийной Украины».

Вся подлая суть украинского буржуазного национализма, который всегда ориентировался на силы других империалистических государств, изложена в параграфах этих предвоенных инструкций в завуалированной туманными фразами программе откровенного предательства. Все крикливые лозунги о «сборной», «самостийной», «ни от кого не зависимой» Украине, за которую будто бы «боролись» украинские националисты еще до того, как фашисты ринулись на Украину, были разменены на мелкую монету уступок и заискиваний перед оккупантами.

Украинские националисты хорошо видели, что фашисты той самой Германии, которую они в увлечении называли новой, уже достаточно обнажили перед всем миром свое подлинное лицо. Фашисты доказали своей повседневной практикой, что никаких самостоятельных государств на территории, захваченной гитлеровскими войсками, нет и не может быть, что там, куда пришли гитлеровцы, господствует безраздельно власть гестапо, и в лучшем случае оккупированная земля может называться протекторатом.

Украинские националисты, которые давно стали бродягами без роду и племени, эти профессиональные предатели с их зоологической ненавистью к русскому и украинскому народам, представляли несомненный интерес для гитлеровского командования. Оно оплачивало их и разрешало им до поры до времени болтать о том, какой рай принесет на украинскую землю пришествие Степана Бандеры.

Но не только беспредельным самообольщением полны страницы множества документов ОУН. Они свидетельствуют и о том, что наемники гитлеровской Германии — украинские националисты, перенимая полностью фашистскую идеологию и методы диверсий и террора, следовали фашистам и в их расовой теории. Целые разделы человеконенавистнического документа «Борьба и деятельность ОУН во время войны» посвящены вопросам отношения к людям других национальностей. И вот как рекомендует руководство оуновцев обращаться с этими людьми:

«В период замешательства и хаоса можно позволить себе ликвидировать нежелательные польские, московские и еврейские элементы...»

«Национальные меньшинства разделяются на: а) дружественные по отношению к нам, б) враждебные нам — москали, поляки, евреи».

Национальные меньшинства, отнесенные, таким образом, к группе «б», бандеровцы рекомендуют: «Уничтожать в борьбе, в частности, тех, которые будут сопротивляться режиму... Уничтожать главным образом интеллигенцию, которую не следует допускать ни в какие правительственные органы и вообще

сделать невозможным подготовку интеллигенции, то-есть не допускать в школы и т. д. Так называемых польских крестьян ассимилировать, поясняя им сразу, особенно в это горячее, полное фанатизма время, что они — украинцы, но только латинского обряда, ранее насильно ассимилированные поляками. Руководителей — уничтожить... Евреев — изолировать, выбросить из учреждений, тем более — москалей и поляков... Руководителями отдельных отраслей жизни могут быть только украинцы, но не чужестранцы-враги. Ассимиляция евреев исключается. Наша власть должна быть страшной».

Разве не ясно, кто вдохновил авторов этого документа?

Из раздела «Политическая и военная диктатура ОУН» мы можем представить себе в общих чертах характеристику той «свободы», которую пытались на штыках немецких фашистов принести украинскому народу Степан Бандера и его соратники.

«Приговоры ни одного суда не обжалуются, а приводятся в исполнение без промедления. Кодексом является собственная националистическая совесть... На украинских землях может быть разрешена пресса только национального характера. Публичные собрания, где были бы распространяемы ненациональные идеи и призывы, запрещаются. Свободу слова допускать постольку, поскольку это целесообразно...»

Пригретое гестапо на территории, занятой немецкими войсками, руководство ОУН в своей инструкции, составленной в предвидении нападения фашистской Германии на Советский Союз, давало всем своим организациям на периферии точные указания о собирании шпионских сведений, которые могли бы пригодиться гитлеровцам.

Еще когда Степан Бандера находился в Кракове, обивая пороги в передних у видных чиновников генерал-губернатора Польши Ганса Франка, он охотно предложил гестапо услуги ОУН для составления предварительных списков лиц, которые подлежали уничтожению, как только фашистская армия вторгнется на советскую землю.

Результаты переговоров Бандеры с гестапо нашли свое отражение в параграфах 1 и 2 раздела инструкции «Службы безопасности». В этих пунктах организациям ОУН предлагалось:

«Собрать персональные данные обо всех выдающихся поляках и составить черный список. Составить черный список всех выдающихся украинцев, которые в определенный момент могли бы пробовать вести свою политику...»

Эти указания руководства ОУН и начали выполнять соратники в Кракове украинские националисты из так называемой львовской экзекутивы ОУН, которые сбежали из Львова осенью 1939 года, в дни приближения Красной Армии. Сидя

в Кракове в помещении, отведенном для них гестапо, они составляли черный список выдающихся интеллигентов Львова.

О том, как поступили гитлеровцы с людьми, занесенными в черный список ОУН, мы подробно расскажем в одной из последующих глав.

В те дни, когда по указанию из Берлина составлялись эти черные списки, происходило объединение украинских националистов разных направлений и организаций, оказавшихся на немецкой территории. Были отброшены в сторону различные внутрипартийные разногласия о том, какими именно методами лучше закреплять господство буржуазии, забыта была личная междоусобица.

Гитлеровскому командованию требовалось много «специалистов по украинскому вопросу»: переводчиков, руководителей, диверсантов, провокаторов, сотрудников для геббельсовского министерства пропаганды.

При штабе фельдмаршала Браухича создается так называемый украинский комитет с резиденцией в Кракове и отделением во Львове, переименованный позже в Украинский центральный комитет (УЦК). Председателем комитета гитлеровцы рекомендуют известного реакционера, фашиствующего доцента Краковского университета Владимира Кубийовича. Наступит момент, и бандеровцы, учитывая связи Кубийовича с гитлеровцами, сделают из тактических соображений попытку отмежеваться от него. Но накануне нападения на Советский Союз они действовали в самом тесном контакте с ним.

Гитлеровцы поручили Степану Бандере сколотить блок партий и групп украинских националистов под руководством ОУН. Бандера-Серый выполнил это задание. Об этом достаточно подробно рассказывает националистическая газетка «Українські вісти».

Местом издания газетки был районный центр Львовщины городок Сокаль на Западном Буге — один из первых пунктов западных областей, захваченных гитлеровцами. Вместе с ними прорвались в Сокаль и украинские националисты. Они тут же переименовали центральную площадь этого живописного украинского городка в площадь Адольфа Гитлера, а в доме № 20 на Адольф Гитлер-платц стали издавать свои «Українські вісти». В 3-м номере этой газетки от 8 июля 1941 года они и напечатали воззвание, датированное 14 июня 1941 года. В этом воззвании, предвкусывая нападение Гитлера на Советский Союз, украинские фашисты писали:

«Среди небывалой мировой бури рушится на наших глазах вчерашняя политическая система мира, в которой мы были на самом дне... Перед нами открываются широкие возможности...»

Воззвание рекомендовало: «Устранить из украинской национальной жизни явления каких бы то ни было разногласий и внутренних междоусобиц...»

Кто же откликнулся на призыв новоиспеченного фюрера ОУН Степана Бандеры? Кто солидаризировался с ним, стал единомышленником, политическим союзником и подчиненным этого разбойника с большой дороги, мастера убийств из-за угла, международного террориста и ставленника гестапо?

Под черно-красным знаменем ОУН со свастикой, замаскированной тризубом, трогательно объединились представители различных националистических групп от вице-маршала польского сейма и лидера УНДО Василя Мудрого, который на протяжении многих лет продавал с трибуны сейма довоенной Польши интересы украинского народа, до вставшего в детство генерала Украинской галицийской армии Омеляновича-Павленко, нещадно и неоднократно битого Советской Армией.

Объединительное воззвание подписала группа отъявленных террористов и бандитов, и среди них такие лица, как Виктор Андриевский, Евген Врецьона, С. Довгаль, Роман Лободич, Степан Скрипник, Ярослав Старух, Евген Храпливый, Степан Шухевич, а также и ближайший подручный Бандеры Василий Охримович, к послевоенной карьере которого мы еще вернемся.

Таким образом, еще за неделю до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз не только Степан Бандера, инициатор возвания, но и другие украинские националисты были посвящены в военные планы немецко-фашистского командования. Они впряглись в гитлеровскую колесницу еще до начала войны. Видя в них своих преданных слуг, гитлеровское командование охотно доверило им и свои военные тайны.

* * *

На исходе июньской ночи 1941 года гитлеровские орды вероломно вторглись в пределы Советского Союза. Гитлеровцы рвались к украинскому хлебу, донбасскому углю, криворожской руде, бакинской нефти. Они стремились завоевать советские земли и превратить в своих рабов трудящихся Советского Союза. Вместе с фашистами шли в мундирах гитлеровской армии украинские националисты. Среди них были те, кто четверть века назад маршировал под знаменем Австрии в серой австрийской униформе к Збручу, были тут и «молодые активисты», вышколенные германскими фашистами.

На немецких машинах и мотоциклах въехали на землю Западной Украины генералы Виктор Курманович, Иван Омелянович-Павленко и Микола Капустянский. Какие только знамена не развевались уже над ними! И знамена австро-вен-

герской монархии, и кайзеровской Германии, и буржуазной Польши. Теперь они уже научились салютовать по-фашистски и во всю глотку орать: «Хайль!»

Чужие знамена, как и четверть века назад, словно крылья хищных птиц, слетающих к новой добыче, развеваются над головами этих торговцев Украиной, а они, гитлеровские нахлебники, угодливо посмеиваясь, показывают дорогу тем, кто привел их сюда...

Оуновские наемники немецко-фашистской армии уже в первые месяцы войны и позже причинили огромный вред украинскому народу. Своей тактики эти палачи и не скрывали.

Хозяин каменоломен и мастерской по производству надгробных крестов на Волини, старый агент польской разведки Боровец, присвоивший себе в дни оккупации имя «Тарас Бульба», издавал инструкции, в которых дословно было написано так:

«Главное командование Украинской повстанческой армии вводит в зависимости от характера вины следующие наказания: 1) наказание выговором, 2) физическое наказание (шомполами), 3) смерть».

При помощи шомполов хотели разговаривать с населением свободолюбивой Украины все те националистические негодяи, которые нагло присваивали себе имена популярных народных и литературных героев! Шомполами они пытались научить украинский народ покоряться их приказам!

В одном из сел Полесья партизаны из отряда Героя Советского Союза полковника Дмитрия Медведева встретили однажды крестьянина, которому Бульба-Боровец назначил за невыполнение приказов руководства националистов 189 ударов шомполами.

Не зная, с кем он встретился, принимая советских партизан за националистов, крестьянин попросил:

— Мне пошел шестой десяток. Такого количества шомполов я не выдержу. Нельзя ли разделить наказание на всех членов моей семьи, с тем чтобы, скажем, дочке досталось 20 шомполов, сыну — 40, жинке — 20, а мне уже остальное?..

Вот какие математические задачи заставляли решать тружеников Украины украинские националисты!

Наемники гитлеровцев воевали с беззащитными женщинами и детьми на улицах Львова и других городов Западной Украины; они расстреливали, сидя на чердаках, из немецких автоматов обозы с беженцами, эвакуировавшимися на Восток; они врывались в квартиры украинцев, которые служили в рядах Советской Армии. Украинские националисты в гестаповских мундирах вытаскивали из квартир жен и детей бойцов Совет-

ской Армии и убивали их. Они приводили гитлеровцев в дома, где жили местные интеллигенты — патриоты своей Советской Родины, и наблюдали, как гестаповцы расправлялись с безоружными, потирая от удовольствия руки и наперед предвкушая, что им перепадет кое-что из добычи, которая останется после гибели честных людей.

Словно шакалы, они рыскали в поисках ценных вещей из одной квартиры в другую. Жители украинских сел и городов хорошо помнят, как эти молодчики в гитлеровских мундирах с желто-голубыми повязками на рукавах выбрасывали с четвертых и пятых этажей на мостовую младенцев, как насиловали девушек под хохот пьяной гитлеровской солдатни. До сих пор в ушах людей, которые были свидетелями этих злодеяний, раздаются крики матерей, женщин и детей — несчастных жертв украинских националистов... Тени Симона Петлюры и его атаманов Козыря-Зирки, Болбочана, Тютюнника и других погромщиков воодушевляли на такие «подвиги» воспитанников Степана Бандеры и Андрея Мельника. Тысячи честных украинцев, глядя с негодованием на действия этих янычар-выродков, запомнили на всю жизнь подлинное кровавое лицо националистического «духа извечной стихии».

На Восток, к Днепру, двинулись в те душные дни лета и осени 1941 года под охраной фашистских танков украинские националисты — недоучившиеся кулацкие сынки, поповичи из духовных семинарий, сменившие библию на нож террориста, старые провокаторы, сделавшие предательство своим ремеслом.

Первое, с чего они начинали свою «государственную деятельность», — это было составление черных списков на население тех городов и сел, куда им посчастливилось ворваться. Они вешали всех честных советских людей, которые попадали им в руки, — коммунистов и комсомольцев, передовиков сельского хозяйства и заведующих домами культуры. Своим поведением уже в первые месяцы войны они так озлобили против себя местное население, что позже им уже стало небезопасно действовать открыто.

Как только вступили на землю Западной Украины прислужники гитлеризма — украинские националисты, ясно обозначилась глубокая пропасть, которая разделяла янычар Гитлера и свободолюбивый украинский народ.

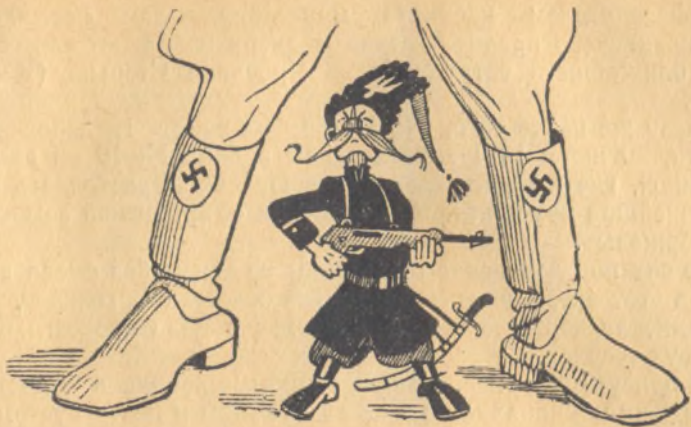
Верный своему славному историческому прошлому, украинский народ в эти тяжелые дни всей душой и сердцем был вместе с великим русским народом и другими братскими народами Советского Союза.

Тысячи мирных жителей городов и сел Украины бросали свои квартиры, хаты, поля, добро и уходили на Восток. А до ухода сжигали все запасы хлеба, чтобы ничего не досталось

фашистам. Тысячи украинцев пошли в партизанские отряды, которые начали действовать по гитлеровским тылам с первых дней войны.

Военное командование гитлеровской армии предполагало, что Украина покорно опустится перед ним на колени. Оно рассчитывало на национальную вражду между украинским и русским народами. Оно также верило тому, что Степан Бандера-Серый и Консул первый Андрей Мельник якобы имеют в украинском тылу огромные резервы подпольщиков ОУН. Но все эти заверения профессиональных изменников оказались блефом, и гитлеровцам на землях Украины пришлось испытать горькое разочарование. Даже наиболее опьяненные военными успехами фашистские генералы понимали, что пресловутая теория блицкрига явно провалилась в войне против Советского Союза.

РАЗДЕЛЯЯ И ВЛАСТВУЯ

Охваченный вздорной идеей стать диктатором Украины, Степан Бандера, пробравшись вслед за немецкими войсками в июне 1941 года во Львов, подгоняет своих сподвижников, чтобы они как можно быстрее обнародовали уже давно заготовленный акт о «провозглашении Украинской державы».

Надо торопиться. Ох, как торопиться! Надо потому, что где-то вблизи вертится по гитлеровским штабам Консул первый Андрей Мельник и другие, подобные ему претенденты в фюреры Украины. Того и гляди, как бы кто-нибудь не опередил его, Степана Бандеру, а тогда иди доказывай, что именно ты есть руководитель ОУН!..

Но одновременно чувство осторожности не покидает Бандеру, когда он отдает приказ провозгласить «соборную, независимую, суверенную, самостийную Украину».

В самом деле: провозгласишь, а потом, в случае неудачи, вся ответственность падет на тебя, и будет куда тяжелее опять пробираться к трону диктатора. Вот почему Степан Бандера решает некоторое время оставаться в тени, выполняя функции той «высшей таинственной силы» в украинском буржуазном национализме, которая имеет право назначать премьеров, смеменять кабинеты, расстреливать и вешать.

Председателем кабинета министров, так называемого «украинского правительства» Бандера назначает своего самого ближайшего сотрудника — Ярослава Стецька (Карбовича).

Сразу же после того, как Львов был занят гитлеровскими ордами, 30 июня 1941 года вечером в доме № 10 на площади Рынок, где раньше помещалась Просвита, состоялась смехотворнейшая комедия провозглашения «Украинской самостийной державы».

До сих пор львовские старожилы не могут без смеха вспоминать этот акт, а вспоминая, не без основания говорят, что «Украинская держава» Степана Бандеры была провозглашена при двух свечах.

В присутствии нескольких единомышленников — местных украинских националистов — в полутемном и почти пустом зале заместитель Бандеры и его референт по вопросам «идеологии» Ярослав Стецько дрожащим голосом прочитал «акт провозглашения Украинской державы».

Эту торжественность освещают две свечи и один представитель третьего рейха — зондерфюрер гестапо Ганс Кох. С особенной, трогательной интонацией Стецько, как сообщала позже газета ОУН «Сурма», прочитал третий пункт акта:

«Вновь возникшая Украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и во всем мире».

«Потом, — писала «Сурма», — прочитали привет немецким воинам и вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру. «Слава» и «Хайль» выразительно засвидетельствовали настоящие чувства украинцев. Присутствующий в зале в момент учредительного собрания доктор Г. Кох, известный всем как бывший соратник УГА, приветствовал собрание от немецких вооруженных сил и призвал украинское население к сотрудничеству с немецкой армией...»

Тем не менее гитлеровцы одним пинком ноги вышвырнули балаганное правительство, созданное Бандерой под председательством Стецька.

Давая вскоре после этого интервью корреспонденту украинской националистической газеты «Краківські вісти», львовский вице-губернатор Ганс Иоахим Бауэр достаточно ясно высказал взгляды гитлеровского правительства по данному вопросу.

Корреспондент спросил Бауэра:

«Верно ли, что создано западноукраинское краевое правительство под руководством Ярослава Стецька, которое также

опирается на авторитет митрополита Шептицкого и посадника¹ г. Львова Полянского?»

Бауэр ответил:

«Западноукраинского правительства под руководством Ярослава Стецька нет... Президиум одного Украинского национального комитета, о существовании которого немецким властям ничего неизвестно, заявил в «Информационном листке» № 1 от 1 июля с. г., что на одном собрании во Львове «представитель немецкого правительства доктор Кох приветствовал украинское правительство и украинский народ». Это утверждение не соответствует действительности».

Бауэр, излагая взгляды гитлеровского правительства, хотел сразу убить нескольких зайцев: 1) отмежеваться от каких бы то ни было связей с ОУН; 2) сделать вид, что даже подобное название организации украинских фашистов ему неизвестно; 3) ясно и недвусмысленно дать понять, что ни о каком «правительстве» на украинской земле не может быть и речи; 4) исправить досадный промах гестаповца Ганса Коха, который сунулся не в свое дело.

Новые времена требовали иных действий!

Смысл опровержения Бауэра был совершенно ясен: «Сидите тихо и скажите спасибо за то, что кормитесь обедками с панского стола! Не для того мы захватили Украину, чтобы вы здесь хозяйничали».

Для каких целей нужно было немецкому фашизму завоевание Украины, достаточно недвусмысленно сказал Г. Геринг 4 октября 1942 года в Берлине:

«Мы заняли плодороднейшие земли Украины. Там, на Украине, есть все: яйца, масло, пшеница, сало, и в количестве, которое трудно себе представить. Мы должны понять, что все это отныне и навеки — наше, немецкое».

Развивая эти самые взгляды несколько ранее — 6 августа 1942 года на секретном совещании рейхс-комиссаров оккупированных областей и представителей военного командования, Геринг утверждал:

«Теперь Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа плодороднейшими землями, какие только вообще бывали в Европе: край за краем, один богаче и обильнее другого, завоеваны нашим войском... Потом основной житницей Европы является Генерал-губернаторство, которому принадлежат такие необычайно плодородные области, как Лемберг и Галиция, где урожай достигает неслыханных размеров... Потом идет Россия, чернозем Украины по ту и эту сторону Днепра, излучина Дона с ее на удивление плодородными и лишь частично

¹ Посадник — по-украински городской голова.

разрушенными областями... Я приказал представить мне чужеземных работников, привезенных со всех областей, и эти работники заявляли, что дома, откуда они прибыли, они питались лучше, чем здесь, в Германии. Я вижу, что люди в каждой из оккупированных областей жрут доотказа, а наш собственный народ голодает. Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать для благополучия вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное, с тем чтобы мог жить немецкий народ...»

Вот что вещал своим гаулейтерам один из подручных Гитлера, которому верой и правдой до последнего издыхания служили старые и молодые украинские националисты. Он бредил безумной идеей всех завоевателей, которые рвались с Запада на нашу Родину, а украинские националисты помогали чрезмерно болтливым герингам и розенбергам, как и их бесноватому фюреру, маскировать эти откровенные призывы к грабежу Украины лозунгом «самостийной Украины».

Вот для этой главной цели немецкого империализма, к слову сказать, совсем не новой и не Гитлером выдуманной, должны были отныне в поте лица своего «трудиться» украинские националисты, отработывая свой харч, обмундирование и другие блага, какие на протяжении нескольких лет милостиво предоставлял им германский генеральный штаб.

Но гитлеровские грабители прекрасно понимали, что если всю эту свору нахлебников отправить на выполнение подобного задания прямо и открыто, не замаскировав ее действий «возвышенными идеями», то может получиться провал. Необходимо было использовать кучку предателей народа — украинских националистов — не только для выкачивания в Германию украинского сала, пшеницы, но и для тонкого обмана масс.

Поэтому гитлеровцы начинают реорганизацию сил украинских националистов. При помощи комиссаров гестапо фашисты производят одновременный ход королем и ладьей на шахматной доске, называемой ими «Украина», или «Остланд». Одна часть предателей украинского народа, более импозантная с виду, которая умеет вести себя на дипломатических приемах, будет сидеть за банкетными столами и орудовать по установленному этикету ножом и вилкой. Эти деятели так называемой «старой политической гвардии украинского возрождения» (как называет их сейчас канадский фашист и вожак националистического Комитета украинцев Канады В. Кушнир) остаются на виду у всех для явного и открытого сотрудничества с оккупантами. К этой группе принадлежат Андрей Мельник, митрополит Андрей Шептицкий, «профессор» Владимир Кубийович, глава львовских адвокатов Кость Левицкий, адвокат Кость Паньківський, посадник Юлиан Полянский, бывший вице-мар-

«Дорогой» гость.

шал польского сейма Василь Мудрый и другие дельцы украинского национализма.

Гитлеровцы не будут посылать этих «достоиников» в леса на «мокрые дела», — скажем, сжигать польские села на Хелмщине, охранять Яновский лагерь смерти или сжигать трупы убитых эсесовцами мирных жителей Львова. Для этой цели будут вполне пригодны люди помоложе, те самые «активисты» ОУН, которые помогли карлику Бандере вскарабкаться на престол фюрера ОУН, согнав с этого насиженного места Андрея Мельника.

Гитлеровцы идут на хитрость. Они позволяют Степану Бандере обижаться на них сколько ему влезет. Они разрешают ему в якобы подпольной литературе называть их немецкими захватчиками, негодовать по поводу того, что они-де, мол, не разрешили «суверенну, соборну, незалежну, самостийну Украину», раскаиваться в своих прежних связях с ними, говорить, что немцы-де, мол, обдурили нас. Гитлеровцы выдают для этой цели Бандере бумагу, и его пропагандисты начинают строчить всякие якобы подпольные листовки и подпольные вестники, в которых «критикуют» гитлеровцев.

Дальнейшие события на Западной Украине бросают яркий свет на эту хитрую двойную игру вожаков украинских националистов. В то время как некоторые из них во главе с Бандерой-Серым хитро играют в оппозицию к гитлеровцам, затевают большую игру в подполье, другие изменники, более смиренные, более покладистые, которые умеют выжидать и не рвутся сразу к министерским портфелям, переходят на вполне легальное положение.

Как происходило это открытое сотрудничество с немецкими фашистами, дает нам полное представление газетка «Львівські вісті».

В праздничном номере этой газетки от 21 октября 1941 года на первой странице помещен портрет генерал-губернатора и рейхсминистра доктора Ганса Франка, а под портретом дана трогательная подпись: «По староукраинскому обычаю хлебом-солью приветствует Львов дорогого гостя».

Как только не распластывается перед Гансом Франком от имени двух лжеукраинских комитетов — центрального и краевого — ответственный редактор этой газетки Осип Боднаревич! Старинный город открывает, по его словам, с традиционным украинским гостеприимством свои ворота для встречи дорогого гостя.

Жители Львова очень хорошо помнят это «гостеприимство»: оцепленные патрулями гестапо центральные улицы, по которым должен был проехать Ганс Франк, угрозы жителям, что если кто-либо из них подойдет к окну, то будет убит

на месте. Сотни заложников, томившихся тогда в тюремных камерах на улице Лонцкого, отвечали своей жизнью, если дорогой гость встретит какое-нибудь другое гостеприимство.

Никогда Львов не забудет этих опустевших, настороженных улиц, по которым под вой полицейских сирен мчались машины эскорта, охранявшего автомобиль с давним сподвижником Гитлера — Франком.

Львовяне хорошо помнят, какие методы управления принесли в их город создатели «новой Европы».

Живописные окрестности Львова — Лычаков, Замарстинов, изборожденные оврагами пустыри в конце Яновской улицы — за один лишь год превратились в гигантские кладбища. Фашисты истребили в этих местах около двухсот тысяч мирных жителей!

Недалеко от Клепаровского вокзала, на Яновской улице, вскоре после приезда Ганса Франка, по его приказу, гитлеровцы соорудили концентрационный так называемый Яновский лагерь. Вначале это было голое поле, огороженное колючей проволокой. Потом на пустом месте выросли бараки и появилась фабрика, где работали обреченные люди. Перед тем как их выводили на смерть к песчаным ярам за лагерем, они должны были по нескольку месяцев трудиться, увеличивая капитал Гимmlера и Геринга, а потом уже начались акции, или, говоря обычным языком, массовые убийства этих несчастных. Яновским лагерем и акциями руководили профессиональные убийцы, которые прибыли во Львов из Германии. Одним из них был начальник лагеря унтерштурмфюрер СС Густав Вильгауз, который задолго до войны служил штатным палачом в тюрьме Вильгельмсгафена.

Вот таких типов, как Вильгауз, присылала гитлеровская Германия устанавливать «новый порядок» на древней украинской земле. Ганс Франк приехал проверить, насколько успешно справляются с работой его подручные. Уже тогда, в октябре 1941 года, цель его приезда была ясна. Разве мог кто-нибудь не видеть, как к железнодорожным станциям Галиции подъезжали поезда, чтобы насильно вывозить рабочую силу на немецкие фабрики? Разве не знали украинские националисты о том, сколько людей угонялось каждый день, чтобы пополнить число гитлеровских рабов? Но осведомленность об этом не останавливала руку мельников, боднарвичей, кубийовичей и других. Они писали в своей газетке «Львівські вісті»:

«Сегодня Львов приветствует генерал-губернатора, который, как добрый хозяин, внимательным глазом хочет окинуть порученный его опеке край, осмотреть, проследить за успехами четырехмесячной работы... Нет никакого сомнения, что обраще-

ние пана губернатора к украинскому разуму и сердцу и призыв к искренней и преданной совместной работе с немецким правительством над созданием новой, лучшей жизни найдет среди нашего народа безусловный отклик и беззаветную готовность посвятить себя труду и жертвам, которые нужны будут на этом пути».

Сколько надо было подлости, чтобы написать эти слова!

Никогда не забудет украинский народ ни этого раболепства националистов перед захватчиками, ни всех их заверений, сколько бы ни старались сейчас их нынешние сообщники в Америке уверить мир, что якобы украинские националисты «выступали против гитлеровцев».

Украинский центральный комитет и Украинский краевой комитет, возглавляемые Кубийовичем и Панькивским, были прежде всего органами немецкой оккупационной администрации. Это видно хотя бы из одного маленького объявления, напечатанного 2 апреля 1943 года в той же газетке «Львівські вісті». Это объявление гласило:

«В ближайшее время для украинского населения Львова будут выдаваться опознавательные карточки (кеннкарты). Поэтому уже заранее жители Львова должны подготовить необходимые документы. Для получения опознавательной карточки нужно будет представить: 1) метрику происхождения, 2) метрику брака, 3) удостоверение Украинского комитета, из которого бы следовало, что данное лицо принадлежит к украинской национальности».

* * *

По письменным указаниям ОУН, составленным, как известно, еще в мирное время, во Львове и в других городах Западной Украины сразу после их оккупации стала создаваться под командованием гитлеровцев «украинская» полиция. Во Львове она действовала подпольно уже за два дня до прихода фашистов. Полицаи, набранные из активных оуновцев, отличились в стрельбе с чердаков и окон по женщинам и детям, которые эвакуировались из Львова.

«Украинская» полиция во Львове подчинялась гитлеровцу (краевым комендантом «украинской» полиции по всей Галиции был немецкий майор Вальтер), но комендантом львовской полиции фашисты назначили националиста Евгена Врецьону, одного из тех бандитов, которые подписывали 14 июня 1941 года бандеровское воззвание солидарности всех украинских националистических партий и групп.

Фашисты поставили во главе «украинских» полицейских комиссариатов своих старых знакомых из УГА. Когда-то они

верой и правдой служили династии Габсбургов и носили униформу австрийской армии, а теперь ревностно выполняли свою службу, помогая гитлеровцам устанавливать «новый порядок».

«Украинских» полицейских можно было видеть на улицах галицийских городов в обществе гестаповцев. Зловещая фигура «украинского» полицейского в черном мундире, с позолоченным тризубом на шапке-мазенинке часто встречалась в оврагах за Яновским лагерем во время очередных акций.

12 августа 1942 года комендатура «украинской» полиции Львова издала приказ № 2, который гласил:

«С сегодняшнего дня украинская полиция принимает непосредственное участие в чрезвычайной акции, поэтому приказываю: 13 августа 1942 года в 13.30 дня акция начинается в пяти комиссариатах. Акция будет продолжаться до отбоя. Приказываю доносить через каждые два часа о количестве захваченных и о использованных обоймах...»

Двенадцать дней происходила во Львове августовская акция 1942 года — одна из самых кровавых в истории многострадального города. Больше всего пострадало от нее население северных кварталов Львова.

Инструкции «украинским» полицейским относительно их поведения во время августовской акции откровенно рекомендовали убивать мирных граждан «при попытке сопротивления или бегства...».

На перекрестках опустевших улиц стояли полицейские машины. Фашисты и «украинские» полицейские волокли к ним мирных жителей, обнаруженных в подвалах, на крышах и чердаках. Плач и стон стояли над городом. На тротуарах адела свежая кровь.

«Украинская» полиция принимала активное участие не только в подобных акциях массового масштаба, но и вообще в различных убийствах. Во львовском областном архиве среди прочих документов о злодеяниях «украинских» полицейских хранится и такое донесение:

«Я, полицейский Ярослав Куценко, применил 13 августа 1942 года свое оружие к женщине, которая выпрыгнула из трамвайного вагона. Я дал один выстрел. Убил бы ее, но наскочило еще два полицейских. Чтоб не застрелить своих, прекратил огонь...»

Производ, царивший во Львове, не поддается описанию. Достаточно было доноса в гестапо, что такой-то человек «не арийской расы» или скрывает свое происхождение, как его немедленно арестовывали. Не помогали никакие доказательства и разъяснения. Арестованный был обречен. Граждане, над которыми нависала угроза смерти, жертвовали всем своим имуществом, чтобы только найти спасение. Об этом хорошо знали

авторы черных списков, они сами или их знакомые принимали чужое добро на «временное хранение» и за одну ночь богатели. Эти варвары пользовались всякими средствами террора и грабежа, считая, что война — единственная удачная возможность нажиться сразу за чужой счет безразлично каким способом — выстрелом или взмахом ножа. Они брали пример с немецких фашистов, которые тащили в Германию не только сало и сахар, но и ковры, картины, мебель, серебро, рояли, библиотеки.

5 июля 1941 года, когда на львовских домах еще висели желто-голубые флаги националистов, жители города, знавшие немецкий язык, имели возможность прочесть в главном органе немецкой фашистской партии «Фелькишер беобахтер» статью, посвященную Львову. В ней утверждалось, что «Лемберг — это старинный немецкий город в Галиции, город австрийских традиций, культуры и цивилизации».

Подобными же открытиями порадовал украинских националистов генерал-губернатор Ганс Франк, которого они встречали во Львове, а потом в Станиславе по староукраинскому обычаю — хлебом и солью. «Львівські вісті» в № 68 за 1941 год опубликовали речь Ганса Франка, произнесенную им в Станиславе. Франк говорил: «На этой земле мы, немцы, стоим перед серьезными, высокими, гордыми и даже эпохиальными задачами». Ганс Франк напоминал: «Немецкое государство может весьма кстати обратить внимание на то, что превосходный немецкий административный дух с 1772 года царил на этой территории».

В ответ на эти оскорбительные для украинского национального достоинства заявления украинские националисты — епископ подчиненной Ватикану греко-униатской церкви Хомишин и какой-то доктор Недильский — организаторы встречи Ганса Франка, подарили ему оседланного коня, чтобы он мог скакать по просторам украинской земли. После этого создатель Майданека и Освенцима, Белзеца и Тремблинки, юрист и убийца Ганс Франк был приглашен в качестве почетного гостя на праздник, устроенный в его честь гитлеровскими хозяевами.

«Львівські вісті» в связи с этим писали:

«Так провело украинское общество Станиславщины свой праздничный день, который надолго остался в его памяти».

Примечательно и то, как Ганс Франк продолжил линию политики пресловутого австрийского министра князя Меттерниха — уроженца Западной Германии, который с таким успехом для Габсбургов применял в Восточной Галиции тактику «дивиде эт импера» (разделяй и властвуй). Допуская и организуя «украинскую» полицию, гитлеровцы создавали

в противовес ей польскую уголовную полицию — крипо. Отдельным польским изменникам они позволили сотрудничать в таких оккупационных учреждениях, как отдел труда (арбайтсамт) или отдел питания.

Вооруженный «украинский» полицай мог в любую минуту арестовать, а потом безнаказанно убить «при попытке к бегству» своего личного и главного «национального» врага (как учили Степан Бандера и Ганс Франк) — поляка. Это было тем более удобно, что украинские националисты, которые служили в магистрате во время выдачи населению опознавательных карточек (кеннкарт), ставили в углах особые пометки чернилами разного цвета. Это был условный знак. Проверая на улицах документы у прохожих, «украинский» полицай замечал в углу кеннкарты маленькую, едва заметную для глаза зеленую точку. Она сразу же подсказывала ему: «Убей его! Перед тобой — польский интеллигент, чья жизнь для тебя вредна». И полицай охотно выполнял указание своего старшего единомышленника...

Если же точка была поставлена фиолетовыми чернилами, это означало: «Мне кажется, что предъявитель этой кеннкарты — замаскированный еврей. Задержи его и проверь». Путь подобных задержанных был почти всегда один и тот же — в Яновский концлагерь или просто на Пески, за Лычаков, где с каждым днем росла гора трупов, сложенных заключенными из так называемой бригады смерти.

Польские же националисты — служащие арбайтсамта, охотно поверив подсказанной им гитлеровцами истине, что «все зло — от украинцев», что если бы «не было украинцев, то немцы замечательно жили бы с поляками», действовали против украинцев. Желая выслужиться перед гитлеровцами, служащий арбайтсамта — польский шовинист — очень старательно составлял списки украинского населения на вывоз его в Германию в качестве рабочей силы или доносил фашистам на украинцев, которые сотрудничали с советской властью.

За преступления «польской» полиции, умышленно переброшенной гитлеровцами из центральных районов Польши на Волынь, такой же монетой отплачивала «украинская» полиция, отправленная гестапо с Волыни на Хелмщину. Здесь пылают украинские села и население уничтожается польскими националистами, там от террора украинских националистов ищет спасения в бегстве польское население Галиции. Всем убежать не удастся, и пепел пожарищ остается на месте польских сел; члены ОУН, нападая на эти села, вырезают поголовно всех — стариков, женщин, детей. Гитлеровцы злорадно потирают руки: ведь все получается именно так, как было задумано: разделяй и властвуй — лучше и не надо!

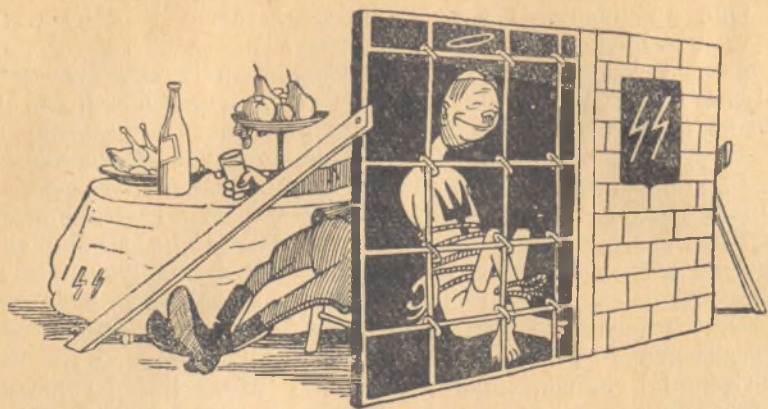
Они вмешиваются в эту братоубийственную войну ненавистных им славян лишь тогда, когда начинает гореть имущество. Гитлеровские власти говорят в таких случаях: «Можете уничтожать друг друга, если вам это нравится, это нас не интересует, но поджигать и разрушать имущество не позволим. Все имущество на этой земле и вся земля наши!»

Вызванный из глубины веков Гансом Франком «превосходный немецкий административный дух» якобы испокон веков руководит старинными украинскими землями, а всякие «украинские» центральные комитеты помогают оккупантам не только укреплять свое господство, но и выполнять давно ими задуманный план уничтожения и порабощения не только славянских народов, но и других народов мира.

Степан Бандера, Андрей Мельник, Владимир Кубийович и другие знали отлично, для чего пришли гитлеровцы на земли Украины. Об этом давно знал весь мир: фашисты не скрывали своих колонизаторских планов. Всеми миру было известно, что в свой лебенсraum (жизненное пространство) гитлеровцы включили Чехословакию, Польшу, Белоруссию, Украину, Дон, Кубань и другие земли.

Зная об этих планах колонизации славянских земель фашистскими захватчиками, украинские националисты тем не менее каждым своим поступком, каждым лозунгом помогали им проводить жесточайшую колонизаторскую политику огня и меча, последствия которой были для Украины самыми страшнейшими из всех пережитых ею вражеских нападений и завоеваний.

ВЫГОДНАЯ СКАЗОЧКА ИЛИ ХИТРЫЙ МАСКАРАД?

Еще накануне гитлеровского нападения на СССР Бандера прислал в качестве руководителя ОУН на Волыни и Полесье одного из своих бандитских сподвижников — Владимира Роботницкого. Роботницкий сразу же стал строчить истерические приказы такого содержания:

«Торопитесь! Скорее! Как можно скорее! Пришел от Бандеры великий приказ. Необходимо немедленно приготовить весь край: приближается война! Необходимо выступить с оружием!..»

Когда гитлеровцы захватили Волынь, этот Роботницкий немедленно основал в городе Ровно главное государственное учреждение «самостийной, незалежной, суверенной Украины» — застенок.

В этот застенок агенты «украинской государственной безопасности» бросили лучших людей Волыни, которые не успели эвакуироваться с Советской Армией.

Но Роботницкому не удалось долго заниматься своей любимой профессией палача. Старый шпик польской охранки умер, и, к сожалению, естественной смертью. 28 августа 1941 года Роботницкий был похоронен на Яновском кладбище во Львове. Его могила была покрыта черно-красным знаменем, и на нее был возложен венок от руководства ОУН.

4

Очередной представитель этой банды произнес над могилой речь. А затем был зачитан приказ краевого руководителя ОУН. Об этом обстоятельно и сочувственно писала газета «Львівські вісті», выходявшая под цензурой гитлеровских оккупационных властей.

Это еще раз подтверждает действительную цену сочиненной украинскими националистами-бандеровцами легенды о том, что они якобы перешли в подполье и вели активную борьбу с немецкими захватчиками.

Очень странное было это подполье!

Вожаки нацистской банды совершенно свободно, в присутствии оккупантов совершают похоронный ритуал, заказывают и возлагают на могилу венки, посещают богослужение в кафедральном греко-униатском соборе св. Юра. Они присутствуют на панихиде, которую служит заместитель Шептицкого архиепископ Иосиф Слипый. Эти, с позволения сказать, подпольщики открыто называют на страницах газеты, контролируемой гитлеровцами, все титулы руководителей своей подпольной организации. Оккупационная же власть милостиво и равнодушно смотрит сквозь пальцы на весь этот парадный церемониал.

Уже опубликовано много документов, которые целиком опровергают легенду, будто бы ОУН боролась с гитлеровцами. Мы возвращаемся к этому вопросу лишь для того, чтобы на основании некоторых новых материалов рассказать, как на самом деле выглядело в дни немецко-фашистской оккупации националистическое подполье.

В 1943 году в местечке Камень-Каширский на Волыни представитель Бандеры некий У. Кузьменко (он же «Ярослав») выпускал листок под крикливым названием «Наш фронт». В этом печатном листке, который издавался на бумаге явно немецкого происхождения, Кузьменко-Ярослав призывал население не идти в советские партизанские отряды, а вливаться в ряды так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). Этими призывами бандеровский ставленник старательно прятал от народа свое лицо — лицо верного слуги оккупантов. Покажем сейчас, как оно выглядело.

6 ноября 1943 года националистка Ирина Демьяненко, которую, судя по ее же собственной ремарке в письме, «в Камени знали все», пишет «руководителю украинской боевой группы в Камень-Каширском и Ратцянском районах» такое письмо:

«Несколько дней назад приехал в Камень-Каширский новый военрук ОУН по Камень-Каширскому округу. Он считает, что мы... обязаны найти общий язык и вместе выступить на борьбу с большевиками. Немцы — как мне заявил их комендант — полны настойчивого желания договориться с украинским на-

родом, а так как с украинцами можно говорить через их руководителей, то немцы обращаются к вам с предложением встретиться. Измены нечего бояться. Вы же знаете, что немцы не обманут. Напишите, когда и где может состояться встреча».

Наверно, здорово налил украинский народ сала за шкуру оккупантам в околицах Камень-Каширского, если вдруг немецкий военный комендант решил пойти на такие переговоры! И фашисты поступили предусмотрительно, когда решили обратиться не к народу, а к его давним обманщикам и изменникам типа У. Кузьменко-Ярослава.

Вскоре немецкий комендант СС штурмбанфюрер фон Альвенслебен имел честь увидеть у себя самого Кузьменко-Ярослава, который на страницах «Нашего фронта» призывал население идти в УПА для борьбы с «немецким наездником». Беседовали они весьма дружно, и комендант оставил бандеровцу для руководства совершенно официальные письма с печатями. В этих документах он в письменной форме предлагал совместную борьбу с советскими партизанами.

А Кузьменко-Ярослав охотно пошел на эту позорную сделку с оккупантами. Ведь уже сама продажная, омерзительная природа национализма требовала от него искать поддержки у любой враждебной народу силы, лишь бы она могла спасти украинских националистов от справедливой народной мести. Больше всего Кузьменко-Ярослав, как мы увидим дальше, боялся, как бы его переговоры, разрешенные высшим руководством, не стали известны широким массам населения.

И когда появились сигналы, что фон Альвенслебен слишком уж афиширует свои связи с националистским подпольем, Кузьменко-Ярослав написал ему послание, которое мы приводим полностью, не изменяя ни стиля, ни орфографии:

«Уполномоченному представителю от нем. правительства в Камень-Каширском.

Уважаемый пан майор!

Во время нашего разговора было решено, что все, о чем будет говорено, должны держать обе стороны в строжайшей конспирации. Вы же сами, наверно, припоминаете, как под конец разговора дали лично на это ваше согласие.

Как уведомляют нас, имело место следующее: что вы, выступая в Ратне, рассказали о нашей встрече председателям сельских управ. Уважаемый пан майор, если это действительно имело место, где же тогда ваше слово, данное нам, а также может ли быть гарантия, что при благоприятных вам обстоятельствах не нарушите вы и дальше данных вами обязательств? Вы решите, пожалуйста, сами, что тогда должна сделать вторая сторона, если видит, что ее партнер не сдержал слова.

Если вам действительно дороги наши хорошие здешние взаимоотношения, думаю, что подобное не повторится.

Слава Украине!

Ярослав».

Кузьменко получил на это такой ответ:

«Камень-Каширск, дня 30 ноября 1943 г.

Сегодня подтверждаю получение вашего письма от 22/XI — 43 г. Так что письмо шло 8 дней.

1. Ваше обвинение необоснованно. Я в Ратне говорил не о нашем разговоре. В Ратне я лишь пояснил, что переговоры между немецкими и украинскими организациями ведутся с целью общей борьбы с красными. Об отношениях между вами и мной не было упомянуто.

2. Вы мне пообещали детально информировать меня о передвижениях красных. Я жалею, что ваше обещание до сего времени не оправдалось, и прошу вас как можно скорее дать мне исчерпывающие сведения о пребывании в вашем округе красных.

3. Наши обязательства выполняются во всех отношениях и нигде не ухудшились. Только обязательства доставки контингента еще в целом ряде сел не выполнены. Я обязан в случае необходимости принять строгие меры. Сообщаю вам об этом для сведения.

4. Мне бы хотелось еще раз поговорить с вами и потому приглашаю вас навестить дружески меня здесь еще раз. Я буду считать вас своим гостем и ручаюсь за вашу полную безопасность.

Фон Альвенслебен. СС штурмбанфюрер».

Однако руководителям УПА в Камень-Каширском округе не посчастливилось использовать любезное гостеприимство пана майора и продолжить с ним дипломатическую переписку. Те самые «красные», о движении которых они обязались информировать эсесовского дипломата, не только разгромили окружное руководство ОУН, но и, захватив эти документы, предоставили нам возможность процитировать переписку предателей.

Подобный контакт с фашистами украинские националисты устанавливали повсюду.

Еще раньше, 6 декабря 1942 года, один из бандитских вожаков — Боровец, присвоивший себе псевдоним «Тарас Бульба», также написал верноподданническое письмо в Ровно «Пану доктору Пицу — шефу СД Волыни и Подолии».

«Наше нелегальное положение, — открыто признавался в письме этот бандит, нынешний наемник американской разведки, — не означает, что мы находимся в состоянии фактической борьбы с Германией... Мы считаем Германию не врагом Украины, а лишь временным оккупантом. Мне очень неприятно,

что я сегодня, пан доктор, вместо того чтобы говорить с вами лично, как вы мне предлагали, отвечаю лишь этим письмом.

С полным уважением Тарас Бульба (Боровец)».

Но не только перепиской такого рода ограничивались связи Боровца, этого авантюриста, провозгласившего себя атаманом им самим выдуманной Полесской сечи, с шефом СД.

В конце ноября 1942 года во двор крестьянина села Моквин Березнянского района Степана Рудницкого ворвались бульбовцы и, как позже они сами записали в протоколе, силой оккупировали помещение «для секретного совещания» с гитлеровцами. Охрана Боровца проводила гитлеровских представителей через все свои посты до хаты Рудницкого, не отбирая у них оружия.

В хате крестьянина Рудницкого за одним столом собралась довольно колоритная компания в составе шефа СД Волини и Подолии Пица, его сотрудника Йоргенса и «представителя-посредника» поручика Ковальчука, а также самозванного атамана Полесской сечи Бульбы.

В протоколе совещания Боровца с Пицом и Йоргенсом было записано следующее:

«Переговоры начал д-р Пиц, заявив о том, что ему очень приятно познакомиться лично с атаманом Бульбой. Он знает биографию атамана Бульбы и его противобольшевистскую борьбу. Сегодня, по мнению д-ра Пица, надо ликвидировать недоразумения, договориться о совместной работе для общего блага. Война против большевизма не может допустить ни одной противонемецкой акции в подполье... Дальше д-р Пиц сказал, что ему известно, сколько полезного сделал атаман Бульба для своего народа и для немцев: известно, что атаман Бульба никогда не издавал приказа проливать немецкую кровь».

В ответ Бульба-Боровец рассыпался в комплиментах. Он заявил:

«Со своей стороны я прилагал все усилия, чтобы укрепить сотрудничество с немцами».

Стоит ли после этого удивляться, что д-р Пиц милостиво предложил:

«Атаману Бульбе занять должность референта по борьбе с партизанами, а его людей включить в уже существующие шуцманшафты¹... Если сотрудничество с немецкими властями не будет отвечать интересам атамана Бульбы, то он может распустить своих людей, а сам легализоваться и начать свою спокойную частную жизнь. Причем всем его людям гарантируется полная неприкосновенность...»

¹ Шуцманшафты — полицейские отряды.

Таким нежным тоном разговаривали со своими прислужниками палачи украинского народа. Они хорошо знали, что Бульба-Боровец со своей Полесской сечью, переименованной им позже в УПА (Украинская повстанческая армия), является верным слугой любого оккупанта. Старый гестаповец Пиц понимал, как важны для него отряды Бульбы-Боровца, в которые были втянуты отдельные украинцы, одурманенные националистической пропагандой.

Если на первом этапе войны переход некоторых украинских националистов в так называемое подполье был выгодным для фашистов потому, что давал им возможность дезориентировать и запутать определенную часть украинского населения, то еще большие выгоды для себя увидели фашисты в организации этого бандеровского подполья, когда Советская Армия приблизилась к старой государственной границе СССР.

Оперируя в лесах и пуская в оборот из тактических соображений лозунги борьбы с гитлеровцами, шайки ОУН никогда и нигде не боролись с ними. Припомним, что подобных методов придерживались украинские буржуазные националисты и в то время, когда над Западной Украиной господствовала панская Польша. Для того чтобы завоевать симпатии среди населения, они прикидывались врагами польской оккупационной власти и распространяли слухи о различных своих «подвигах». На самом же деле они довольствовались обычными грабежами частных польских граждан, чтобы пополнить свою кассу, ограничивались поджогами. Если бы «польская» полиция пожелала тогда арестовать всех этих опасных террористов из ОУН, то она могла бы это легко сделать в течение одной ночи: среди националистов все время орудовали профессиональные провокаторы, состоявшие на службе в дефензиве. Одни братья Барановские, особенно Ярослав, находившийся у руководства ОУН, чего стоят! Но для правительства панской Польши значительно важнее было посеять руками украинских националистов антисоветские настроения среди галицийского населения, чем карать их полицейскими мерами за их националистическую демагогию и отдельные случаи неповиновения.

Подобную же тактику по отношению к оуновцам проводили в дни оккупации и гитлеровцы.

В докладе на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 года товарищ Н. С. Хрущев говорил:

«Если спросить украинско-немецких националистов, сколько уничтожили они немецких оккупантов, сколько пустили под откос немецких эшелонов, сколько они взорвали мостов, чтобы не дать захватчикам возможности перевозить оружие для пора-

бошения и уничтожения украинского народа, они ничего ответить не смогут».

И действительно, украинско-немецким националистам ответить на этот вопрос было нечего.

Стоя с винтовкой у ноги, когда появлялись гитлеровцы, оуновские банды поднимали оружие и начинали действовать лишь тогда, когда в районах их пребывания появлялись настоящие патриоты — советские партизаны, или когда украинские крестьяне начинали активно выступать против немецко-фашистских захватчиков.

Чтобы окружить имя Бандеры — своего агента, поставленного во главе ОУН, — ореолом мученичества, поднять популярность поповича-террориста среди обманутой националистической пропагандой отсталой части населения, гестапо инсценировало арест Бандеры и его ближайших сподвижников.

Для каждого человека, более или менее знакомого с методами разведок, ничего нового в этом приеме гестаповцев, конечно, не было. Известно, что именно так поступали раньше польская дефензива, русская царская охранка, румынская сигуранца. Любой агент, успевший скомпрометировать себя слишком явными связями со своими хозяевами, внешне становился к ним в оппозицию. Его арестовывали, а он, разумеется, возмущался своими «притеснителями». На эту удочку ловились доверчивые простаки, которые ахали и охали: «Как могли мы подозревать такого страдальца?» В конце концов заинтересованные лица организовывали «страдальцу» побег. Вне всякого сомнения, побег проходил удачно, ибо заблаговременно предупрежденная охрана смотрела на все сквозь пальцы. «Страдалец», вырвавшись на волю, продолжал поддерживать замаскированную связь со своими хозяевами, но выступал уже в новой, более сложной роли.

Правда, на этот раз по отношению к Бандере все эти неоднократно испробованные полицейские методы были упрощены до предела. Ведь под ногами у гитлеровцев уже горела земля, а с воздуха на них сыпались бомбы советской авиации!..

14 ноября 1944 года бюллетень так называемой украинской информационной службы «Щоденні вісті» без каких бы то ни было комментариев оповестил: «В начале октября с. г. Степан Бандера вышел из немецкой тюрьмы на волю. С ним вместе вышло 300 членов ОУН. Степан Бандера передал представителю Украинской главной освободительной рады (УГВР) за границей пламенный привет Украинской повстанческой армии...»

Так закончился последний акт комедии под названием «бандеровское подполье». Интересно поразмыслить над всей этой комедией и призадуматься над ее заключительным актом.

Когда и кого из своих настоящих политических противников немецкие фашисты выпускали так легко на волю?

Были ли выпущены ими Эрист Тельман, Юлиус Фучик, Габриэль Пери и другие подлинные борцы с фашизмом?

Не было никогда таких чудес в истории гитлеровской Германии!

А совершилось такое «чудо» с Бандерой лишь потому, что Советская Армия вступила на земли Западной Украины, освобождала Польшу и стала приближаться к границам фашистской Германии. Это заставило гестапо и абвер изменить тактику и превратить украинско-немецких националистов в действующую пятую колонну в тылу Советской Армии, которая продвигалась на Берлин. Гитлеровцы могли теперь уже без особо сложной игры использовать националистических бандитов для выполнения новых задач, диктовавшихся ходом войны, в которой фашистская Германия терпела поражение.

Агенты американской и английской разведок в гестапо и абвере также принимали спешные меры, чтобы завербовать оуновцев к себе на службу.

Отбросив в сторону всякую демагогическую болтовню о борьбе с фашистами, бандеровские пропагандисты по указаниям из Берлина, повели теперь разговоры о борьбе с Советской Армией. Оуновцы получили прямое задание разлагать советский тыл, сеять вражду между различными национальностями, распространять злостные небылицы о Советской Армии.

Вот маленькая инструкция, сфабрикованная бандеровскими пропагандистами при приближении Советской Армии к землям Западной Украины. Она проливает свет на деятельность ОУН на последнем этапе войны.

«Надо не допускать возбуждения масс большевиками, доказать, что они продвигаются не потому, что они сильны, а потому, что немцы вообще не хотят(!) воевать... К полякам наше отношение такое, как было сказано на конференции: боевка бьет, а мы кричим, что мирного населения никто не трогает...

Место стоянки. 25.III.44 года. Надрайонный пропагандистский центр Чумак. Уездный руководитель Грек...»

Сколько цинизма и отвратительной подлости раскрыто в нескольких строчках этой директивы!

Припомним март 1944 года. Второй фронт в Европе еще не был открыт. Основные бои против гитлеровской Германии вела Советская Армия. Предстоял еще целый год тяжелой и упорной борьбы советского народа, пока гитлеровская Германия не была разгромлена. И вот в то время, когда враг начал отползать в свое логово, руководство ОУН учит своих агентов распространять слухи о плановом отступлении как будто бы все еще

мощной гитлеровской армии. Националисты хотят посеять в народе страх перед армией захватчиков, которая якобы еще вернется.

Вожаки националистов широко распространяли подлый, провокационный документ под названием «Основные указания членам ОУН, которые попадают в ряды Красной Армии». В этом напечатанном на гектографе документе был раздел: «Работа среди частей Красной Армии, которые будут находиться за прежними границами СССР». Вот что говорилось в нем: «Надо особенно подчеркивать национальные чувства европейских народов, говорить, что они якобы недовольны приходом Красной Армии. Надо утверждать: «Здесь все враги!» Использовать каждый факт неприязни освобожденного населения, саботажи, террористические акты: «Мы их освободили, а они вот чем отплачивают...» Именно на чужбине мы сможем легче добраться к сердцу красноармейца. Надо вызывать у него нежелание воевать. Все время напоминать о родном крае. Вызывать тоску по семье, домашнему очагу. Парня спросить о невесте. Стараться задеть за живое, что, наверно, она уже замуж вышла за какого-нибудь шкурника: тыловика, какого-нибудь канцеляриста, который агитирует драться за родину, а сам сидит в теплом углу...»

К воину Советской Армии, воодушевленному желанием как можно скорее разгромить гитлеровцев, к парню из Сорочинец или Чигирина на привале подсаживался выученик Бандеры, украинский националист. Внешне это был такой же мобилизованный крестьянин из тех, что по своему призывному возрасту вливались в Советскую Армию на освобожденной территории Западной Украины. Прикидываясь простачком, этот гитлеровский агент на украинском языке разговаривал с парнем, осторожно и обдуманно забираясь к нему в душу и стараясь вселить неверие в его сердце.

Зачем это было нужно ОУН?

Ответ один: это было нужно гитлеровцам и их пособникам из стана поджигателей третьей мировой войны. Это было нужно всем, кто боялся победоносного наступления Советской Армии на Запад.

...Оставшись на Западной Украине в то время, когда Бандера отдыхал в Германии, его сподвижники шухевичи, карпинцы, лебеди, охримовичи, такие же садисты, как и Бандера, организуют массовые убийства мирного населения, которое не хочет поддерживать бандитов из Украинской повстанческой армии.

По приказу Романа Шухевича были сожжены заживо крестьяне в селе Старом, вблизи Равы-Русской, убиты 20 крестьян в деревне Гойче. Своими знаками тризуба бандиты по-зверино-

му заклеямили уважаемого всеми крестьянина Андрея Николаевича Олейника из села Кутища Подкаменского района Львовской области. В Калуше они убили адвоката, доктора юридических наук Ивана Гумецкого, в Потеличах замучили Сергея Дуркота и многих других украинских патриотов. В Нагуевичах гитлеровцы вместе с украинскими националистами расправились с родными, близкими и односельчанами Ивана Франко.

Племяннику Ивана Франко — Миколе Франко нельзя было показываться на улицах родного села. И он вынужден был оставить свою родную хату, бросить жену и детей и около года скрываться по лесам. Но тоска по близким, нестерпимое желание прижать к своей груди детей — пятилетнего Михася и десятилетнюю Стефу — приводят его в темную майскую ночь к родному дому. Здесь-то его, по доносу украинских националистов, и схватили гестаповцы.

Более года мучили племянника великого писателя в застенках гестапо. Когда его вели на расстрел, он, глядя убийцам в глаза, крикнул:

— Я умираю, но на мое место придут тысячи. Да здравствует Советская Украина!

...Весной 1944 года фашисты поймали и жену Миколы Франко, которая все время скрывалась по лесам со своими детьми. Палачи замучили и ее. «Украинские» полицаи провели обессиленную женщину под конвоем через Нагуевичи в Дрогобыч.

Гитлеровский офицер отобрал у нее детей.

До сих пор каменная стена у ратуши в городе Дрогобыче хранит следы фашистских пуль, которыми была расстреляна жена Миколы Франко вместе с другими двадцатью галичанами-украинцами, земляками великого поэта...

А вот еще одно каиново дело, совершенное бандеровцами.

12 февраля 1944 года львовские фашистские газеты опубликовали за подписью губернатора «дистрикта Галиция» д-ра Отто Вехтера некролог в траурной рамке:

«От большевистской руки 9 февраля 1944 г. во Львове погибли:

Отто Бауэр — вице-губернатор «дистрикта Галиция», д-р Генрих Шнайдер — полевой судебный советник, начальник канцелярии президиума губернаторства «дистрикта Галиция».

Еще до опубликования некролога весь Львов знал, что карающая рука народного мстителя на улице Понинского, недалеко от дома, где жил некогда Иван Франко, убила двух заклятых врагов украинского народа. Этим мстителем был смелый разведчик из партизанского отряда Героя Советского Союза

полковника Медведева воспитанник комсомола Николай Кузнецов, который и до этого совершил ряд героических подвигов.

Некоторое время судьба Николая Кузнецова оставалась неизвестной.

Но после того как Советская Армия 27 июля 1944 года освободила Львов, в несгораемом шкафу отдела «1-Н» львовского гестапо был найден следующий документ:

«Начальнику полиции безопасности и СД по Галицийскому округу

IV-N-90/44. Секретно. Государственной важности.

Гор. Львов. 2.IV-44 г. Считать дело секретным, государственной важности.

Телеграмма-молния

В главное управление имперской безопасности для вручения СС группенфюреру и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру лично. Берлин.

При одной из встреч 1.IV-44 украинский делегат сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2.III.44 задержаны в лесу близ Белгородки в районе Вербы (Волынь) три советских агента. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета Львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан представителем УПА. Речь идет о советском партизане-разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена. Во Львове «Зиберт» был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президиал-шеф доктор Шнайдер. Оба эти немецкие государственные деятели были расстреляны неподалеку от их частных квартир. В отчете «Зиберта» дано описание акта убийства до малейших подробностей.

Во Львове «Зиберт» расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц, среди них майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали.

Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, о захваченных боеприпасах и т. д. кажутся точными. От боевой группы Прицмана поступило сообщение о том, что «Пауль Зиберт» и оба его сообщника расстреляны на Волыни националистами-бандеровцами. Представитель ОУН подтвердил этот факт и обещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы.

Начальник полиции безопасности и СС по Галицийскому округу.

Доктор Витиска. СС оберштурмбанфюрер и старший советник Управления».

Этот документ раскрывает подлое злодеяние украинских националистов. Это они убили верного сына советского народа, пламенного патриота Родины Николая Кузнецова.

В своих воспоминаниях об отважном разведчике полковник Дмитрий Медведев цитирует письмо, которое Кузнецов вручил ему в тот день, когда собирался в Ровно на ответственную и опасную операцию, из которой он не думал выйти живым. На конверте была надпись: «Вскрыть после моей смерти».

«Я люблю жизнь, — писал Кузнецов, — я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик! Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце...

Ваш Кузнецов»

И такого прекрасного, отважного человека убили в угоду гитлеровцам их презренные наймиты — украинские фашисты.

Весной 1944 года, когда Советская Армия начала освобождать западные области Украины, к гитлеровской охранной полиции пришли делегаты от бандеровцев и заявили, что представитель так называемого центрального руководства ОУН Герасимовский хотел бы поговорить с видными чинами гестапо. Они прямо и откровенно сказали о цели переговоров: «возможность теснейшего сотрудничества против большевизма в новых условиях».

Гестапо раскрыло свои объятия Герасимовскому. 1 марта 1944 года в еще занятом тогда фашистами Тернополе криминаль-комиссар охранной полиции Бено Паппе впервые встретился с Герасимовским. Беседу стенографировал личный секретарь криминаль-комиссара, и стенограмма впоследствии, когда фашисты были изгнаны из Тернополя, попала в руки Советской Армии.

Согласно стенограмме, Герасимовский сделал такое заявление Бено Паппе:

«...Бандеровские группы ясно понимали, что они могут получить свою самостоятельность только при помощи наиболее многочисленной национальности в Европе, то-есть немцев... Сознавая это, мы стояли на стороне немцев уже во время первой мировой войны, позднее искали и нашли себе поддержку в Германии, приобщались к немецким целям и, наконец, как во время польско-немецкой, так и во время немецко-советской войны внесли свой вклад для Германии...»

Будь криминаль-комиссар полиции Паппе личностью сентиментальной и чувствительной, он должен был умилиться от такого трогательного признания!

Надо отдать должное искусству Герасимовского (недаром его отрядили к Паппе!) — он смог с замечательной выразительностью и ясностью в нескольких словах объяснить всю преступную роль украинских националистов за последние 30 лет. Понятно (и это обстоятельно отражено в стенограмме), криминаль-комиссар Паппе, выступая от имени гестапо, обещал Герасимовскому всяческую помощь и поддержку «в новых условиях».

Вот как выглядело в действительности и для чего было организовано по точно разработанным в Берлине планам зловещее националистическое подполье, то подполье, которым хватаются теперь перед своими новыми хозяевами выброшенные навсегда советским народом за пределы Советской Украины вместе с их хозяевами-гитлеровцами украинские националисты.

СПАСИТЕЛИ «ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ»

Вскоре после того, как немецкие фашисты захватили Львов, подал свой голос из какого-то гитлеровского дома отдыха утомленный многими «трудами» Андрей Мельник.

В телеграмме, посланной рейхслейтеру Альфреду Розенбергу 24 июля 1941 года Консул первый писал:

«...Украинские националисты, которые давно словом и делом борелись за немецко-украинское сотрудничество, возмущены слухами о близком вхождении Западной Украины в генерал-губернаторство. Мы надеемся, что дальнорочность Вашей экселенции не допустит, чтобы осуществился такой план раздела Украины. Сердца всех украинцев бьются не для Кракова, а для Киева».

Как известно, при всей его «дальнорочности» экселенция Альфред Розенберг не прислушался к советам своего холопа. Должно быть, криво ухмыльнувшись, рейхслейтер смял лстивую телеграмму и вышвырнул ее так же, как его подчиненные во Львове смяли и вышвырнули в помойную яму составленный заранее Степаном Бандерой-Серым торжественный акт о провозглашении «Украинской соборной державы».

Гитлеровцы придерживались строгой последовательности в своих отношениях с украинскими националистами, выбирали из них помощников сами и очень не любили, когда их подчинен-

ные шпики, вроде Мельника и Бандеры, начинали вдруг заниматься не положенными им делами и мнить о себе как о государственных деятелях. Не только Альфреду Розенбергу, но и всем главарям немецкого фашизма было в высшей степени наплевать, для кого бьются сердца украинских националистов, которых они считали наемниками-янычарами, купленными для достижения одной цели — покорить Украину. Они милостиво разрешали украинским националистам играть в романтику и носиться с несбыточными планами создания «самостийной Украины», но как только эти планы начинали вступать в противоречие с планами немецкого командования, фашисты игнорировали их со свойственными им грубостью и цинизмом.

В то время как мельники, кубийовичи, андриевские, величковские и прочие националистические подонки посылали в адрес влиятельных чинов рейха меморандумы и слезливые просьбы, гитлеровские захватчики, истоптав своими сапогами живое тело Украины, разделили ее так: Волынь, Подолия, Киевщина, Житомирщина, Полтавщина, Днепропетровщина и Запорожье были разбиты на округа, в которых полноправными хозяевами стали гитлеровские генерал-комиссары. Под их власть были отданы также южные районы Белоруссии.

Западные области Украины, которые состояли из районов старой Галиции, были включены в польское генерал-губернаторство и отданы под власть Ганса Франка. Таким образом, сердца украинского населения этой территории должны были с этого времени «биться для Кракова», где восседал в Вавеле — резиденции польских королей — Ганс Франк.

Третья часть Украины была передана гитлеровским командованием боярской Румынии в награду за ее участие в войне на стороне фашистской Германии. Сюда входили земли меж Бугом и Днестром, названные румынами Транснистрией, их центром стала Одесса. Румыны получили также Буковину и Измаильскую область.

Территория Донбасса, Сумская, Харьковская и Черниговская области были подвластны непосредственно гитлеровскому командованию.

Так фашистские захватчики расчленили Украину, грубо надругавшись над историческим прошлым украинского народа, над его традициями, разделили искусственными границами единую, крепко связанную украинскую землю.

Что же делали в те страшные дни, в дни гитлеровского разгула и своеволия, украинские националисты?

На Западной Украине они ставили в честь прихода гитлеровцев и в память об этом времени деревянные кресты с надписью: «Хайль Гитлер и Бандера!», как это было в селе Озерцах Ровенской области.

Галиция вошла в состав генерал-губернаторства; на львовский престол сел не Стецько-Карбович и не Мельник, а генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС Карл Ляш, который вскоре нажил себе миллионы на крови посланных им на смерть львовских жителей. Когда Ляш проворовался, его заменил на посту губернатора бригаденфюрер СС Отто Вехтер. К каждому из губернаторов усердно подлизывались все украинские националисты.

* * *

Вскоре после разгрома гитлеровцев под Сталинградом, когда Советская Армия добилась коренного перелома в ходе войны, немецкий шпион Андрей Мельник, который оказался временно вне руководства, выступил в роли спасителя фашистской Германии. Он пишет верноподданнические письма, адресуя их «господину генерал-фельдмаршалу Кейтелю». Самозванно выступая от имени украинского народа, Мельник заверяет в одном из писем:

«Украинский народ (?!) находится в таком положении, что, невзирая на великое разочарование последних двух лет, мог бы оказаться в борьбе против Москвы полноценным союзником Германии... Кажется, наступило время включить Украину в противобольшевистский фронт... Необходимо сформировать боеспособное украинское войско... К сожалению, на протяжении двух последних лет было упущено много возможностей. Чтобы их восполнить, надо перевести этот вопрос в область практического действия, без проволочек и потери времени. Надеюсь, что проблема формирования украинской вооруженной силы в том виде, как мы здесь изложили, и который, на наш взгляд, является единственно правильным, у вас, господин генерал-фельдмаршал, найдет надлежащее понимание и интерес.

Украинские ответственные и, самое главное, военные круги готовы к разрешению этого вопроса, которому мы для победного исхода борьбы с Москвой придаем наибольшее значение, готовы принять участие и отдать себя в распоряжение главного командования вооруженных сил.

Берлин, 6 февраля 1943 г., Андрей Мельник, вождь украинских националистов».

Вот каким образом нынешний наемник американской реакции Андрей Мельник, торгуя кровью украинского народа, выступал тогда в роли спасителя «третьей империи».

Он готов был простить гитлеровцам многое, даже и то, что по их указке и при их помощи его, Консула первого, столкнул с поста руководителя ОУН ловкий гестаповский выученик Степан Бандера. Мельник полагал, что можно со-

брать какую-то армию, которая могла бы помочь Гитлеру, верил все еще в победу немецкого фашизма. Гитлеровцы же были в то время готовы вести переговоры и заключить союз с кем угодно. Их резервы уже подходили к концу, наступала эпоха фольксштурма¹, и последние музыканты берлинских оркестров вот-вот должны были отправиться на фронт задерживать наступление Советской Армии.

В № 93 за 1943 год газеты «Львівські вісті» обстоятельно описана следующая церемония, которая находилась в прямой связи с февральским посланием Андрея Мельника генерал-фельдмаршалу Кейтелю:

«28 апреля рано утром во Львове, на улице Дистрикта, в доме 14, собрались представители правительства, партии, войска, полиции и члены УЦК (Украинского центрального комитета), а также представители прессы. Точно в 9 часов 25 минут в зал входит губернатор д-р О. Вехтер. Фанфары отряда музыкантов трубят «смирно», а оркестр играет украинские маршевые песни. Выступает шеф управы губернатор д-р Бауэр. Он приветствует присутствующих. Слово берет губернатор области «Галиция» д-р Отто Вехтер: «...неоднократные обращения галицийско-украинского населения к управе Галиции, к пану генерал-губернатору, к руководству рейха, наконец, увенчались успехом. Фюрер дал соизволение сформировать дивизию добровольцев из галицийских украинцев...»

История комплектования дивизии СС «Галичина» покажет нам, насколько соответствовало содержание этой речи Отто Вехтера подлинной действительности.

Но послушаем, как вели себя во время «торжественного объявления воли фюрера» представители украинских националистов.

Лысый, пучеглазый, низкорослый Владимир Кубийович, держа руки по швам и подобострастно глядя на губернатора Отто Вехтера, обратился к нему с ответной речью (цитируем из того же самого источника):

«Пане губернатор, мои паны!

Сегодня для украинцев Галиции действительно исторический день, потому что сегодняшним историческим актом осуществляется одно из самых сокровенных желаний... Милостивое разрешение на формирование стрелецкой дивизии СС — это награда и одновременно особая честь — бороться рука об руку с геройскими немецкими воинами и СС. Мы благодарим вас от чистого сердца...»

¹ Фольксштурм — так назывались создававшиеся гитлеровцами в последние месяцы войны вооруженные отряды стариков, подростков и инвалидов.

Выслушав с холодным выражением лица эти излияния, губернатор Вехтер милостиво кивнул всем присутствующим головой и надменно прошел в свои апартаменты под выкрики «Хайль!». Но на этом «торжественная церемония», по сообщению газеты, еще не закончилась.

Группа участников церемонии — сотрудники Украинского центрального комитета и «украинские» полицаи продефилировали к собору св. Юра, чтоб выслушать там торжественное богослужение в честь Адольфа Гитлера, который милостиво позволил украинцам умирать за интересы фашистской Германии.

Под сводами древнего храма священнослужители греко-католической церкви, как и 30 лет тому назад, когда они благословляли украинскую молодежь в поход с легионом сечевых стрелков, вновь совершили этот дикий обряд.

Немало хлопот было 28 апреля и у Отто Вехтера. Необходимо было прежде всего сделать так, чтобы решение о формировании дивизии СС не было превратно истолковано. Надо было уже с самого начала пресечь всякие предположения и возможные слухи о том, что гитлеровцы считают украинцев своими полноценными союзниками. И губернатор Вехтер дает такие указания вербовщикам «добровольцев» в дивизию СС «Галичина»:

«...В частности, обращаю ваше внимание вот на что: вы должны избегать выражений, которые могли бы установить какое бы то ни было панибратство между немцами и украинцами. Не следует также создавать впечатление, что мы призваны на помощь украинцам. Украинцев не нужно называть союзниками...»

Дивизии СС «Галичина» предназначалась роль пушечного мяса, такого же мяса, как французский легион Марселя Деа¹ или испанская голубая дивизия, отправленная на восточный фронт генералом Франко.

В то самое время, когда агитаторы, проинструктированные Вехтером, разъезжали для вербовки «добровольцев» по селам и городам Галиции, губернатор спешно создавал войсковую управу, назначив почетным председателем ее австрийского генерала Виктора Курмановича. В этом назначении можно было увидеть лишнее доказательство того, что фашисты рассматривали украинских националистов и особенно тех из них, кто воевал уже однажды под желто-черными австрийскими знаменами, как своих давних сообщников.

Несмотря на весь этот парадный шум, дело вербовки «добровольцев» оказалось не из простых. Украинское население

¹ Марсель Деа — французский гитлеровец, предатель французского народа.

совсем не хотело погибать за фюрера, как это пыталась изобразить жалкая кучка изменников.

Видя, что вербовка добровольцев проваливается, Украинский центральный комитет состряпал воззвание к населению, но и оно не помогло. Тогда Кубийович и его свора начали прибегать к запугиванию населения и угрозам. Стоявшие за его спиной губернатор Вехтер, начальник львовского гестапо Стависский, начальник гестапо и полиции всего «дистрикта Галиция» известный палач Кацман и весь разветвленный аппарат гестапо, криминальной полиции и других карательных органов гитлеровской Германии проявляли живейший интерес к тому, как идет формирование дивизии СС «Галичина». Время от времени этим интересовался и сам Гитлер. Немецким фашистам хотелось верить, что руководство националистов пользуется необычайной популярностью среди галицийского населения и уже одним своим призывом соберет огромную армию.

И Кацман, и Стависский, и Вехтер подгоняли своих гайдуков — украинских националистов, чтобы те торопились с вербовкой. Каждый гестаповец прекрасно понимал, что если бы вербовка закончилась провалом, ему пришлось бы сменить сытную, веселую жизнь во Львове на тяжелую фронтную обстановку.

Насилие стало основным методом «добровольной» вербовки молодежи в дивизию СС «Галичина». Старосты и вербовщики хватали крестьянских парней, усаживали их на автомашины и отправляли в город. Директора училищ насильно принуждали учащихся вступать в националистическую дивизию, отравляли их сознание всякими бреднями. Директор коммерческого училища во Львове Ковалиско самовольно записал в дивизию СС «Галичина» всех учеников старших классов. Директор 1-й украинской гимназии во Львове, старый националистический зубр Радзикевич, когда не помогли угрозы, посулил «добровольцам» легкое получение аттестата зрелости. Отдельные буржуазные интеллигенты, связавшие свою жизнь и карьеру с украинскими националистами и гитлеровцами, вынуждены были «ради святого примера» отправить в дивизию СС «Галичина» своих сыновей.

Спасаясь от вербовщиков, молодежь из рабочих и крестьянских семей убегала в леса.

Знаменитый рейд дважды Героя Советского Союза генерал-майора Сидора Ковпака, уроженца древнего украинского города Путивля, вызвал новый прилив надежд в сердцах галичан. Руководители украинских националистов заверяли всех, что слухи о каких-то советских партизанах — выдумка. Они не могли представить себе, что в тылу немецкой армии действуют целые партизанские соединения. Неожиданное появление ков-

паковцев вблизи Карпат вызвало растерянность в среде предателей и воодушевило массы трудящихся. И хотя во Львов приехал для руководства операциями против партизанского соединения сам Генрих Гиммлер, надежда народа на разгром фашизма оставалась все такой же крепкой.

Коротенькое письмо девочки-украинки, которое мы здесь цитируем, посланное в Львов, достаточно ясно рисует обстановку в Западной Украине летом 1943 года:

«Татаров, 7/VIII 1943 г. Уже три недели около нас бои с партизанами. Немецкой полиции и украинских полицейских множество, начиная от Надворной до Ворохты. А партизаны находятся в горах под командой славного генерал-майора Ковпака. Партизаны буквально учиняют посмешище над гитлеровцами, издеваются над ними, как хотят. Партизаны подсылают к фашистам наших гуцулов с подробно начерченными планами расположения партизанских стоянок. Гитлеровские летчики бомбардируют, но только не партизан, а всего-навсего лишь пни в лесу и кусты, одетые в лохмотья, кожухи, шапки и т. д. Письмо прошу уничтожить.

Зина».

Гестапо арестовывало родителей юношей, отказавшихся стать «добровольцами». Тех, которые не хотели идти на вербовочные пункты, угоняли на каторжные работы в Германию, ссылали в концлагери.

Однако, несмотря на все эти способы «убеждения», дивизия «Галичина» не была полностью укомплектована. Тогда в ее ряды погнали полицейских, которые, привыкнув к легкой жизни, грабегам и расстрелам, вовсе и не собирались на фронт. В нее навербовали деклассированный элемент, людей без определенных занятий, которые не имели никакого отношения к украинскому народу. Понемногу начали затыкать дыры изменниками, вывезенными из Прибалтики. В частях дивизии появились литовские, латвийские и эстонские националисты, которые решили заблаговременно сменить климат и место жительства, спасаясь от справедливой кары своих собственных народов.

Учеба в дивизии, которой командовал «чистокровный украинец» оберфюрер СС Фрайтаг, проводилась только на немецком языке, под руководством гитлеровских офицеров. Очень быстро из пунктов размещения частей дивизии — из Оломоуца, Дембicy, Варшавы — посыпались отчаянные письма «добровольцев» к своим родным в Галицию с мольбами спасти их, прислать хлеба.

Гитлеровцы обращались с многими галичанами, навербованными в дивизию, как с рабами. За ничтожнейшие нарушения они сажали волонтеров в тюрьму, без суда и следствия расстреливали всех, кто пытался бежать.

Украинский центральный комитет собирал милостыню для дивизии: деньги, продукты, одежду, пытался организовать благотворительные сборы, базары, концерты; в окнах лавок и магазинов появились плакаты, изображающие трубача СС с желто-голубым знаменем, который трубил «На Москву!». Но никакие трубные голоса, никакая возня референтов отдела пропаганды войсковой управы, никакие старческие усилия Виктора Курмановича не помогали.

УЦК горланил: «Теперь или никогда!» Снова, как и в первую мировую войну, предатели, засевшие в его канцеляриях, пытались послать украинскую молодежь на убой. Но население Западной Украины презрительно относилось к этим призывам и своими действиями говорило: «Никогда!» Трудовые люди понимали, что оккупанты и их наемники хотят превратить свободолюбивый украинский народ в послушных рабов. «Никогда мы не пойдем под чужими знаменами со свастикой и черепами против наших единокровных братьев, которые несут нам с Востока мир, свободу и полное воссоединение всех украинских земель в едином украинском государстве!» — отвечал народ на призывы оккупантов и их наймитов.

Дивизию СС «Галичина» постигла такая же участь, как и другие фашистские дивизии, окруженные вблизи Брод. Она была перемолота и уничтожена наступающими частями Советской Армии в июльских боях 1944 года, которые закончились полным разгромом гитлеровцев, освобождением Львова и открыли дорогу советским войскам к Варшаве и столице рейха — Берлину.

Лучшие сыны Украины дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка, Герой Советского Союза командир эскадрильи бомбардировщиков Павло Гусенко, танкисты генерала Рыбалко, летчики, пехотинцы, артиллеристы нещадно громили гитлеровских наемников. Воины Советской Армии, узнав, что среди фашистских войск находятся части украинских националистов, удесятерили свой натиск. Павло Гусенко, воюя в рядах 1-го Украинского фронта, жестоко карал изменников народа. Его бомбы поражали гитлеровцев и эсесовцев с желто-голубыми нашивками на рукавах и тризубами на шапках. Он, украинец Гусенко, и сотни тысяч его соотечественников в те июльские дни 1944 года творили справедливый суд истории над теми, кто пытался, выполняя волю чужеземцев, повернуть колесо истории.

Советские воины не давали им ни секунды передышки, ни надежды, ни просвета. Мир воспринимался немецкими фашистами и их украинскими ландскнехтами, окруженными вблизи Брод, сквозь пелену дыма, огня и пыли, в которой мелькали вывороченные взрывами деревья и обломки походных кухонь. Не-

мецкие «ангелы-хранители», которые, судя по зазывным обращениям Кубийовича, должны были прикрывать своими крыльями дивизию СС «Галичина», сами забились в норы: они прижимались к срезанным снарядами остаткам древесных стволов, они с удовольствием залезли бы и в преисподнюю, лишь бы уйти подальше от этого земного пекла.

Ободранный, дрожащий от страха «ангел-хранитель» украинских эсесовцев унтер-офицер 1-й гитлеровской танковой дивизии Ханс Кун, которому посчастливилось остаться живым, сказал во время допроса советским офицерам:

«Это был кошмар, который невозможно описать. Все танки и штабы в лесу и весь лес превратились в сплошное пожарище. Все взрывалось и пылало. От адского грома и огня мы начинали сходить с ума. Выскочить из этого мешка было невозможно. Все пространство забрасывалось бомбами. В первый же момент воздушного налета от узла связи и штаба остались лишь одни воронки».

Таков был позорный конец дивизии СС «Галичина», которая, несмотря на все обещания Кубийовича, несмотря на рекламу плакатных трубачей, звавших на Москву, превратилась в беспорядочную шайку обезумевших от страха оборванцев. Она рассыпалась, исчезла бесследно, не оставив ничего, кроме воспоминания о бессмысленной, омерзительной авантюре.

Лишь незначительной части стрелцов и офицеров дивизии СС «Галичина» удалось вырваться из бродского «котла». Они служили фашистам до полного разгрома гитлеровской Германии. Украинских эсесовцев из этой дивизии видели на руинах Варшавы во время подавления варшавского восстания. Вместе с отборными громилками из частей Гиммлера шли эти предатели против восставших поляков. Они забрасывали гранатами подвалы варшавских домов, переполненных женщинами и детьми, расстреливали за городом тысячи мирных жителей.

Один из таких эсесовцев, некий Вашенко, убитый участниками варшавского восстания, в своем дневнике оставил примечательную запись:

«Наше положение — отвратительное. Жизнь обрывается в молодые годы. Придется нам погибнуть либо от руки поляков, либо от руки своих братьев и отцов, либо от руки немцев — наших союзников. Куда ни пойдешь — всюду ждет нас пуля или граната, здесь каждое окно дышит смертью!»

Уцелевшие украинские фашисты встречались после разгрома «Галичины» и у подножия Альп в качестве охранников в гитлеровском концлагере Маутхаузен. Они свозили туда последних заключенных из Майданека, Освенцима; они отвозили честных патриотов в каменоломни Сан-Георген и убивали там несчастных, обессилевших людей камнями; они были верными

и старательными помощниками коменданта так называемого Руссенлягера Бахмайера и расправлялись здесь с пленными советскими солдатами, умиравшими от голода и истязаний. Националисты охотно вталкивали полуживых людей в печи крематория, делая это с таким же садистским наслаждением, с каким их фюрер Бандера, воспитывая свой характер, давил в юности руками кошек и собак.

Они следовали в этих подлых делах одному из заветов националистического евангелия — так называемого «Декалога ОУН», составленного еще полковником Евгеном Коновальцем и отредактированного Донцовым: «Не поколеблешься при выполнении какого угодно злодеяния».

* * *

Деятельность Владимира Кубийовича, Кость Панькивского и прочих немецких агентов не ограничивалась только поставками пушечного мяса для дивизии СС «Галичина». Не менее усердно потрудились главари УЦК и состоявший для особых поручений при губернаторе Вехтере украинский националист Евгений Храпливый по части отправки украинского населения в Германию для работы в трудовых лагерях и на военных заводах.

13 мая 1942 года немецкое командование отдало приказ об обязательном государственном труде. Согласно этому приказу была составлена особая разверстка, по которой немецкие арбайтсамты на местах, в том числе и в Западной Украине, должны были послать в Германию определенное количество рабочей силы — преимущественно молодых и сильных мужчин. Одни арбайтсамты не смогли справиться с этой задачей: население Западной Украины всячески уклонялось от мобилизации. В дело вмешалась жандармерия.

6 августа 1942 года комендант жандармерии «дистрикта Галиция» Шертлер издает приказ, в котором предписывает чиновникам жандармерии бросить все силы на отправку рабочих в Германию. Шестой параграф приказа гласил:

«Последним днем вербовки рабочих назначаю день 11 августа 1942 года. В случае, если по списку не окажется всех рабочих, для пополнения недостающего количества взять других, невзирая на пол».

Приказ Шертлера не нуждается в комментариях.

По всей Западной Украине, так же как и на других территориях Украины, оккупированных гитлеровцами, появились огражденные густыми рядами колючей проволоки огромные лагеря — сборные пункты для рабочей силы, отправляемой в Германию. Началась в буквальном смысле слова охота на

людей. В одном только маленьком городке Яворов, северо-западнее Львова, было захвачено и вывезено на работы в Германию 2 500 человек, в районном центре Городок — 2 569 человек.

Но и эти цифры показались гитлеровцам недостаточными. После разговора по телефону с Франком губернатор Вехтер вызывает к себе руководителей Украинского центрального комитета Кубийовича, Биляка, Навроцкого и предлагает им любыми способами помогать «официальным органам губернаторства в этой весьма важной для рейха работе».

Старые и молодые дельцы украинского национализма рады стараться. Их органы печати начинают в своих статьях изображать Германию «раем» для украинских крестьян. Там-де они не только заработают кучу денег, но и приобретут необходимую «культуру» для ведения своего собственного хозяйства.

При помощи националистов гестаповцы и «украинские» полицаи силой заталкивали юношей и девушек в товарные вагоны, пломбировали двери и мелом писали: «Нах Дейчланд!» («В Германию!»).

Когда Вехтер устроил «проводы» трехсоттысячного рабочего, «едущего» в Германию, украинские националисты во время этой циничной церемонии усердно хлопали в ладоши. А их орган «Львівські вісті» демагогически назвал вывоз украинцев на чужбину, на немецкую каторгу, под бомбы английской и американской авиации, «мобилизацией сердец».

Из Германии в родные села шли печальные вести о гибели сотен украинцев на подземных заводах и строительных работах. Домой сотнями возвращались калеки без ног, рук, слепые, оглохшие навсегда. Девушки, подвергшиеся насилию, приезжали беременные, опозоренные. Все в один голос проклинали провидныков ОУН за их обман, за торговлю «живым товаром». Те, кому предстояло не сегодня-завтра подвергнуться подобной участи, скрывались в леса. Украдкой, по ночам они навещали свои семьи, заглядывали на минутку-другую в родную хату.

Многие галичане прекрасно помнят, что в инструкциях, специально изданных для отправляемых на работы в Германию, украинские националисты рекомендовали и там разжигать ненависть к Москве, не забывать о великой идее «самостийной Украины». Украинский крестьянин, прикованный к тачке на постройке подземного авиационного завода, падал от изнеможения, но надсмотрщик — украинский фашист — и здесь не оставлял его без своего внимания. Стараясь напичкать сознание несчастного ненавистью к Москве, к советской власти, сказками о будущей «самостийной Украине», он

тем самым выполнял прямое задание гестапо — отвлечь внимание невольника от главных и единственных виновников его тяжелой доли.

* * *

Чем дольше шла война, тем все больше хлеба, мяса и других продуктов требовала ненасытная фашистская Германия. Рейхскомиссар Украины Кох и губернатор Вехтер все чаще вызывали к себе своих верных холопов и давали им прямые и ясные задания по части грабежа.

Украинские националисты, ссылаясь не только на тени Мазепы, Петлюры и Коновальца, но и на волю Божию, убеждали крестьян, что помощь фашистам и выполнение в срок и полностью так называемых контингентов (грабительской разверстки) приведет к процветанию Украины.

Население городов и сел Украины вследствие войны уменьшилось. Те из жителей, кто остался на украинской земле, вынуждены были работать в лигенштафтах, то-есть в гитлеровских имениях, и сдавать непосильные контингенты скотом, пшеницей, рожью, фруктами, овощами, медом.

Гитлеровец, забегая в украинское село с автоматом наготове, горланил единственные выученные им слова из украинско-русско-польского лексикона: «Давай масла, млеко, яйца, курка». Таковую же самую песенку, но уже на украинском языке слышал крестьянин от украинских националистов. То же слышали верующие от митрополита Шептицкого в кафедральном храме св. Юра. Это же выкрикивали многочисленные гайдуки фашистов, так называемые десятники — «коменданты борьбы за продукцию», которые по указанию гитлеровского командования беспощадно грабили крестьянство.

Карательные экспедиции разбойничали в селах, забирали вместе с контингентами все, что понравится.

Летом 1943 года земля горела под ногами немецко-фашистских захватчиков. Все ближе и ближе подходила Советская Армия, и гитлеровцы, которым помогали украинские националисты, изо всех сил старались вывезти из Украины все, что можно было.

В селах Западной Украины в то лето распространялось и переходило из рук в руки такое обращение истинных патриотов украинского народа:

«Украинские крестьяне!

Идет уборка урожая. С раннего утра и до позднего вечера работаете вы на родных землях, чтобы обеспечить свое существование и прокормить родные города. Но на плоды ваших мозолистых рук, добытые потом и кровью, покушается грабитель — гитлеровский оккупант. Ему все равно, что ваши семьи

В гитлеровской упряжке.

умрут с голоду, что станут безлюдными наши города. Он любой ценой добивается выкачать хлеб, чтобы доотвала накормить свою ненасытную полицию и жандармерию здесь, в этом краю, и оккупационную армию на фронте...

Непобедимая Красная Армия наступает с востока. Все сильнее и сильнее удары с воздуха на юге и на западе. Гитлеровская мощь пошатнулась. Силы грабителя ослаблены. Враг хорошо об этом знает. Потому он и спешит забрать у крестьянина все, что можно.

Вдвое увеличены контингенты в Западной Украине, но и этого, очевидно, мало! Села Добромильщины и Комарнящины должны вынести тяжесть контингентов в 4- и 6-кратном размере. Враг спешит. До 20 августа он назначил 1-й срок сдачи контингентов. Для обеспечения грабежа наших сел фашисты усиливают отряды полиции и жандармерии, вооружают низовую администрацию вместе с войтом, объявляют чрезвычайное положение на время уборки. Они мобилизуют весь свой продажный агитационный аппарат во главе с председателем УЦК Кубийовичем. Фашисты стремятся посеять вражду между украинским и польским населением при помощи своих провокаторов из националистических лагерей. Они пытаются натравить украинцев на поляков и с помощью такого приема отвести гнев украинского и польского народов против заклятого общего врага — гитлеризма.

Но все эти попытки и мероприятия тщетны. Украинский и польский народы пойдут дорогой совместной борьбы против своего общего врага. Сегодня уже всякий знает: общий враг — это гитлеризм. Одним из важнейших фронтов борьбы против гитлеризма является срыв снабжения за счет подвластных ему народов.

Крестьяне! Молотите зерно и прячьте его в закрытом и надежном месте. Лучше сжигать контингенты, нежели оставлять врагу. Объединяйтесь для самообороны, организуйте отряды противодействия сдаче контингентов! Беспощадно карайте тех, кто помогает врагу в его омерзительных грабительских действиях!..

Крестьянская молодежь! Особенно ты должна принять массовое и действенное участие в спасении продуктов труда родных сел. Твое место в первых рядах! Создавай партизанские отряды! Организуй вооруженное сопротивление против карательных отрядов по сбору контингентов!..

Время освобождения приближается. Долой контингенты! Долой гитлеризм! Ни одного зерна оккупантам! Весь хлеб народу западных областей Украины!

Военный Совет Народной гвардии западных областей Украины».

Такова была та правда, которую говорили украинскому крестьянству враги фашистов, сыны украинского народа, которые смело шли на борьбу с оккупантами и его слугами — буржуазными националистами. Эта правда доходила до миллионов крестьянских сердец, звала на борьбу за свободную Советскую Украину.

В то самое время, когда Кубийович — один из подлейших шутов среди гитлеровских наемников — дарил Г. Франку во Львове картины в позолоченных рамах с изображением украинских девушек в праздничных костюмах и попутно с этим отправлял тысячи таких же девушек, но уже в деревянной обуви немецкого образца на каторгу в Германию, в том же Львове действовали честные и смелые патриоты — борцы против фашизма.

Во Львове с осени 1941 года существовала Народная гвардия имени Ивана Франко. Не случайно подпольщики назвали свой отряд именем великого певца галицийской земли. Каждый из них прекрасно понимал, что «черная туча, ползущая с запада», о которой пророчески предупреждал Франко, эта «страшная чума» не что иное, как гитлеровцы, с ними нужно бороться не на жизнь, а на смерть.

Участники Народной гвардии выпускали в подполье газеты «Новости дня», «Партизан», «Борьба» на украинском, русском и польском языках. Они печатали листовки для населения о таких событиях, как разгром фашистских войск под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, сообщали народу правду о ходе боев за освобождение Правобережной Украины.

При помощи радиоприемников (а за хранение их угрожала смерть) комсомольцы Павло Якубович и Владимир Сергованцев поддерживали постоянную связь с Москвой, Варшавой и другими городами. Участники Народной гвардии подожгли во Львове фабрику «Ойкос», где изготовлялись части для гитлеровских самолетов. Боевая группа Петра Моравского сожгла фашистское имение неподалеку от Куликова и уничтожила в нем значительные запасы продовольствия, предназначенного для фашистской армии. Члены Народной гвардии были тесно связаны с партизанскими отрядами, действовавшими в Золочевском, Краснянском, Рава-Русском и в других районах Львовщины, снабжали партизан литературой и выводили их к отрядам советских солдат и офицеров, бежавших из плена и гитлеровских концлагерей.

Один из таких беглецов — уроженец Западной Украины, комсомолец Иван Дубас — стал вскоре активным участником львовского антифашистского подполья. Когда гестаповцы, наведенные украинскими националистами, пришли арестовать Ивана Дубаса, он застрелил трех гитлеровцев и благополучно

скрылся. В отместку фашисты подожгли его дом. Но месть гитлеровцев не остановила партизана. Он убивал гитлеровских офицеров, пускал под откос фашистские поезда, задерживал движение на магистралях, портил блокировку на железнодорожном узле Львов-главный.

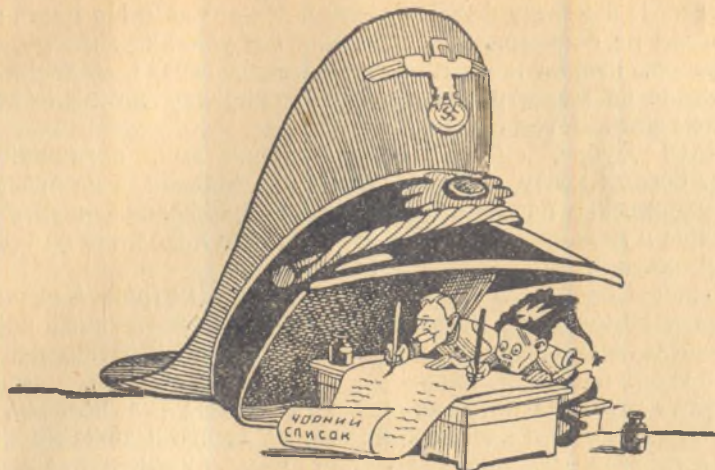
Иван Дубас, смелый борец с фашистами, погибший на своем боевом посту, останется в памяти галичан, а не презренные украинские националисты, всякие кубийовичи, шухевичи, бандеры и мельники, которые ползали в то лихолетье на брюхе перед оккупантами.

Герой Советского Союза полковник Дмитрий Медведев, который командовал во время Великой Отечественной войны разведывательным партизанским отрядом на Ровенщине, пишет в своих воспоминаниях:

«Хотя отряд насчитывал немногим более ста человек, но в действительности нас было не сто, не двести и даже не дивизия, а гораздо больше. Тем или иным путем, нападая или только сопротивляясь, саботируя немецкие мероприятия, помогая партизанам всюду, где только была к тому возможность, нанося оккупантам урон, все население от мала до велика боролось за свободу и независимость своей Родины, было с нами.

Если бы мы действовали только силами своего отряда, мы ничего не смогли бы сделать... Население являлось нашим верным помощником и защитником. На всех этапах борьбы оно было нашей прочной и надежной опорой в тылу врага».

ЗАГАДКА ВУЛЕЦКИХ ХОЛМОВ

Утром 5 октября 1943 года из ворот львовского гестапо выехал синий лимузин. В нем рядом с шофером сидел шеф тотенкомандо (команда смерти), или, как она называлась в официальных документах, зондеркомандо¹ 1005, унтерштурмфюрер СС Шерляк. Коллеги сторонились Шерляка, так как его одежда всегда отдавала трупным запахом. Синий лимузин, изредка протяжно завывая на перекрестках, промчался Лычаковской улицей и, выехав за черту города, скрылся в чаще Кривчицкого леса.

В этом лесу на полянке протяжением около полутора метров в бараке, обнесенном тремя высокими рядами колючей проволоки, жили свыше ста человек участников команды смерти, набранных из наиболее выносливых заключенных Яновского лагеря. Все они под угрозой пытки и смерти принуждены были заниматься страшным трудом.

Труд этот и все, даже самые незначительные подробности деятельности тотенкомандо, были окутаны непроницаемой тайной. Достаточно сказать, что охраняло команду, не считая шестерых возглавлявших ее немцев-нацистов, более ста поли-

¹ Зондеркоманды — специальные отряды полиции, СД и СС, которые занимались массовым уничтожением мирного населения.

дейских — «шупо». Таким образом, на каждого участника команды смерти приходился один охранник, следивший за каждым движением своего подопечного.

Зондеркомандо 1005 была организована во Львове по специальному приказу Гиммлера 6 июня 1943 года. К этому времени фашисты, предчувствуя свое поражение, начинают быстро уничтожать следы совершенных ими преступлений. Зондеркомандо 1005 должна была уничтожить все вещественные доказательства фашистских зверств на землях Западной Украины.

Личный состав команды был разделен на восемь групп, или колонн.

В первой группе, или так называемой зухколонне, состояли искатели трупов. Они определяли места захоронения, выкапывали трупы из могил, засыпали и заглаживали опустевшие ямы, а порой сажали на поверхности деревья и траву.

Вторая группа объединяла тягальщиков — шлеппетов. Шлеппеты вытягивали трупы из могил. Они орудовали длинными железными крючьями.

В третьей группе находились носильщики, или трегеры. Они на носилках переносили останки фашистских жертв от могилы к месту будущих костров или к машине.

Здесь трупы поджидала группа составителей. Они тщательно укладывали трупы в штабели формы точной трапеции. В каждой такой трапеции укладывалось от двух до трех тысяч трупов.

Пятая группа состояла из брандмейстера — поджигателя — и его помощников. Когда по приказу Шерляка для брандмейстера был сшит особый костюм: длинный, черный халат и шапочка с рожками, его стали называть тейфелем (дьяволом).

Шестая группа, или ашколонне (пепельная колонна), выполняла две различные функции. Одни собирали пепел на месте сгоревших костров и относили его в сторону, где уже сидели с решетками в руках другие ашколонновцы. Они высеивали из человеческого пепла золото. Несгоревшие кости, после того как золотые крупинки были выбраны, бросались в особую машину — костедробилку, и она перемалывала их в костяную крупу.

После этого седьмая группа, или штрайхколонна (сеятель), рассеивала костяную крупу и легкий серебристый пепел на соседних полях.

Восьмая группа значительную часть времени проводила в бараке. В нее входили люди, работавшие на кухне, и музыканты собственного оркестра команды смерти, которые по приказу Шерляка играли во время сожжения трупов. Среди

музыкантов был один заключенный — Манасевич, который однажды узнал в штабеле трупов свою собственную жену, убитую фашистами в Яновском лагере.

Услышав издали в это утро знакомый гудок машины Шерляка, полицейские, вооруженные гранатами и автоматами, широко открыли переплетенные колючей проволокой ворота. Осмотрев все свое хозяйство, Шерляк распорядился уложенный штабель трупов не поджигать, повременить до следующего утра, а сегодня на вечер подобрать двадцать самых крепких «фигур» для ночной работы. «Фигурами» гитлеровцы называли заключенных, состоящих в тотенкомандо. К полудню Шерляк уехал. Но точно в восемь вечера в команду прибыли три грузовые и одна легковая машина — синий лимузин, в котором сидел Шерляк. Грузовые машины (среди них была большая закрытая машина с холодильной установкой) за ограду охрана не пустила. Ближе всех к ограде остановилась закрытая автомашинка. В нее заключенные положили крючья, носилки, лопаты и грабли. Пересчитав все двадцать «фигур», полицейские наглухо закрыли их в этой же машине. Впереди, показывая дорогу, ехал синий лимузин. В нем, кроме Шерляка, сидел и его заместитель Раух и гестаповец Прайс. Машина-холодильник помчалась за лимузином, за ними — грузовик с охраной из сорока полицейских и в хвосте — машина с прожекторами.

Эта небольшая автоколонна из четырех машин проехала пустынными окраинными улицами в южный район Львова и остановилась на холмистой, незастроенной площадке, расположенной между Кадетской и Вулецкой улицами. Дальше проехать было нельзя, и «фигуры», вышедшие из холодильника, вынуждены были довольно далеко тащить на руках прожекторы и инструмент.

Полицейские, держа наперевес взведенные автоматы, не спускали глаз с заключенных и несколько раз их пересчитывали, пока те устанавливали прожекторы по углам длинной, вспаханной полоски земли на склонах пустынных Вулецких холмов, сбегających от Стрыйского парка к Вулецкой улице.

Шерляк подал команду шоферу; громче заурчал мотор, и четыре синеватых ослепительных глаза прожекторов осветили огород, повидимому совсем недавно освобожденный от кочанов капусты.

Люди из зухколонны, выстроившись прямоугольником десять метров длины, два — ширины, сразу же стали делать шихтпробу (разведку). Но лопаты, углубляясь, выбрасывали только землю, и лишь в одном месте были обнаружены кирпичи, должно быть остатки какого-то давно снесенного строения. Расхаживая вдоль огорода по узенькой тропинке, Шерляк

нервничал. Он не любил, когда искатели копались слишком долго, задерживая всех остальных. Он покрикивал на согнувшихся людей, не выпуская изо рта сигаретки, и после каждого его жесткого, властного окрика люди припадали к заступам и наваливались всеми телами на их рукоятки так, будто сами хотели уйти под землю.

Видя, что поиски безрезультатны, Шерляк подозвал одного из шарфюреров и тихо сказал ему несколько слов. Шарфюрер, получив приказание, помчался к лимузину начальника, сел в него и через минут пятнадцать привез к огороду высокого, худощавого офицера СС из управления гестапо. На мундире офицера блестел значок за ранение. В лавровом венке на этом овальном значке был изображен шлем с мечами. Судя по значку и по тому, что офицер прихрамывал, можно было заключить, что он побывал на фронте, а сейчас, после ранения, служил в тылу, каким в ту осень являлся Львов. Офицер поздоровался с Шерляком и, смеясь, сказал:

— Напрасная работа! Здесь бы вы рылись до страшного суда. Пойдемте за мной!

Прихрамывая, гестаповец свернул на узенькую тропинку, ведущую с огорода к Вулецкой. За ним двинулись остальные.

Пройдя шагов тридцать, высокий гестаповец показал искателям небольшую лощинку. Со стороны Стрыйского парка ее полностью скрывали склоны холмов. Она была открыта для обозрения только со стороны противоположной возвышенности, по которой во Львове проходит улица Котляревского.

Жители квартир, расположенных в верхних этажах домов по юго-западной стороне улицы Котляревского, окна которых были обращены в сторону Вульки, видели в тот пасмурный октябрьский вечер, как на Вулецких холмах в раню наступившей темноте вспыхнули четыре сильных прожектора. Из своих затемненных квартир люди наблюдали копошившихся при свете прожекторов в лощине искателей, шлеппетов, носильщиков и охранников, точно так же, как свыше двух лет назад, в одно июльское утро, разбуженные громкими залпами, следили за другим, еще более страшным событием.

Уже на глубине полуметра в глинистой почве лощины лопаты искателей наткнулись на первые трупы. Вскоре, когда верхний слой земли был снят, принялись за свое привычное дело шлеппеты.

Случайная прохожая, хотевшая было пройти по знакомой тропинке к себе домой на Гвардейскую улицу, была немедленно задержана полицейскими, и хотя ее положили лицом к земле на сухую траву за маленьким бугорком, она слышала глухие удары железных крючьев, которыми орудовали шлеппеты.

Земля в лощинке была глинистой и сухой. Поэтому трупы еще не подверглись полному разложению. Особенно хорошо сохранилась их одежда, по которой можно было определить, что убитые некогда принадлежали к интеллигенции. Большинство из них было в темных костюмах, которые обычно носят пожилые люди.

Всякие догадки и предположения по поводу того, кем были убитые, при каких условиях они были уничтожены, любой обмен мнений между заключенными на темы, не имеющие прямого отношения к их «производственной» работе, как фашисты называли их тягостное ремесло, были строго-настрого запрещены Шерляком, и уже не раз «фигуры», нарушавшие этот приказ, сами превращались в тех, кого они откапывали, или, пользуясь терминологией тотенкомандо, «шли на штабель».

Один из убитых был одет в странное одеяние. На нем был не то фрак, не то халат. Сперва шлеппеты приняли его за священнослужителя, но ошиблись. Ниже лежал как будто ксендз в длинной черной сутане, совершенно не похожей на непонятное одеяние мертвеца — довольно крупного и лысого мужчины. Только спустя несколько лет удалось установить, что странное одеяние было обычной, хотя и несколько старомодной визитной крылаткой. Эту крылатку впопыхах надел разбуженный ночью гестаповцами сеньор (старейшина) львовских медиков профессор Адам Соловий, предполагая, что его повезут к какому-либо высокопоставленному лицу из германского командования.

Из кармана пиджака одного убитого вывалились золотые часы. Один из шлеппетов вытер часы о траву и передал стоящему поблизости шарфюреру. Тот достал из кармана старую газету и завернул в нее находку, чтобы позже, как это предписывали правила, сдать ее Шерляку для отправки вместе с другими драгоценностями, найденными при убитых, в кладовые имперского банка.

В лощине близ Вулецкой было открыто в ту ночь тридцать шесть трупов, среди них трое женщин. После того как все трупы были вынуты из ямы и погружены на машины, несколько искателей прыгнули в яму и долго руками обшаривали ее дно — не остался ли там еще кусок тела либо одежды.

Когда яма была засыпана, а на разровненной граблями ее поверхности посеяны семена травы, сам Шерляк, спустившись с холмика на место работы, осмотрел пристально всю землю вокруг, не осталось ли там какого-нибудь предмета.

Около часу ночи все «фигуры» вместе с охраной возвратились в Кривчицкий лес. Нагруженная трупами машина въехала за ограду и простояла со своей поклажей до рассвета.

После побудки в восемь утра трегеры стали освобождать кузов машины от трупов и подтаскивать их к огромному штабелю.

И вот только здесь, в первые часы нового наступающего дня, были названы шопотом фамилии трех известных всему Львову людей, судьба которых, окутанная загадочностью, вот уже свыше двух лет рождала множество самых противоречивых слухов.

При выгрузке трупов с машины выпали из карманов убитых документы на имя профессора математики Владимира Стожека и профессора-хирурга Тадеуша Островского. Заключенные украдкой прочитали эти фамилии и шопотом передавали их друг другу. Время для этого было. Как только брандмейстер поджег облитый маслом и бензином штабель, для всех остальных участников зондеркомандо 1005 наступила, как они ее называли, английская суббота — уикенд.

Они отдыхали, если можно только назвать отдыхом ничего-неделание в виду страшного зрелища.

Чем сильнее полыхало пламя, чем выше поднимались его косматые языки, тем все чаще и чаще из ровно уложенных рядов трупов выскакивали то руки, то ноги.

Вечером, когда штабель пылал всюю, в барак к заключенным вошел полицейский СД из тех, что вчера охраняли раскопки, и дал одному заключенному, в прошлом часовщику, поправить две подобранные им возле ямы автоматические ручки. Обе они были известной фирмы «Ваттерман». На одной из ручек тянулась надпись: «Витольд Новицкий». Другая ручка была с золотым ободком около полусантиметра ширины, насаженным около обычного зажима. И на этой ручке была надпись: «Д-р Тадеуш Островский».

Возможно, никто в мире и до сегодняшнего дня так ничего и не узнал об этих находках, если бы 19 ноября 1943 года группа заключенных после тайного сговора не напала бы внезапно на охрану тотенкомандо. Двое полицейских были убиты наповал, несколько ранено. Четыре человека из нападавших, оставшиеся в живых, прорвались в соседний лес, где впоследствии соединились с партизанами. Один из этих счастливых, самый молодой шлеппет (осенью 1943 года ему было всего 17 лет), рассказал нам о могиле на Вульке и о том, кто был зарыт гитлеровцами в ней. Он привел нас на место раскопок и показал расположение могилы, след которой весной 1945 года узнавался отлично на не успевшей еще порости травой почве, недавно освободившейся из-под снега.

Спустя несколько дней мы пришли на это место вторично. На этот раз нас сопровождал молодой врач Томаш Цешинский, сын профессора Антония Цешинского, зарытого в этой

могиле. Пока юноша, потрясенный воспоминаниями, молча смотрел на очертания могилы, в которую падал и его отец, один из нас присел на бугорок и, нащупывая пальцами колючую прошлогоднюю траву, ощутил под ладонью твердый предмет правильных размеров. То была маленькая стреляная немецкая гильза с медным, позеленевшим капсюльком и отверстием, затянутым паутиной. Это был несомненный след произведенного здесь когда-то выстрела.

Пользуясь тем, что наш спутник, подавленный воспоминаниями, нахлынувшими на него с новой силой, погрузился в глубокое раздумье, мы стали обшаривать склон бугорка, спускавшийся к могиле. За каких-нибудь полчаса на площади в четыре квадратных метра мы нашли еще семь таких же гильз. Позже эксперт, осмотрев все эти восемь гильз, по ударам бойков, разбивших их капсюли, определил, что они были выстрелены из трех разных автоматов. Кроме того, по следам земли, по позеленению металла эксперт определил, что гильзы эти пролежали на земле около четырех лет.

Трудно предположить, чтобы на такой маленькой площади, как четыре квадратных метра, могли расположиться три стрелка. Тем более, что они были бы незащищенными от противника. Таким образом, и по расположению гильз и по всем уже сказанным выше доводам можно было с полным основанием предположить, что патроны были расстреляны людьми, стоявшими в сомкнутом строю, почти локоть к локтю, и ведшими огонь по одной цели.

Такой целью могла быть группа смертников, стоявшая чуть-чуть пониже, на краю могилы. Стрелявшие вели огонь сверху, почти в упор, стоя спинами к возвышенности, по которой тянется улица Котляревского.

Находка на склоне бугорка — восемь маленьких гильз — подтверждала рассказ участника тотенкомандо. В тот же день, собирая во Львовском медицинском институте материал об убитых оккупантами профессорах-медиках, мы разыскали пожилую лаборантку, много лет работавшую под руководством доктора медицины Витольда Новицкого.

Лаборантка рассказала, что профессор В. Новицкий был увезен гитлеровцами на смерть вместе со своим сыном, бывшим майором польской армии.

На вопрос, обращенный к лаборантке, не помнит ли она, какая была автоматическая ручка у ее профессора, лаборантка ответила:

— Как же не помню, — ведь я сама ее покупала ко дню рождения профессора. Мы, сотрудники клиники, сложились, чтобы приобрести для нашего профессора какой-нибудь подарок. Решили — автоматическую ручку, но самой лучшей фир-

мы. Я купила ручку фирмы «Ваттерман», а потом гравер выгравировал на ней фамилию и имя профессора.

Таким образом, еще одно подтверждение рассказа участника команды смерти совпало с доказательствами, полученными от других лиц.

* * *

30 июня 1941 года фашисты полностью захватили Львов. Пока передовые части захватчиков прорывались дальше, в городе расположились их армейские тылы, в том числе и чины Гегайме фельдполицай и приданных частей СД¹. Как это следует из гитлеровских документов, в задачу таких карательных органов, следующих вместе с передовыми частями, входило следующее: «Вблизи фронта действуют отделы СД, связанные не с местом постоянного расположения, а с какой-нибудь действующей армией. Они продвигаются непосредственно за фронтом, приезжают в города через 2—3 дня после их захвата... Их действия не нуждаются в протоколах следствия, о деле остается лишь один коротенький отчет, и в зависимости от обстоятельств применяется практически лишь одна мера — смерть либо освобождение. Критерием при этом служит: может ли данный человек быть опасным для немцев или нет. Приговор выносит командир такой группы СД».

Немецкие офицеры в форме СС с изображением черепов на черных околышах заняли под свои отделы несколько зданий в южной, нагорной части Львова между Кадетской и Вулецкой улицами. Одно из этих зданий, высокий светложелтый дом с колоннами, стоящий в палисаднике за решетчатой оградой, назывался Бурсой Абрагамовичей по имени богатого жертвователя, выстроившего бурсу.

Разместившись в здании Бурсы Абрагамовичей, чины СД принялись распаковывать дела, в том числе и папки с агентурными данными, поступившими от преступнейшей банды выродков из ОУН.

Фашисты быстро подготовились к серьезной плановой операции, которая была заранее разработана в деталях. Этой операцией было приведение в действие черного списка, составленного ОУН незадолго до начала второй мировой войны на выдающихся представителей львовской интеллигенции. Украинские националисты, подготавливая этот список, следовали бесчеловечным инструкциям своего руководства.

Черный список был передан летом 1940 года Мельником

¹ Гегайме фельдполицай — ГФП — тайная полевая полиция. СД — служба безопасности при рейхсфюрере СС. Широко разветвленная шпионско-террористическая организация немецкого фашизма.

и Бандерой руководителям фельдгестапо в Кракове. Он состоял из фамилий, персональных данных и адресов выдающихся львовских ученых.

3 июля 1941 года черный список ОУН после соответствующей разработки был роздан в Бурсе Абрагамовичей офицерам и младшим чинам фельдгестапо, которым надлежало провести ночную операцию.

С наступлением темноты шоферы стали готовить машины. Группе солдат было приказано подыскать подходящее место для совершения операции и подготовить его надлежащим образом. Солдаты отправились на розыски и вскоре нашли такое, вполне подходящее, место с их точки зрения. Это была укромная лощинка в каких-нибудь 300 метрах от Бурсы Абрагамовичей, запрятанная в изгибах холмов. Преимущество у этой лощинки было много. Находясь неподалеку от Бурсы Абрагамовичей, она в то же время была совершенно закрыта грядой Вулецких холмов и от этого здания и от соседних с ним домов. Гряда холмов была тем естественным прикрытием, которое могло бы перехватывать все пули.

Ближе к полуночи одна за другой машины со стрелками-молниями на бортах — знаками СС — выехали из ворот Бурсы Абрагамовичей. По странному совпадению обстоятельств, ученые и научные работники Львова, внесенные в первый черный список, реализация которого началась ночью 3 июля, в основном жили в трех районах города: на улице Котляревского жили профессора расположенного поблизости Политехнического института, на улице Богуславского — профессора Антоний Цешинский и Станислав Пилят и по улице Романовича — медики. Проживание лиц, внесенных в черный список ОУН, по соседству друг с другом облегчало гестапо молниеносность «операции».

Оперативные группы гестаповцев стали врываться в квартиры ученых.

Одна из машин со стрелками СС остановилась возле украшенного узором из разноцветных кирпичей особняка на улице Богуславского. Гестаповцы поднялись на второй этаж, к нужной им квартире 4. После того как ее обитатели были разбужены ударами в дверь и надрывным звуком звонка, все остальное происходило так:

— Вы профессор Цешинский?

-- Да.

— Где ваш кабинет?

Когда ночные пришельцы зашли в кабинет профессора, его сын, студент медицинского института, забежал туда из спальни. Два фашиста в форме гестапо навели на него пистолеты.

— Говоришь по-немецки? — крикнул один из офицеров молодому Цешинскому.

Тот ответил утвердительно.

— Садись вот в это кресло, напротив меня, и не двигайся. Двинешься — застрелю отца. Понятно? — С этими словами он прижал дуло револьвера к груди старика Цешинского и приказал ему: — Одеваться!

— Вы меня арестовываете? — спросил профессор.

— Узнаете на месте. Быстрее. Ну!

— У вас есть письменное распоряжение об аресте или вашим единственным документом является оружие? — спросила жена профессора.

— Вполне достаточно и моего мундира! — с бахвальством ответил гестаповец. — Взять документы!

— Я должен захватить с собою и научные дипломы?

— Обязательно.

— С какой целью вы забираете моего мужа?

— Узнаете на месте, — ответил фашист и, обращаясь к профессору, спросил с интонацией уже менее официальной: — Почему вы так хорошо говорите по-немецки? Вы — немец?

— Нет, поляк. Я изучал медицину в Мюнхене, там защитил докторскую степень, поэтому говорю по-немецки.

Офицер обратил внимание на библиотечный шкаф. Он подошел к нему и, указывая на одну из полок, заставленную книгами, спросил:

— Что это за книги?

— Мои труды.

Гитлеровец выдернул наугад одну из книг и спросил:

— А что это за книга?

— Мой учебник рентгенологии на немецком языке. По нему обучаются все стоматологи в Германии и в других странах.

Ответ этот не произвел особого впечатления на офицера. Он подошел к столу и стал перебрасывать фотографии и страницы последнего труда профессора Антония Цешинского.

— Я могу пойти в ванную комнату? — спросил профессор.

— Нельзя.

Профессор надел пиджак. Жена протянула ему носовой платок и пару запасных носков. Фашист отвел в сторону ее руку, сказав:

— Это ему не понадобится!

Розалия Цешинская протянула мужу флакончик с лекарством.

— Что это? — спросил офицер.

— Лекарство дигиталис. Мой муж сердечный больной и всегда употребляет это лекарство.

Фашист взял флакончик, повертел его в руках, понюхал и, отложив на стол, сказал:

— Это ему не понадобится. Поторапливайтесь, возьмите все документы и вашу медаль!

В своем лечебном кабинете профессор достал документы и диплом вместе с медалью Миллера, о которой напомнил немец. (Следует заметить, что в этой большой медали было около 250 граммов чистого золота.) Медаль Миллера была присуждена профессору Цешинскому в 1936 году за выдающиеся заслуги в области стоматологии от имени 52 государств и в их числе от имени СССР. Гестаповец взвесил медаль на ладони и, спрятав ее в футляр, сунул в карман.

— Радио есть? — как бы маскируя это свое движение, спросил он быстро.

— По приказу ваших властей я сдал его немедленно, — объяснил профессор.

— Не обманываете?

— Могу вам дать честное слово.

— Вы не немец, чтобы могли давать честное слово.

Профессор Цешинский вздрогнул и хотел ответить на это, как и следовало, но жена удержала его. Он молча надел макинтош, взял шляпу, попрощался с семьей.

— Идите! — прикрикнул на профессора гестаповец, не сводя с него револьвера.

Спустя два-три часа, когда уже стало светать, жена профессора Розалия Цешинская и его сын Томаш Цешинский в серых сумерках наступившего утра услышали несколько громких автоматных очередей, прозвучавших метрах в пятистах, на Вулецких холмах. Семья профессора Цешинского в то утро еще не знала, что означают эти залпы...

В ту же самую ночь группа гитлеровцев со взведенными пистолетами в руках ворвалась в квартиру профессора-педиатра Францишека Гроера, который жил в доме № 8 на улице Романовича. Очутившись в передней, гитлеровцы, угрожая Гроеру револьверами, скомандовали «руки вверх!» и только после этого выяснили его личность.

Дальше мы воспроизводим документальный рассказ члена-корреспондента Академии наук возрожденной Польши, профессора Гроера, работающего сейчас в Медицинском институте города Вроцлава, написанный им собственноручно по нашей просьбе о виденном и пережитом в ту страшную ночь.

«Офицер приказал тогда меня обыскать. Его приказание выполнили два унтер-офицера. Ничего, кроме бумажника с деньгами, они не нашли. Тогда мне приказали опустить руки. Вместе со мной весь патруль вошел в единственную освещенную комнату — в столовую. Офицер сел за стол и стал про-

смаатривать написанные мною письма. Завязался разговор — сначала грубый и громкий со стороны фашистов. На вопрос, что я делал во время советской власти, я ответил: «Спасал детей» (в 1939—1941 годах я работал во Львове в органах советского здравоохранения как профессор-педиатр). После беглых вопросов начался обыск. На моем письменном столе были найдены документы, между прочим, мой докторский диплом Бреславского университета. Гестаповцы увидели тогда, что я кончил университет в Германии, а затем был ассистентом и доцентом в Вене до 1919 года. Это объяснило офицеру, почему я в совершенстве владею немецким языком. Мою жену спросили, где ее драгоценности. Она показала все, что у нее было, но это, видимо, не удовлетворило их. Дальнейший обыск не дал гитлеровцам ничего интересного, если не считать 300—400 граммов трубочного табаку, который они захватили с собой. Кроме табака, они забрали визитные карточки наших посетителей. Эти карточки хранились на особой тарелке-подносе в передней и собирались на протяжении почти 20 лет... Я попрощался с рыдающими женщинами и вышел под охраной на улицу. Тут в полной темноте стояла груженная уже машина, около которой толпились гестаповцы. Было два-три штатских агента. Меня посадили в автомашину вместе с профессором терапии Яном Греком. Он жил в доме № 7, напротив моей квартиры. Рядом также посадили члена Союза советских писателей профессора филологии Тадеуша Бой-Желенского, которого забрали на квартире у профессора Яна Грека. Было около часу ночи. Нас повезли. Сначала было трудно определить куда, так как грузовик сверху был покрыт, кажется, брезентом.

...Наконец машина остановилась во дворе какого-то дома у подъезда. Лишь на следующий день я узнал, что это было здание воспитательного дома, или так называемая Бурса Абрагамовичей. Машину разгрузили, и нас повели в коридор по невысокой лестнице. В коридоре уже стояло от 15 до 20 человек с опущенными головами. Фашисты, грубо подталкивая нас прикладами винтовок, приказали стать в ряд, лицом к стене. Коридор и двор были заполнены вооруженными гестаповцами. Я заметил среди них два-три лица в штатском. Они показались мне не то агентами, не то переводчиками, так как говорили по-украински и по-польски. Вскоре к нам привезли новую партию арестованных. Я узнал среди них известного львовского хирурга, профессора Тадеуша Островского. Лица остальных пленников мне было разобрать трудно, так как все они стояли с опущенными головами, а к тому же в коридоре было довольно темно. Если же кто-нибудь из захваченных людей шевелился, подымал голову, его били прикладом, по его адресу сыпа-

лась отборнейшая ругань. Число пленников все возрастало. Слышно было, как подъезжают новые машины.

Вскоре нас, захваченных, стало 36—40 человек. Мы стояли, опустив головы; слышно было, как пробегают по коридору и по лестницам чины гестапо. Раскрывались и захлопывались двери. Кто-то пробежал вниз, в подвал. Почти каждый гестаповец, поравнявшись с нами, либо дергал нас за волосы, либо бил прикладом. Одновременно из подвалов Бурсы Абрамовичей доносились крики, ругань гестаповцев, выстрелы. Охранявшие нас солдаты гестапо при каждом тихом выстреле, видимо желая еще больше поиздеваться над нами, громко приговаривали: «Одним меньше». Вскоре они начали громко вызывать пленников по фамилиям. Я услышал ясно фамилию профессора Островского. Вызываемых уводили, как мне казалось, на допрос. Наконец я услышал свою фамилию. Я вышел из рядов и повернулся лицом к коридору, к которому до сих пор я был обращен спиной. Меня ввели в комнату, имеющую вид канцелярии. Она была хорошо освещена. За столом сидел тот самый офицер, который меня арестовал, а возле него стоял очень высокий и крепко сложенный офицер СС со зверским, вспухшим лицом, как мне показалось, не совсем трезвый и похожий на начальника.

Он сразу же подскочил ко мне и, угрожая кулаками, заорал хриплым голосом:

— Собака проклятая, ты немец, а изменил своему отечеству и служил большевикам! Я убью тебя за это здесь же, на месте!

Я отвечал сразу очень спокойно, но затем, видя, что меня не слушают, — громче, что я совсем не немец, а поляк, несмотря на то, что я окончил немецкий университет, был доцентом в Вене и говорю по-немецки. Оба фашиста о чем-то перешептались, и начальник, спросив его, сколько у меня детей, сказал:

— Я увижу, что можно будет сделать для вас. Я поговорю со своим начальником.

С этими словами он быстро вышел из комнаты. Я остался в обществе офицера, который арестовал меня. Офицер сказал мне:

— У него нет никакого начальника. Он сам начальник, и все от него зависит.

Не успел он это сказать, как в комнату опять вошел высокий офицер с опухшим лицом и сказал мне:

— Идите в коридор и ждите. Быть может, мне удастся что-нибудь для вас сделать.

Он вывел меня в коридор, в котором уже стояли старик-терапевт Роман Ренцкий и профессор гинекологии Адам Соло-

вий, старик, уже вышедший на пенсию. Ему было больше 80 лет. Я простоял в этом коридоре около получаса. Наконец опять явился начальник. Он сказал мне:

— Вы свободны. Идите во двор, расхаживайте там, не производя впечатления арестованного. Домой пойдете после 6 утра (с 9 часов вечера до 6 утра во Львове, оккупированном гитлеровцами, нельзя было ходить без особого на то разрешения; это время называлось полицейский час).

...Я вышел во двор, оставив Ренцко и Соловия в коридоре, и, закулив папиросу, стал расхаживать по двору. Двор охраняли гестаповцы с винтовками. Начинало светать. Вдруг я увидел трех молодых офицеров гестапо, которые быстрым шагом направились к зданию, из которого я вышел во двор. Один из них, ударив с размаху меня кулаком в лицо, закричал:

— Как ты смеешь расхаживать здесь, да еще держа руки в карманах?

— Мне приказано не производить впечатления арестованного, — ответил я.

Они оставили меня в покое и прошли в здание.

Я расхаживал дальше по двору, выкуривая одну папироску за другой. Было уже почти совсем светло. В это время из здания вывели 5—6 женщин. Оказалось, что это прислуга профессоров Островского и Грека, арестованная вместе с их женами и гостями. Они так же, как и я, были освобождены и стояли небольшой группой во дворе.

Спустя несколько минут гестаповцы вывели из здания группу профессоров, человек 10—15. Четверо из них, охраняемые плотным конвоем, несли окровавленный труп убитого человека. Позже от прислуги профессора Островского я узнал, что убитый был молодым Руффом — сыном известного хирурга Руффа. Семья Руффов — пожилой отец-хирург, его жена и молодой сын жили все вместе на квартире у профессора Островского и были вывезены оттуда гестаповцами вместе с гостями и с женой Комарницким в ту же ночь. Молодого Руффа фашисты убили на допросе, когда с ним случился эпилептический припадок. Я узнал людей, которые несли труп молодого Руффа. Вне всякого сомнения, это были профессора: заведующий кафедрой патологической анатомии Медицинского института Витольд Новицкий, профессор Политехнического института Владимир Круковский — известнейший специалист по нефти — и руководитель кафедры технологии нефти Политехнического института Станислав Пилят и еще кто-то четвертый, кажется, профессор математики Владимир Стожек.

Эту группу вывели через двор, за то здание, в котором мы сперва находились... Когда они уже исчезли из виду, я увидел, как гестаповцы принудили жену профессора Островского Ядви-

гу и мать молодого Руффа смывать кровь с лестницы, по которой проносили кровоточащий труп ее сына.

Прошло еще около получаса. Вдруг оттуда, куда увели профессоров, несших труп молодого Руффа, я услышал несколько автоматных очередей. На дворе стало уже ясно. Рассветло. Через некоторое время из бурсы опять вывели группу профессоров, человек 15—20, не больше. Их всех поставили лицом к стене. Среди них я узнал профессора гинекологии Станислава Мончевского. Вслед за этой группой вышел и начальник с опухшим лицом, который меня допрашивал. Он сказал нарочито громко часовым, кивая на арестованных: «А эти пойдут в тюрьму». У меня создалось впечатление, что слова эти были сказаны исключительно для моего сведения. Подойдя к группе прислуги, начальник спросил:

— Здесь что, все прислуга?

— Нет, я учительница, — сказала одна из женщин, задержанная у кого-то из профессоров, и сделала шаг вперед.

— Учительница? Тогда марш под стенку! — крикнул офицер и присоединил ее к стоящим лицом к стене профессорам. Он стал расхаживать по двору и напевать какие-то песенки. Взяв у одного из часовых винтовку, он принялся стрелять в ворон, которые в большом количестве кружились над нами. Так как уже приближалось окончание полицейского часа, он отпустил сперва прислугу, потом меня.

Когда я уходил, профессора еще стояли спиной ко двору с поднятыми руками.

...В то же самое утро, только немного попозже, идя из дому в клинику, я встретил возле дома № 5 по улице Романовича, в котором жил профессор Тадеуш Островский, одного из унтер-офицеров, которые производили у меня обыск. Он направлялся на квартиру профессора Островского. Оказывается, ее гестаповцы уже грабили с раннего утра. Я тогда еще не вполне отдавал себе отчет в том, что мои коллеги убиты. Унтер-офицер гестапо остановил меня и сказал смеясь:

— Вам очень посчастливилось!

Когда я пришел к себе в педиатрическую клинику, я узнал, что, кроме виденных мною во дворе и в здании Бурсы Абрагамовичей знакомых профессоров, фашисты в эту же ночь арестовали профессора педиатрии Станислава Прогульского — моего первого ассистента, вместе с его сыном Андреем. Был арестован стоматолог мировой известности профессор Антоний Цешинский, профессор-хирург Добржанецкий, профессор судебной медицины Владимир Серадский, офтальмолог доцент Юрий Гжендельский. Кроме того, я узнал, что профессора Витольда Новицкого фашисты забрали вместе с его сыном Юрием.

Несколько дней спустя ко мне на квартиру зашли два унтер-офицера из тех, что арестовали меня... Они сказали, что пришли в гости и для того, чтобы спросить, не смогу ли я им «продать» фотоаппарат или ковры. При этом посещении я узнал их фамилии. Одного звали Гаке, другого Келлер. На протяжении 2—3 месяцев они неоднократно заходили ко мне с подобной целью. Однажды я осмелился спросить Келлера, что случилось с остальными профессорами? Он только махнул рукой и сказал:

— Их всех расстреляли в ту же ночь».

Таков рассказ очевидца событий той страшной ночи, происходивших в Бурсе Абрагамовичей, расположенной, как мы уже сказали, в 300 метрах от могилы на Вульке, разрытой и опорожненной участниками зондеркомандо 1005.

...Этой памятной ночью в квартире профессора и доктора микробиологии, заведующего кафедрой медицинского института Наполеона Гонсиоровского, услышав громкий стук в дверь, гитлеровцам открыла жена профессора, вся в трауре. Она еще не ложилась спать, и на ее опухших от пережитого несчастья глазах блестели слезы. Ни пистолеты гестаповцев, направленные в ее сторону, ни грубые их выкрики не произвели на жену профессора такого ошеломляющего впечатления, какое они производили на обитателей других квартир, где побывали фашисты. Только когда ее спросили грубо: «Где здесь профессор Наполеон Гонсиоровский?» — этот вопрос поразил ее в самое сердце, он прозвучал для нее страшной издевкой. Но лица гестаповцев, мрачные и озлобленные в своей тупой деловитости, требовали ответа. Сдерживая нахлынувшие рыдания, женщина сказала:

— Он уже не живет.

Профессор Наполеон Гонсиоровский и в самом деле умер в дни бомбежки Львова, после нескольких сердечных припадков. Его похоронили за день до ночного визита гестаповцев. По обстоятельствам военного времени похороны были весьма малолюдны, но ближайшие коллеги профессора, в том числе и те, что в минуты ночного визита стояли с поднятыми руками в полутемном коридоре Бурсы Абрагамовичей, пришли отдать последний долг покойному в часовню при медицинском институте, откуда гроб был перенесен на Лычковское кладбище.

Ни слезы на глазах вдовы профессора, ни его портрет на стене, обтянутый траурным крепом не произвели никакого впечатления на гестаповцев.

Держа в руках черный список ОУН, они не поверили смерти Гонсиоровского, так как документы на умершего

по обстоятельствам военного времени еще не были оформлены.

Гестаповцы перестали допытываться у родных покойного, где профессор, только лишь съездив вместе с ними на Лычаковское кладбище.

Там, над свежей могилой, значилась фамилия человека, которого они должны были арестовать и расстрелять.

Неудача постигла группу гестаповцев и в квартире руководителя глазной клиники медицинского института профессора Адама Беднарского.

Когда вдова сказала офицеру, что профессор Беднарский умер естественной смертью еще в 1940 году, разъяренный офицер, потрясая оуновским списком, закричал:

— Этого не может быть. Наши союзники сообщили, что он живет!

Свидетельство о смерти, предъявленное женой, немного утихомирило офицера, но видно было, что он стремился во что бы то ни стало выполнить заданную ему начальством норму захвата намеченных к уничтожению видных интеллигентов. Офицер знал, что его начальство привыкло верить в смерть только в том случае, если она принесена самим гестапо.

— А кто заместитель профессора Беднарского? — спросил офицер оглядываясь.

— Его первый ассистент доцент Юрий Гжендельский, — ничего еще не подозревая, опрометчиво ответила вдова профессора.

— Адрес? Где живет Гжендельский? — выкрикнул офицер.

Через несколько минут машина со стрелками СС на борту, скрипнув тормозами, остановилась перед домом № 19 на улице Миколая. Гитлеровцы захватили в этом доме молодого талантливого ученого доцента-окулиста Юрия Гжендельского.

Он был грубо разлучен со своей рыдающей женой — врачом по детским болезням, отвезен в Бурсу Абрагамовичей и после беглого обыска также поставлен лицом к стенке.

Выкрики: «У нас есть сведения, что они живут!» — услышали в эту ночь и семья профессора дерматологии Романа Лещинского, и вдова директора библиотеки Академии наук Украины, так называемой «Оссолинеум», доктора Людвига Бернадского, и соседи профессора Адама Герстмана.

Все эти ученые умерли естественной смертью в период между сентябрем 1939 года и захватом Львова гитлеровцами, то есть до 30 июня 1941 года. Это означало, что гитлеровская агентура не успела уточнить составленные ею страшные списки смерти.

На улице Котляревского во Львове проживала семья профессора математики Политехнического института Антония Ломницкого.

И он, занесенный в черный список украинскими националистами, повидимому лишь только потому, что по его учебникам математики учились десятки тысяч юношей, был таким же зверским образом оторван от своей семьи в ту страшную ночь.

И ему фашисты цинично говорили, когда он хотел взять с собой осеннее пальто:

— Это вам не понадобится.

Ошеломленная всем происходившим, жена профессора Мария Ломницкая никак не могла заснуть в ту ночь. Она до рассвета ходила по опустевшей квартире, томимая страшным предчувствием, рассматривала фотографии мужа, висевшие на стенах, а потом, когда первые признаки рассвета стали просачиваться в комнату сквозь синие маскировочные шторы, подняла их и открыла окно, обращенное в сторону Вулецких холмов.

Поросшие густой зеленой травой, они все ярче и ярче проступали в своих очертаниях при свете наступающего утра. Когда стало уже совсем светло, Мария Ломницкая увидела группу людей в темных костюмах, спускающуюся по узкой тропинке к лощине, в которой была вырыта свежая глинистая яма. Один из идущих вниз по тропинке от Бурсы Абрагамовичей к Вулецкой был одет в черную сутану. Позже выяснилось, что это был ксендз Комарницкий, гость профессора Т. Островского.

Группу штатских со всех сторон окружали гестаповцы с автоматами в руках. Гестаповцы завели их в лощину и расположили на краю ямы, велев обернуться лицом по направлению к Бурсе Абрагамовичей, скрытой от них грядой холмов. Только когда первый залп из автоматов потряс воздух и потом быстрые автоматные очереди стали рвать тишину раннего утра, Мария Ломницкая, видя, как падают в яму люди в штатских костюмах, поняла, что происходит на ее глазах.

Подавленная окончательно внезапным арестом мужа, криками гестаповцев и, наконец, ужасным зрелищем, увиденным сейчас, она не в состоянии была отойти от окна. Находясь в странном оцепенении, она видела также, как фашисты привели новую партию арестованных и повторили то же, что сделали с первой группой...

— ...Конечно, в ту ночь я еще не могла предположить, что наблюдаю расстрел собственного мужа, — сказала летом 1945 года авторам настоящей книги старший библиотекарь Львовского политехнического института Мария Ломницкая.

Кроме ученых, опознанных Гроером, в ту же ночь машины СД привезли в Бурсу Абрагамовичей профессора-хирурга Генрика Гиляровича, профессора судебной медицины Владимира Серадзского и других. Не было такой отрасли медицины, которая не была бы представлена в ту ночь в подвалах бursы среди людей, стоявших с поднятыми кверху руками.

Аресты в ту памятную ночь вырвали из научного мира Львова и видных представителей технической интеллигенции города. Среди них, кроме названных раньше ученых, были приведены на расстрел профессор Роман Виткевич — специалист по газовым турбинам, руководитель кафедры Политехнического института профессор и доктор Каспар Вайгель, доктор технических наук Казимир Ветуляни. Был зверски расстрелян со своей семьей профессор права Роман Лонгшам де Берье. В лошаине близ Вулецкой вместе с другими учеными был убит переводчик, писатель и обличитель нравов буржуазной Польши, профессор и академик Т. Бой-Желенский, написавший в общей сложности свыше 900 литературных трудов. В свое время он бежал из Кракова во Львов под защиту Красной Армии.

Выдающийся украинский писатель Ярослав Галан в своих воспоминаниях о писателе-революционере Александре Гаврилюке так характеризует Бой-Желенского:

«Припоминаю собрание, на котором рассматривались заявления писателей о приеме в члены профсоюза. Кого председатель собрания называл по фамилии, тот вставал и рассказывал о своем политическом и творческом прошлом. Как всегда в таких случаях, председательствовал Гаврилюк. Подошла очередь профессора Львовского университета высокоталантливого польского писателя и переводчика французских классиков Тадеуша Бой-Желенского, кстати сказать, одного из самых скромных среди писателей тогдашнего Львова. Знакомый уже с практикой таких собраний, Бой-Желенский встал. В то же мгновение поднялся и Гаврилюк:

— Прошу вас, сидите, товарищ профессор. Это мы должны встать, когда речь идет о вас.

Все поднялись. Минута напряженного молчания, и вдруг буря аплодисментов. Бой-Желенский был принят в члены профсоюза».

Спустя год пули варваров в эсесовских мундирах оборвали жизнь этого видного славянского ученого, который сейчас мог бы принести столько пользы возрожденной Польше!

Мы описали все эти подробности потому, что люди, повинные в смерти львовской интеллигенции, на свободе и находятся в Западной Германии под покровительством американских оккупационных властей.

Осенью 1944 года, когда Советская Армия, продолжая свой великий освободительный поход, вышла на берега Вислы, американские летчики, пользуясь любезно предоставленной им возможностью заправлять бензином свои «Летающие крепости» на одном из аэродромов Украины, совершали так называемые челночные операции, летая от Сицилии до Украины и обратно. Теперь мы уже хорошо знаем, что они, следуя приказу своего командования, с удивительным милосердием щадили заводы Круппа, «И. Г. Фарбениндустри», Стального треста и прочих предприятий гитлеровской Германии, в которые столько миллионов долларов вложили дельцы Уолл-стрита, и в свою очередь, с непонятным тогда еще многим из нас ожесточением бомбили заводы и жилые кварталы мирных городов и, в частности, Брно, Моравскую Оставу, Прагу. Но, помимо этого, участники челночных операций оказывали кое-какие услуги американской разведывательной службе Си-Ай-Си, которая через своих резидентов в Германии завербовала адмирала Канариса, генерала Лахузена, Гизевиуса и прочих видных руководителей гестапо и абвера.

В то время в органах немецкого шпионажа уже шла лихорадочная передача американской разведке списков тайной агентуры Германии в странах Восточной Европы, в Советском Союзе, в том числе и в Западной Украине, а среди этой агентуры — и украинских националистов.

Один из таких агентов и был выброшен над пограничным районом Львовщины на американском парашюте с «Летающей крепости», которая якобы по атмосферным условиям несколько сбилась с заданного ей курса. Агент был послан американской разведкой для установления связи с бандой ОУН, которая в то время занималась грабежами и убийствами на польской стороне в лесах Прибужья.

Советские чекисты-пограничники, обезвредившие агента, были весьма удивлены, обнаружив при нем не только запас сигарет «честерфильд», но и два новейших американских пистолета системы кольт.

Отправляясь в дальнюю дорогу на «Летающей крепости», перевербованный американский бандеровец захватил с собой и пропагандистские материалы, в том числе составленную украинскими националистами, по указанию германской разведки, еще в преддверии нападения на СССР, инструкцию под названием «Борьба и деятельность ОУН во время войны», которую мы цитировали выше.

Когда мы прочитали эту составленную под немецкую диктовку обширную инструкцию о составлении черных списков ОУН, отпечатанную на немецкой папиросной бумаге, параграфы 1 и 2 раздела «Службы безопасности» точно указали нам,

кто именно первый натолкнул гитлеровцев на мысль об убийстве большой группы ученых Львова.

...Так действовали оуновцы тринадцать лет тому назад, когда они были главным образом агентами гитлеровской Германии. Так направили они под фашистские пули группу славянских ученых древнего Львова.

Когда летом 1945 года окончательно выяснились все обстоятельства убийства ученых Львова и последующего сожжения их трупов и стало понятно, кто именно был наводчиком этого убийства, виднейшие ученые и научные работники Львова обратились с письмом к ученым всего мира. Это письмо заканчивалось словами:

«Мы пережили страшное время. В этом страшном времени есть дни и ночи, которые никогда не забудутся. Такой была для научных работников Львова ночь с 3 на 4 июля 1941 года.

Чтобы никогда не повторилась больше такая ночь, чтобы никогда больше выродки человечества в облики фашизма не смогли безнаказанно уничтожать лучшее достояние человеческой мысли, прогресса, цивилизации, в эти счастливые дни завоеванного всем культурным человечеством мира и в преддверии долгожданного суда над гитлеровцами, — мы считаем своим долгом напомнить всему научному миру о днях, которые мы пережили.

Пусть эти страшные подробности встретят сочувствие тех, кому дорого счастливое будущее человечества, и послужат грозным обвинением врагам мира на международном суде над гитлеризмом».

Обращение и подробное описание убийства вместе с биографиями погибших ученых Антифашистский комитет советских ученых в Москве отправил во все научные общества мира и прежде всего ученым Англии и Америки.

Однако кое-кто из ученых Западной Европы и США, занятых уже тогда лихорадочной работой по созданию атомных бомб и других новых видов оружия для третьей мировой войны, сделали вид, что не услышали призыва ученых Львова.

Другие же «гуманисты», вместо того чтобы потребовать от своих правительств разыскать и покарать убийц 36 ученых Львова, стали проявлять подозрительную заботу о всех предателях и бандитах, бежавших под защиту так называемых «западных демократий», называть их «перемещенцами», «скитальцами» и прочими именами.

Теперь, спустя тринадцать лет после убийства ученых Львова, всякому становится ясно, какие мотивы руководили и руководят представителями мировой реакции, когда они пригревали и пригревают убийц.

Знал отлично эти мотивы и Степан Бандера, посылая в 1948 году из своего баварского логова совершенно открыто «ноту» государственному секретарю США Джорджу Маршаллу с требованием признать за его бандитами права инсургентов. Позже, когда началась американская интервенция в Корею, тот же Бандера и прочие националистические мерзавцы любезно предложили послать своих головорезов в Корею, и американские поджигатели войны сочувственно отнеслись к этому предложению.

Разве убийцы негров из Мартенсвилля, участники Ку-клукс-клана, организаторы Пикскиллского погрома не объединены между собой той же самой моралью людоедов, что и составители черных списков ОУН, отправивших в могилу ученых Львова?

Разве гестаповец, расстрелявший гордость польской филологии академика Тадеуша Бой-Желенского в долине близ Вулецкой, не похож на американского летчика, сбрасывавшего напалм на институты залитой кровью Кореи, на ученых Пхеньяна, на их лаборатории и библиотеки?

Враги мира, приютившие сейчас убийц из ОУН, продолжают грязное дело немецкого фашизма.

В мае 1954 года в газетах Украины было опубликовано сообщение военного трибунала Киевского военного округа по делу одного из составителей черных списков ОУН, захваченного органами государственной безопасности УССР шпиона-парашютиста американской разведки, буржуазного националиста Василия Охримовича. Как следует из этого сообщения:

«...*Охримович* являлся одним из главарей так называемой организации украинских националистов (ОУН), которая, как известно, перед Великой Отечественной войной поставляла немецким фашистам шпионов, диверсантов, убийц и провокаторов, а во время войны активно помогала гитлеровцам в их чудовищных злодеяниях, направленных на истребление украинского народа.

При изгнании гитлеровцев с территории Украины главари ОУН *Бандера*, *Охримович* и другие, боясь ответственности за содеянные преступления, бежали в Западную Германию и, как показал *Охримович*, сменив своих хозяев, стали выполнять шпионские задания американской и английской разведок против Украинской ССР. В этих целях, обосновавшись в Мюнхене, они собрали там наиболее отъявленных бандитов из числа оуновцев и других преступных элементов и готовили кадры шпионов для заброски в Советскую Украину и страны народной демократии.

Охримович показал, что он также обучался в одной из специально организованных шпионско-диверсионных школ в ме-

стечке Кауфбейрен близ Мюнхена, по окончании которой был снабжен офицерами американской разведки портативной приемо-передаточной радиостанцией, шифрами, ядом, оружием, бланками фальшивых документов и печатями, советской и иностранной валютой, перевезен на Висбаденский аэродром около гор. Франкфурта-на-Майне, откуда на двухмоторном самолете без опознавательных знаков в ночное время доставлен и выброшен на парашюте на территорию Украинской ССР.

Американская разведка поставила перед *Охримовичем* задачу — по прибытии на Украину организовать группу преступников для сбора шпионских сведений, подготовки и совершения диверсий и террористических актов над советскими людьми.

Охримович до дня ареста пытался выполнять полученное им задание американской разведки и неоднократно связывался по радио с американским разведывательным центром, находящимся в Западной Германии.

Подсудимый *Охримович В. О.* в предъявленном ему обвинении полностью признал себя виновным, дал развернутые показания о подрывной деятельности иностранных оуновских центров против украинского народа и выдал своих сообщников по шпионской работе на Украине.

Военный Трибунал Киевского военного округа приговорил *Охримовича* Василия Остаповича к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Таков бесславный конец бандита с большой дороги, ответственного и за гибель ученых Львова.

Примечательно, что ни разу никто из дикторов «Голоса Америки», ни тем более филиала американской разведки в Мюнхене, названного громко «Радио Свободная Европа», не обмолвился ни одним словом о подлинных причинах трагической гибели группы львовской интеллигенции, о наводчиках этого кровавого злодеяния.

Никому из американских пропагандистов не сделать этого потому, что разномастный националистический сброд, набранный капиталистическими разведками американского блока в подворотнях Европы, состоит как раз из тех, кто планировал это, да и многие другие убийства.

В очередь с андерсовцами, мечтающими возвратиться в свои львовские поместья, в тех же самых радиостудиях, существующих под сенью американского флага, подходят к микрофонам подобные *охримовичи*, составители черных списков из шаек Бандеры и Мельника. Закончив свое грязное дело лжи и обмана, щедро оплачиваемое американскими долларами, они

встречают разгуливающих свободно на улицах городов Западной Германии тех самых амнистированных ныне генералов, чьи группы ГФП и СД, врываясь в города, подобные Львову, начинали свои действия с уничтожения интеллигенции.

Покровители убийц ученых Львова хотят повторить ночь с 3 на 4 июля 1941 года.

От бдительности и сплоченности всех народов СССР, живущих в дружбе с миролюбивыми народами всего мира, зависит, чтобы такие ночи никогда больше не повторились.

Мы сделаем это во имя счастья наших детей, во имя будущего всего человечества!

ДИНАСТИЯ ШПИОНОВ

30 июня 1941 года гитлеровцы ворвались во Львов, и в тот же самый день врач Александр Барвинский сделался заместителем министра провозглашенного бандеровцами «правительства самостийной Украины».

На столе у Барвинского появился заранее приготовленный украинскими фашистами мандат, в котором говорилось:

«Высокочтимый пане Барвинский! Согласно решению руководителя ОУН Степана Бандеры, я назначаю вас заместителем министра правительства самостийной, соборной Украины с правом участия в заседаниях кабинета.

Премьер-министр Ярослав Стецько».

Чем же объяснить, что Бандера оказал такую честь доктору Барвинскому?

Барвинский, как это выяснилось в 1948 году на открытом судебном процессе во Львове, еще задолго до вторжения гитлеровцев целиком разделял платформу ОУН. Будучи одним из типичных представителей буржуазной интеллигенции, жившей на шее у трудового народа, он без колебаний воспринял основной принцип украинских националистов, изложенный предельно выразительно в газете «Украинский националист»:

«Украинский национализм не считается ни с какими принципами солидарности, милосердия, гуманизма. Всякий путь,

который ведет к наивысшей цели, является нашим путем, невзирая на то, будут ли это другие называть героизмом или подлостью».

Антинародный путь, на который вступил Барвинский еще в дни своей молодости, был одновременно той дорогой, по какой пробивались к «высшей цели» самые близкие его родственники.

Когда император Австро-Венгрии Франц-Иосиф за особые заслуги назначил отца подсудимого Александра Барвинского, шляхтича из Тернополя, членом палаты господ, это событие прогремело на всю Галицию. Польские магнаты, которые осуществляли волю престарелого монарха в Восточной Галиции, вынуждены были сидеть в палате господ рядом с русином, как тогда называли украинцев.

Назначение Барвинского в палату господ, в которой, как известно, заседали герцоги, графы, бароны, генералы, банкиры, высшее духовенство, вначале было воспринято многими магнатами как личное оскорбление. «Как это можно, — рассуждали они, — вводить в наш интимный круг настоящих аристократов какого-то преподавателя гимназии, дворянина сомнительного происхождения?!» Но вскоре даже самые запальчивые из них поняли смысл этого тактического хода австрийского монарха.

Старый австрийский император руководствовался советами своего предшественника: «Мои народы чужды друг другу — тем лучше: они не заболевают одновременно теми же болезнями. Когда во Франции является лихорадка, она охватывает всех вас в тот же день. Я ставлю венгерцев в Италию, итальянцев в Венгрию. Каждый сторожит своего соседа. Они не понимают и ненавидят друг друга. Из их неприязни рождается порядок, из их вражды — общий мир».

Это циничное признание, сделанное французскому посланнику одним из Габсбургов, раскрывает суть всего государственного устройства тогдашней Австро-Венгрии, в которой воспитывались и которой служили украинские буржуазные националисты так называемой «старой даты». Простой украинский народ и трудовое польское население Галиции прозябали в нищете и темноте. Даже у среднего украинского крестьянина не было средств, чтобы дать своим детям образование.

За счет пота и крови народа такой возможностью располагал Барвинский, член палаты господ и основатель украинской христианско-социальной партии в Галиции, которая была точным сколком австрийской одноименной партии.

Сыновья депутата рейхсрата учились в Вене, один из них стал композитором, другой, Александр, — врачом.

Когда на Западной Украине в 1918 году организовалась контрреволюционная Украинская галицийская армия, бывший офицер австрийской армии Александр Барвинский стал ее подпоручиком. В рядах этой армии прошли военное обучение почти все будущие организаторы фашистско-националистических банд.

Долгие годы в Праге жила семья профессора Ивана Пулюя. Женатый на немке, этот профессор все свои силы и знания посвятил процветанию германских электротехнических фирм. Его хорошо знали чехи как сторонника немецкой ориентации, преданного идее германизации славянских народов.

Александр Барвинский знакомится в Праге с дочерью профессора Пулюя Наталкой и привозит ее во Львов к своим родным как невесту. Профессор Иван Пулюй нисколько не возражает породниться с семьей видного украинского шляхтича.

Небольшой конфуз не омрачает этого события: накануне свадьбы становится известным, что вовсе не Александр, а его брат, композитор Василий, будет мужем Наталки из Праги. Александр Барвинский не только присутствует на свадьбе, но и продолжает жить вместе с новобрачными в одном доме, принимает деятельное участие в воспитании юридических сыновей брата. Лишь на суде он признал их своими собственными сыновьями.

Под сенью уродливого семейного треугольника сыновья вырастают, превращаются в Ивана и Маркиана Барвинских, вступают в ОУН и становятся оруженосцами Бандеры и Гитлера.

Правда, у сыновей Пулюев-Барвинских мечты о будущем выходят далеко за пределы узких провинциальных мечтаний. Зачем быть туземцами будущей германской колонии, если можно стать ее колонизаторами? Все чаще и чаще Пулюи называют себя Гансом и Жоржем, беседуют по-немецки с Наталкой, читают речи Адольфа Гитлера и в 1929 году неожиданно покидают дом Барвинских. Они выезжают на родину своей матери, в Германию, и вскоре как знатоки окраин тогдашней Польши попадают в кадры шпионов полковника Вальтера Николаи.

...Проходит 10 лет. Народ Западной Украины, освобожденный Советской Армией, провозглашает советскую власть на землях Галиции и Волыни.

И вот осенью 1939 года на улицах советского Львова появляется несколько лимузинов с фашистскими флажками. В них приехала германская комиссия, чтобы по требованию Советского правительства переселить с земель Западной Украины в Германию немецких колонистов, издавна осуществлявших на этих территориях призыв «Дранг нах Остен!». Конечно, немало

из этих колонистов продолжали бы оставаться тут, но слишком уж они скомпрометировали себя как гитлеровская «пятая колонна» за время польско-германской войны.

В свите тогдашнего краковского губернатора Вехтера, который возглавлял эту комиссию, находился и брат жены Барвинского гауптштурмфюрер СС Ганс Пулюй.

Днем он принимал посетителей, занимался делами переселенцев, а в свободное от служебных обязанностей время превращался в того, кем он был на самом деле, — в офицера гитлеровской разведки.

Пулюю было поручено завербовать как можно больше агентов на территории Западной Украины. В каких именно кругах надо было вербовать агентуру, Ганс Пулюй хорошо знал.

У изменников и предателей, бежавших от советской власти, оставались родственники во Львове и в других городах Западной Украины. Их родственные связи использовала гитлеровская разведка. Пользовался ими и гауптштурмфюрер Ганс Пулюй.

Пребывая во Львове, он завербовал в фашистскую разведку не только двух молодых Барвинских — Ивана и Мариана, но и их мать, свою родную сестру Наталку.

Молодые Барвинские — третье поколение националистических ренегатов — собирали по указанию Пулюя сведения о советских военных гарнизонах и, выполняя поручения руководства ОУН, заносили в черные списки ОУН имена, фамилии и адреса тех выдающихся людей Львова, которые, по их мнению, будут относиться с недоверием, а то и враждебно к гитлеровцам.

Еще более активно, чем молодые Барвинские, выполняла шпионские задания для своего брата супруга рассеянного и на первый взгляд занятого исключительно музыкой композитора Василя Барвинского.

После того как марионеточное правительство украинских фашистов Стецька—Бандеры было разогнано, а его деятели, формально отстраненные от руководящей работы в оккупационной администрации, сотрудничали с гитлеровцами только как их тайные агенты, Александр Барвинский удовлетворялся должностью заведующего отделом здравоохранения в фашистском магистрате города.

Как мог угождал гитлеровцам Барвинский. Когда выяснилось, что фашистам нужны публичные дома, он взял на себя все хлопоты по организации этих «учреждений». Националист Барвинский бегал по Львову, подыскивая особые здания с коридорной системой и большим количеством отдельных комнат. Со всего Львова он свозил кровати, матрацы и белье.

Слушая признание Барвинского об этой отрасли его «деятельности», прокурор спросил его на суде:

— Как вы могли упасть так низко, вы — человек с высшим медицинским образованием, врач? Ведь по существу вы превратились в завхоза гитлеровских домов терпимости!

— Безусловно, — охотно согласился Барвинский. — Но ведь я же знал, где и что можно достать. Мой шеф был немец, он не знал местных условий и никогда бы сам не справился с таким заданием...

Это откровенное признание еще одно доказательство того, как низко пали в моральном отношении гитлеровские наймиты, теперешние агенты американского империализма — украинские националисты.

Жители Львова и до сих пор помнят страшные облавы на улицах города, заставы фашистов на перекрестках, истерические крики несчастных девушек, которых волокли полицейские в новое предприятие доктора Барвинского.

Гитлеровские офицеры частенько посещали врача в его доме на улице Захаревича. Они приезжали к нему после совершения тех самых акций, в результате которых была уничтожена треть населения города. Они приезжали из долины смерти, что за Яновским лагерем, из Кривчицкого леса, из кварталов львовского гетто. И тогда из окон дома Барвинских неслась веселая музыка или тягучее меланхоличное траурное «танго смерти», специально написанное для акций по заказу бригаденфюрера СС Кацмана уже намеченным к уничтожению львовским композитором и дирижером Штриксом.

Доктор Барвинский охотно принимал у себя эсесовских офицеров, давая им советы поменьше волноваться, прописывал рецепты. Своим чистейшим венским диалектом он очаровывал многих гитлеровцев, особенно уроженцев Вены; они считали его своим и частенько открывали ему свои тайны. Однажды, когда потребовалось проверить, хорошо ли захоронены убитые во время первой акции мирные жители Львова, гитлеровцы повезли его с собой на Яновское кладбище. Они доверили ему тем самым тайну массового уничтожения мирного населения, тайну, которую гитлеровцы строго берегли.

— Значит, не успела еще просохнуть кровь на земле близ могил, как вы уже появились на месте расстрела? — спросил Барвинского на суде прокурор.

— Крови не было! — ответил подсудимый. — Все уже было засыпано песочком. Я проверял глубину захоронения с точки зрения санитарных требований.

Осенью 1941 года Барвинского неожиданно вызвали к гауптштурмфюреру СД Герберту Кнорру. Барвинский по-

От орла — к орлу.

шел к нему со своим врачебным чемоданчиком. По его собственному признанию на суде, беседа с гауптштурмфюрером была очень короткой, и Барвинский быстро дал свое согласие стать гитлеровским секретным агентом. Гитлеровцы в то время продвигались на восток, и у старого их «симпатика» Барвинского не было никаких оснований опасаться, что все переменится. В свою очередь, Барвинский попросил Кнорра помешать увольнению из ветеринарного института своего племянника, тоже украинского националиста.

Тут же Барвинский был передан для использования по назначению гауптштурмфюреру СС Фрею.

Высокий, подтянутый гитлеровец с тонкими поджатыми губами и острым, неприятным взглядом оловянных глаз, Фрей стал непосредственным начальником шпиона Барвинского.

Фрей повторял Барвинскому то, что доктор уже слышал от его начальников: «Гитлеровскому управлению безопасности очень нужен человек, который знает Львов, его население и не внушает подозрений той части интеллигенции, которая не хочет сотрудничать с фашистами. Разве герр Барвинский не подходит для этой роли? Как это очень хорошо известно СД, Барвинский весьма благородного происхождения. Говорят даже, что отец врача был советником Франца-Иосифа? Тем лучше! Среди чинов управления провинцией Галиция есть немало австрийцев. Барвинскому приятно будет помогать тем, кому помогал его отец».

И, переходя прямо к делу, Фрей сказал:

— Вы должны информировать нас о состоянии здоровья населения города, о болезнях, которые могут угрожать немецким солдатам, проезжающим на фронт через Лемберг, сообщать о настроениях интеллигенции. Кстати, не могут партизаны отравить воду в городском водопроводе? Ваше мнение по этому поводу?

Барвинский уверяет Фрея, что это сделать невозможно по чисто техническим причинам. Он берет под особое наблюдение не только публичные дома, но и все лаборатории города, следит за неблагонадежными врачами. Вместе с Фреем донесения Барвинского принимает унтершарфюрер Бруно Штайнер.

Господство фашизма на земле, где уже издавна национализм был проверенным оружием власти в руках иноземных захватчиков, пробудило низкие, грязные инстинкты у подлых людишек, которые до того часто скрывались под внешне приличным видом, изысканными манерами, приторной вежливостью.

Никогда еще в таких масштабах, как за 3 года гитлеровской оккупации, не выплывал наружу страшный закон капиталистического общества: «человек человеку — волк!» Насаж-

дая повсюду этот закон, гитлеровцы встречали крепкую поддержку со стороны своих сподвижников, подобных Барвинскому.

Гитлеровцы знали о зоологической ненависти Барвинского к своим польским коллегам по профессии. Повторяя ему, что чем меньше, мол, останется поляков в живых, тем богаче станет он, медик-украинец, гитлеровцы напоминали Барвинскому прежде всего о его польских конкурентах.

Накануне польских национальных праздников Барвинский, как и все другие агенты СД, бывал особенно насторожен. Гитлеровцы поручали своей агентуре следить, не вздумают ли поляки — уроженцы Львова, а также приезжие со всего генерал-губернаторства организовать какое-нибудь антифашистское выступление?

Барвинский мечется по всему городу, вынюхивая настроения, выискивая недовольных, пишет доносы и накануне одного из праздников рекомендует руководителям СД Лаазеру и Штайнеру взять заложников из числа польских интеллигентов, известных всему городу. Конкретизируя свою мысль, он подсказывает просто и ясно:

— Посадите в тюрьму на эти дни кого-нибудь из оставшихся в живых профессоров-поляков, предупредите польское население, что в случае малейшего выступления вы их расстреляете, и, поверьте мне, все будет тихо!

Гитлеровцы немедленно воспользовались этим советом. Уцелевшие от расстрела в ночь с 3 на 4 июля 1941 года профессора были арестованы как заложники.

Каждый новый день гитлеровского оккупационного режима на землях Западной Украины раскрывал широким массам трудового населения, до какой степени озверения докатились фашисты. Из песчаных оврагов за Лычаковом ветер приносил в город запах горелого человеческого мяса, и все знали: гитлеровцы жгут жертвы очередной акции. Грузовиков для перевозки намеченных к убийству мирных жителей уже не хватало, и их перевозили совершенно открыто, среди бела дня, на грузовых платформах трамвая.

На Стрелецкой и на Краковской площадях гитлеровцы вешали среди бела дня патриотов всех национальностей.

В этих казнях принимала активное участие «украинская» полиция. Во Львовском областном архиве среди прочих документов о преступной деятельности «украинских» полицаяв хранится и такое донесение 1-го комиссариата «украинской» полиции Львова своему высшему командованию:

«5 ноября 1943 года.

Экзекуция 8 человек на Стрелецкой площади.

Доношу, что дня 4.XI 1943 года, около 10.00 часов, члены

полицейской безопасности привели в исполнение на Стрелецкой площади экзекуцию 8-ми человек (мужчин).

Руководитель комиссариата
сотник Укр. полиции (подпись)».

После ряда случаев, когда обреченные перед смертью выкриками призывали народ мстить фашистам, был придуман особый способ заставлять смертников молчать перед казнью: еще в тюрьме им заливали рот гипсом.

Но даже и в это тягостное время все честные люди сопротивлялись оккупантам, были мысленно с теми, кто боролся против фашизма в других странах.

В те дни во Львове действовала Народная гвардия имени Франко, разведчики из партизанских отрядов Ковпака и Медведова находили приют у старожилов Львова и распространяли здесь листовки с сообщениями Советского Информбюро и партизанские газеты. Даже очень далекие раньше от политики научные работники Львова постепенно включались в политическую борьбу, которой они так боялись с детства.

За одну из таких «аполитичных» интеллигенток можно было принять во Львове Елену Полячек. Еще задолго до начала второй мировой войны Елена Полячек успешно защитила во Львовском университете докторскую диссертацию.

Доктор философии Елена Полячек работала одновременно в университете и во Львовском городском архиве. В 1929 году она стала кустошем — заместителем директора Львовского городского архива. Перу Елены Полячек принадлежало много ценнейших работ по геральдике. За свои работы она была избрана членом польского, швейцарского и австрийского научных обществ.

Потрясенная зверскими убийствами львовских интеллигентов, эта шестидесятилетняя женщина — типичный кабинетный работник — решает принять активное участие в борьбе против гитлеровских оккупантов. Друзья не советуют Полячек в целях конспирации бросать работу в библиотеке, которая раньше до гитлеровского вторжения была филиалом Украинской Академии наук.

Квартира Елены Полячек помещалась на улице 29 листопада. Засаженная каштанами, кленами и липами, эта чистая, ровная улица, переименованная гитлеровцами в Германерштрассе, состоит из вилл и особняков, окруженных садами.

Большинство домов на улице 29 листопада еще с осени 1941 года было занято гитлеровцами. Рядом с домом № 20, в котором жила Полячек, фашисты с помощью Барвинского открыли санаторий.

Каждую ночь почти до рассвета из палат санатория доносились пьяные песни оккупантов. А в квартире Елены Полячек, под самым носом у захватчиков, печатались антифашистские листовки и подпольная партизанская газета.

Елена Полячек помогает партизанской молодежи не только как печатник, но и как автор пламенных статей, которые зовут к борьбе с гитлеровцами.

Фашисты сбились с ног в поисках подпольной типографии. Новый шеф полиции и гестапо Витиска, который сменил палача Кацмана, требует от своих агентов немедленно разыскать квартиру подпольщиков. Но газета продолжает выходить все так же регулярно, и никто из гитлеровцев даже не догадывается, что партизаны выпускают ее рядом с санаторием, переполненным фашистами.

Гитлеровцы между тем решили расширить свой санаторий и поручили Барвинскому подыскать новое помещение для его администрации. Это задание и привело его в квартиру Полячек.

Вкрадчивый и осторожный Барвинский, став агентом СД, приобрел некоторые типичные навыки этой своей новой профессии. Вот уже много месяцев после того, как его завербовали в СД, он шныряет по Львову, разыскивая нечто необычайное, укрытое от глаз простаков, что могло бы раскрыться лишь его глазу и стать полезным его шефам. Барвинский не раз повторял себе принцип гитлеровской разведывательной службы, изложенный ему Кнорром: «Шпион может работать лишь там, где есть тайна, которую ему надо открыть».

Так и теперь, подойдя к двери, он прочитал табличку и сразу сообразил, что это квартира Полячек. Кто не знал во Львове Полячек! Но перед дверями знатока галицийских древностей стоял не просто медик Барвинский, а агент СД, и, как таковой, он в первую очередь молча прислушался. Он услышал за дверью шелест бумаги, ритмическую работу типографского станка, чьи-то приглушенные голоса. Тогда он постучал. Все затихло. Ему не открыли. Он потихоньку отошел.

Вполне возможно, что Елена Полячек видела через окно, завешанное гардинами, когда шпион выходил из дому. Кто в городе не знал очень вежливого доктора Александра Барвинского? Человек такой гуманной профессии, врач, разве он мог сделать подлость и, даже почуяв что-то, пойти и донести гитлеровцам? Так, наверно, подумала Полячек.

И подпольная типография продолжала выпуск нового номера антифашистской газеты.

А в это время, забежав в кабинет гитлеровского санатория, Барвинский уже звонил Кнорру, делился с ним своими подзрениями и поручал врачу Павлу Цимбалистому, его подчи-

ненному и такому же наемнику оккупантов, как и он сам, немедленно пойти и проверить, что делается в соседнем доме.

Гитлеровцы вместе с Цимбалистым пошли по адресу, указанному Барвинским.

Хозяева не открыли квартиры.

Тогда фашисты взломали дверь. Одного из партизан догнали уже за несколько кварталов. Под густыми каштанами загремели выстрелы вслед другому партизану. Елена Полячек не успела убежать.

На суде Барвинский признался:

— Мы были очень хорошо знакомы с унтершарфюрером Штайнером. Через некоторое время он рассказал мне, что Елена Полячек расстреляна.

— Значит, вы признаете, что это жертва ваших рук? — спросил государственный обвинитель.

— Безусловно, — ответил Барвинский.

Несколько раз на суде и до этого признания и позже он говорил о своей нечистой совести.

— Сколько же на вашей совести людей, которые погибли от руки гитлеровцев по вашим доносам?

Не задумываясь, Барвинский отвечает:

— Прежде всего Полячек...

Мы вправе добавить то, что он утаил от суда.

...Несколько дней Елена Полячек провела в застенках львовской полиции. Ее истязали, избивали, натравливали на нее специально выдрессированных собак, добываясь, чтобы она выдала остальных участников подпольной типографии.

Сам Витиска и гестаповец Ставиский приходили на эти допросы. Полячек выдержала все эти страшные истязания и не сказала ничего.

Ее вывезли в Майданек, расстреляли и сожгли труп.

* * *

Открытое судебное заседание во Львове раскрыло перед слушателями дела Барвинского еще и другие его преступления, самым тесным образом переплетенные с повседневной практикой украинских националистов.

...На дверях нижней квартиры в особняке на улице Захаревича висела табличка, сообщающая посетителям, что здесь живет композитор и профессор закрытой немцами консерватории Василий Барвинский. Этажом выше сияла начищенная мелом медная табличка — «Доктор Александр Барвинский». Музыка и медицина мирно соседствовали друг с другом, и, несмотря на разделявшее их междуэтажное перекрытие, кварти-

ры эти воспринимались жителями Львова как одна, общая резиденция, в которой живет «панство Барвинских».

В 1943 году, когда после разгрома под Сталинградом фашистских захватчиков во Львове прибавилось всяких чинов рейха и гитлеровцев, бегущих с Востока, в квартире доктора Барвинского появляется его родственник и воспитанник, офицер немецкой контрразведки Жорж Пулюй.

Барвинский охотно выделяет ему две комнаты в своих апартаментах, и Жорж Пулюй поселяется в них вместе со своей секретаршей Азой Гаевской, по кличке «Ага», и ближайшим сотрудником его «зондерштаба Р» бывшим полковником петлюровских банд Голубом.

Еще в 1920 году, после того как петлюровщина была окончательно разгромлена Красной Армией, этот Голуб вместе с подобными ему бандитами из петлюровских шаек попробовал было заиматься разбоем в лесах Подолии. Его фамилию и сейчас помнят колхозники украинских сел, прилегающих к Тульчину, Гайсину, Литину и Ольгополю. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества выбили всякую социальную базу из-под ног атаманчиков. Голуб бежит за границу, в Польшу, и оседает в Коломые, где становится... издателем всякого рода националистической литературы.

В сентябрьские дни 1939 года, когда гитлеровская авиация бомбит Польшу, Голуб оказывает неоценимые услуги фашистам как секретный агент и ракетчик, наводящий немецкие самолеты на точные цели. И не случайно после вторжения в Советский Союз гитлеровцы поручают Голубу очень важный пост в своей контрразведке. Подчиняясь непосредственно зондерфюреру Жоржу Пулюю, Голуб выслеживает оставшихся в немецком тылу советских и партийных работников, пытается засылать провокаторов в партизанские отряды, рассылает своих агентов повсюду — от Житомира до Винницы.

У него «на связи» многочисленная агентура.

Подобной же провокационной преступной деятельностью занимается где-то около Тирасполя, в районе Паркан, команда абвера 106—102. Ею руководит другой родственник Барвинских — гауптштурмфюрер СС Ганс Пулюй. Вот каких карателей подготовили для гитлеровской Германии представители растленного дворянского рода Барвинских!

Голуб пригласил на квартиру Барвинских и своего друга — бывшего подполковника петлюровских банд Рыбарчука. До Сталинградского разгрома фашистов Голуб вместе с ним орудовал на большой Украине. В шпионском пансионате Барвинских уже все было приготовлено для приема агентов абвера.

Не раз машины немецкого интендантства останавливались у особняка Барвинских, и солдаты тащили в кладовку колбасы и мешки с сахаром, бидоны со спиртом и португальские консервы, ящики с французским коньяком. Все это на правах сестры Жоржа Пулюя и хозяйки этого дома принимала фрау Наталка Барвинская, размещала в кладовках и подавала на стол, когда собирались гости.

А как же в это самое время жили те украинские и польские интеллигенты Львова, которые не хотели сотрудничать с гитлеровцами?

Кроме голода, каждому из них угрожал еще и принудительный вывоз на работу в Германию. И для того чтобы избежать немецкой каторги и заработать на кусок хлеба, на фунт мармелада к чаю, более двухсот львовских ученых, артистов и художников вынуждены были итти наниматься в так называемые «институты» Вайгля и Беринга.

В этих «институтах» из желудочков вшей, зараженных сыпным тифом, изготовлялась противотифозная вакцина для фашистской армии. Но для того чтобы вши жили до момента препарирования, их надо было откармливать человеческой кровью. И вот более двухсот интеллигентов Львова были превращены оккупантами в кормителей вшей. Ежедневно приходя по утрам в «институты» Вайгля и Беринга и прикрепляя к своим ногам коробочки с тысячами вшей, они, подвергаясь унижению и опасности ежеминутно заболеть, выкармливали свою кровью паразитов. Этой участи, в частности, подвергся один из лучших математиков мира — основатель Львовской математической школы академик Стефан Банах, чья «Теория функционального анализа» известна любому математику.

«Поверьте мне, — со слезами на глазах рассказывал авторам настоящей книги Стефан Банах, после того как Советская Армия в 1944 году освободила Львов, — трудно себе представить более унижительную пытку, чем ту, которой подвергли нас гитлеровцы, превратив в кормителей вшей. С каждым рассветом мы умирали!..»

Совсем иным путем получали средства для роскошной жизни содержатель шпионской квартиры Александр Барвинский и подобные ему предатели — украинские буржуазные националисты. Они не нуждались решительно ни в чем, ибо их шефы щедро снабжали своих наймитов продуктами в мешках, клейменных черными орлами со свастикой.

Свидетельница Постоловская рассказала суду, что она насчитала до 66 агентов, которые приходили на явки в особняк Барвинских. Однажды подручный Жоржа Пулюя Голуб беседовал с агентом по кличке «Григор». В это время в комнату вошел композитор Василий Барвинский и стал искать нужные

ему ноты. Вне всякого сомнения, нежные музыкальные уши композитора уловили содержание беседы Голуба со своим пищиком, но Василий Барвинский несколько не ужаснулся. У него было, как выяснится дальше, много причин считать всех этих людей своими коллегами.

Среди друзей Барвинских в правительстве Стецька—Бандеры был директор украинской гимназии во Львове «профессор» Радзикевич, ныне состоящий на иждивении американцев в Западной Германии. Его фамилию Александр Барвинский называл на суде не раз. Фамилия эта особенно нашумела во Львове, когда гитлеровцы формировали дивизию СС «Галичина». Желая выслужиться перед немцами, Радзикевич приказывал своим гимназистам записываться в дивизию во что бы то ни стало.

Среди волонтеров, набранных Радзикевичем, оказался уроженец Львова, девятнадцатилетний Юрий Панькевич. Всего три месяца провел он в частях дивизии СС, расположенных в Дембице, но и этого срока было вполне достаточно, чтобы он понял, в какую пропасть толкнули его вербовщики.

Сотни обманутых галичан убегают из дивизии СС в леса. В полках дивизии остаются лишь самые отъявленные, ослепленные украинские фашисты — нынешние обитатели Западной Германии, Западной Австрии, любезно пригретые новыми американскими покровителями.

Бежит из дивизии СС и Юрий Панькевич. Бежит во Львов, с винтовкой и в полном обмундировании. За дезертирство ему грозит расстрел. Отец беглеца просит брата — шофера, который некогда служил у Барвинских, чтобы тот похлопотал за сына Юрия у доктора, посоветовался с ним, как его сыну избежать расстрела. «Ведь доктор Барвинский такой приличный пан, из такой хорошей семьи. Он не выдаст!».

Случается другое. Александр Барвинский выслушивает шофера и просит прислать беглеца к нему для личных переговоров. Юрий Панькевич приходит к доктору и встречает здесь человека с судьбой, очень похожей на свою судьбу. Человек этот — Альфред Голиняк, скрипач по профессии, тоже некогда прибежал к помощи Барвинских.

Альфред Голиняк, уроженец Тернопольщины, был схвачен «украинскими» полицией на улице при очередной облаве и направлен в бандинст, в так называемую службу отечеству. Не понимая, с какой стати ему надо трудиться для процветания Германии, Альфред Голиняк бежит из колонны и скрывается в парке Костюшко. Куда бежать дальше? Скоро наступит полицейский час и тогда его вновь могут задержать патрули. Он вспоминает, что неподалеку живет знающий его

как молодого скрипача композитор Василий Барвинский, и пробирается в особняк на улице Захаревича.

В квартире панства Барвинских Голиняк застаёт ефрейтора Манзенко. Этот сын полиция приехал в немецкой военной форме из-под Тирасполя. Он привез Наталке Барвинской продукты от её брата Пулюя, начальника абверкомандо 106—102.

Наталка Барвинская выслушивает Голиняка и с мнимым участием говорит ему:

— Конечно, мы сможем вам помочь. Мой брат, Ганс Пулюй, начальник в абвере. Он поймет вас, как скрипача, и постарается дать вам легкую работу.

Впервые в своей жизни Голиняк, по его собственному признанию на суде, слышит незнакомое ему раньше слово «абвер». Он переводит его дословно: «оборона», и, напуганный возможными репрессиями за побег из баудинства, едет с Манзенко на большую Украину, к Гансу Пулюю.

Лишь только по прибытии на место Голиняк соображает, что очутился в западне. Команда абвер 106—102 готовит радистов-диверсантов для переброски их на советскую территорию. Она готовит карателей и шпионов.

Возврата нет. Скрипач становится шпионом. И, приехав в первый же отпуск во Львов, навещая Барвинских, застаёт у них ещё одного кандидата в шпионы — Юрия Панькевича.

Голиняк наблюдает, как почтенный доктор Барвинский толкает в пропасть новую жертву. Барвинский пишет Гансу Пулюю письмо, в котором просит его принять под свое покровительство ещё одного кандидата в шпионы — Юрия Панькевича.

* * *

Новый протеже Барвинских, вступивший на стезю шпионов в их уютном особняке, Юрий Панькевич оправдал рекомендации не только перед гитлеровской Германией, но и перед новыми гальванизаторами фашизма.

После того как гитлеровская военная машина была разбита, а наемники фашизма в страхе перед Советской Армией бросились в районы Европы, занятые англичанами и американцами, уже в Италии, в одном из лагерей для так называемых перемещенных лиц, бывшего агента абвера Юрия Панькевича заметил некий английский капитан. Участник «большой игры», этот английский разведчик был воспитан на произведениях Р. Киплинга и любил повторять изречение певца британского империализма и проповедника шпионажа: «Когда все умрут, только тогда кончится Большая игра».

Мы не знаем, изучал ли этот капитан методику вербовки шпионов у своего предшественника — видного агента английской разведки капитана Сиднея Джорджа Рейли, который таким же способом в 20-х годах нынешнего века объезжал лагеря петлюровцев, находившиеся на землях панской Польши, и прощупывал каждого националиста-петлюровца со специальными целями. Во всяком случае, то, что произошло с Юрием Панькевичем, удивительно напоминает почерк Сиднея Джорджа Рейли, о котором рассказывают в своей книге «Тайная война против Советской России» Сейерс и Кан.

Окончательная перевербовка абверовца Юрия Панькевича в британскую Интеллидженс сервис состоялась в другом лагере для перемещенных лиц. Лагерь этот назывался однажды в своем выступлении на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций глава советской делегации А. Я. Вышинский, требуя от правительств Англии и Америки выдачи СССР военных преступников, которые все еще гуляют на свободе под видом перемещенцев.

Метаморфоза, которая произошла с Юрием Панькевичем, объяснит нам, почему именно так цепляются и сейчас за перемещенцев некоторые их новые покровители из стран американского блока.

В обвинительном заключении, оглашенном на открытом судебном заседании по делу Александра Барвинского 27 января 1948 года во Львове, было сказано:

«Юрий Панькевич был направлен из-за границы на связь к Барвинским в 1946 году».

Бывший агент немецких разведывательных органов абверкомандо 106—102 и «Цеппелин», Юрий Панькевич, будучи перевербован в Италии английской разведкой, направлялся по ее поручению во Львов, имея специальный пароль именно к Барвинским.

Однако на пути у Панькевича возникло неожиданное препятствие — советская контрразведка. Панькевич пытается устранить работника органов советской государственной безопасности, мешающего ему связаться с Барвинскими, готовит его убийство, но в самую последнюю минуту неожиданно для самого себя оказывается разоблаченным и пойманным. План и связь не удалась! Вместе с ним была арестована и поймана оуновка, террористка Леось, по кличке «Русалка». Оба они на следствии, под тяжестью улик, сознались во всем.

На суде прокурор спросил Барвинского:

— Каким же это образом английский капитан послал сюда к вам Панькевича? Разве английский капитан — хозяин украинских земель? Для чего Панькевич был направлен сюда?

Барвинский отвечал:

— Ясно для чего. Со шпионскими заданиями!

...Спустя некоторое время после ареста Юрия Панькевича Наталка Барвинская говорила доктору:

— Ты знаешь, Сашко, какой провал? Арестован Юрий Панькевич!

От этого известия шпион побледнел, почувствовав приближение неминуемой развязки.

На суде во Львове мы увидели не только наводчиков и сообщников гитлеризма — украинских буржуазных националистов типа Барвинских, но и их вчерашних хозяев.

Размеренным, вымуштрованным шагом, в желтом нацистском френче в зал под конвоем вошел сам Герберт Кнорр, и при виде его Барвинский весь сжался на своей скамье, зная, что сейчас-то он будет окончательно разоблачен.

Гауптштурмфюрер СД Герберт Кнорр в годы оккупации возглавлял отдел культуры и духовенства управления Зихергайтсдинст СД «дистрикта Галиция». Иными словами, он ведал судьбами интеллигенции и служителей различных религиозных культов на земле, равной территории европейского государства.

Лавочник из Маркнейкирхена в Саксонии, Кнорр в 1929 году, еще до прихода Гитлера к власти, вступил в национал-социалистскую партию, затем практиковался в органах «службы безопасности» в Дрездене, охранял в 1941 году Ганса Франка в Кракове и осенью 1941 года прибыл во Львов.

Кто же помогал ему устанавливать и укреплять террор на захваченных гитлеровской Германией землях, кто наводил его на новые жертвы, подсказывая, кого надо арестовывать, кого уничтожать?

Глазами Кнорра на землях Западной Украины в первую очередь были именно такие люди, как барвинские. К услугам Кнорра была вся буржуазно-националистическая интеллигенция, подготовленная идеологически к службе в карательных органах фашистской Германии. Эта часть буржуазной интеллигенции свято верила в победу гитлеризма и всегда ненавидела свободолюбивые стремления русского и украинского народов. Ее подготавливали к предательству интересов славянства еще Габсбурги. Они натравливали буржуазных националистов на Ивана Франко, на Василия Стефаника, на всех прогрессивных деятелей, понимавших, что только в союзе с великим русским народом Украина может получить самостоятельность и государственность. Мелкими подачками Габсбурги приучали буржуазную интеллигенцию лизать сапоги австрийским монархам, двурушничать, предавать, служить тому, кто больше заплатит.

И украинская буржуазная интеллигенция, блокируясь с агентурой Ватикана верхушкой греко-униатской церкви, яростно нападала на все радикальные течения в украинском народе.

Ведь именно благодаря личным проискам Александра Барвинского-старшего, отца подсудимого, великий украинский писатель-революционер Иван Франко не был допущен на кафедру украинской литературы во Львовском университете, хотя имел на это гораздо больше прав, чем любой из его современников.

Но до пределов низости, до самого отвратительного падения докатились лидеры украинского буржуазного национализма, когда поступили в услужение к наци, когда стали главами кнорров среди украинцев.

...Первое знакомство Кнорра с Барвинским состоялось в оперном театре во время антракта. «Потом, — рассказал Герберт Кнорр суду, — доктор Барвинский посетил меня в моем служебном кабинете».

Кнорр сохранил хорошее впечатление о своем новом агенте. Когда у Кнорра начался суставной ревматизм, он немедленно набрал номер 2-00-04 и сказал: «Вы дома, доктор? Не уходите, я сейчас к вам приду».

Спустя некоторое время Александр Барвинский решил пригласить своего начальника в ресторан вместе с его шефом — руководителем СД «дистрикта Галиция» лейтером Фердинандом Шенком.

— Мы говорили о делах, пили водку, ели бутерброды, — восстановил на суде подробности этого ужина Кнорр.

— Кого же вы еще знаете из семьи Барвинских? — спросил Кнорра прокурор.

— Я знаю профессора музыки Василия Барвинского и его жену.

— Когда вы познакомились с Василием Барвинским?

— Я познакомился с ним в конце 1941 года, когда Василий Барвинский стал моим секретным агентом, — твердо сообщает Кнорр.

В зале суда — шум. Неожиданность этого разоблачения поражает многих. Кто в городе не знал композитора Василия Барвинского, повсюду декларировавшего свое невмешательство в политику?

И дальше Кнорр рассказал обстоятельства вербовки. Это произошло в кино «Виктория» после окончания концерта. Сперва Кнорр и Барвинский поговорили о музыке, а потом гауптштурмфюрер СД, видя, что перед ним человек, знающий подвластную ему, Кнорру, провинцию, прямо предложил Василию Барвинскому сотрудничество в СД.

Композитор с большой копной седоватых волос сперва побледнел, но потом охотно дал согласие быть агентом СД и находиться под рукой у всевластного Кнорра. Он не проявил никаких колебаний в выборе своего нового пути, потому что еще задолго до этого разговора его психологически подготовил к служению германскому фашизму украинский буржуазный национализм и его «философы» — всякие донцовы, левицкие, дсрошенки...

Доктор Александр Барвинский рукоплещет германским фашистам, которые убирают прочь его конкурентов — врачей евреев и поляков. Чем меньше их останется в живых во Львове, тем лучше заживет доктор Барвинский. Вот когда, наконец, он сможет вырваться на широкую дорогу процветания и наживы. Он приезжает вместе с бургомистром Львова Гиллером и чинами СД на Яновское кладбище осматривать огромную братскую могилу расстрелянных ночью жителей. Он прекрасно знает, что среди убитых есть и врачи, его вчерашние коллеги и знакомые. Хотя могила аккуратно приглажена и засыпана сверху песочком, но кое-где насыпь еще шевелится. Она как бы дышит, показывая, что несколько несчастных не добыты. Барвинский ходит около могилы, пробует глубину насыпи палкой с серебряными монограммами, а сам злорадно думает:

«Туда им и дорога. Еще несколькими конкурентами меньше!»

Рассуждал так, вне всякого сомнения, и его родной брат — композитор Василий Барвинский, когда немцы, по указанию Герберта Кнорра, уничтожали лучших музыкантов города: Мунда, Штрикса, Приваса. Ведь на собственном пианино Барвинского приезжавшие в его дом после акций гестаповцы играли сочиненное Якубом Штриксом «танго смерти».

Василий Барвинский знает, что блестящий пианист Леопольд Минцер, которому в 1940 году аплодировали на концертах москвичи, ленинградцы и жители других городов Советского Союза, перед своей гибелью служил денщиком у штурмбаннфюрера СС на Пушкинской улице, в трех кварталах от особняка Барвинских.

Штурмбаннфюрер занял виллу Минцера, самого его переселил в дровяной подвал и по утрам приказывал чистить себе сапоги. Если Минцер не мог навести глянец так, как этого требовал гестаповец, штурмбаннфюрер принуждал пианиста съедать по коробке гуталина.

Знал Василий Барвинский и о том, что магистр философии, автор многих песенок о родном городе и в их числе популярной еще и доселе в Советском Союзе песенки «Только во Львове» Эммануил Шлехтер был превращен немцами в маля-

ра и штукатурка. Сперва Шлехтер покрасил здание ратуши, в котором заседал ежедневно доктор Александр Барвинский, а потом немцы убили и сожгли Шлехтера в лагере смерти на станции Белзец.

Зная все это, а равно и тайну исчезновения 36 видных ученых Львова, Василий Барвинский все же пошел охотно на службу к гитлеровцам, потому что он был кровно заинтересован в победе фашизма.

Четко и ясно доложил об этом суду и Кнорр:

— Я считал, что семья Барвинских полностью пронемецкая, она хотела и стремилась помогать нам любыми способами. Могу подтвердить, что когда родственник Барвинских Савчук записался добровольно в дивизию СС, это событие явилось в их семье праздником.

Василий Барвинский докладывал Кнорру о всех интересующих СД фактах музыкальной жизни города. Это не была обычная информация, поступающая к гитлеровцам в порядке, так сказать, ведомственного надзора. На следствии Кнорр подробно рассказал, что по его поручению Барвинский немедленно докладывал о всяком заслуживающем внимания музыканте, певце, танцоре из украинцев. Эти сведения нужны были Кнорру для того, чтобы ни в коем случае не давать развиваться талантам украинского народа, чтобы отодвигать в тень, а то и просто уничтожать физически всякого способного украинца, могущего конкурировать с людьми «высшей расы» — немцами.

Так оба родных брата помогали гитлеровцам получать интересующие их сведения о медицинском и музыкальном мире города. Но если Василий Барвинский ограничивал свою деятельность рамками города, то у доктора Александра Барвинского размах был значительно шире.

Когда по всей Западной Украине начался принудительный набор в дивизию СС «Галичина», гитлеровцы послали Александра Барвинского осматривать волонтеров на периферию. Он побывал в Бродах, в Коломые и, наконец, забрался на Гуцульщину, в Коссов. Из Коссова и его окрестностей вербовщики доставили к Барвинскому всего 500 молодых гуцулов, не сумевших своевременно бежать в горы.

— Годен! Годен! — выкрикивал Барвинский, бегло осматривая до поздней ночи новых рекрутов в войска рейхсфюрера СС Гиммлера.

После ужина доктор Барвинский отправился ночевать в пансионат Василевской. Спал он плохо, ворочался с боку на бок, кто-то из жильцов пансионата шумел и смеялся, мешал постояльцу с нечистой совестью заснуть.

Около трех часов ночи Барвинский вышел во двор. И здесь

из работника медицины он снова превратился в агента СД. Скрытый тенью кустов, он увидел, как во двор пансионата заехала машина с вооруженными партизанами. Они прошли в кухню к Василевской, поужинали там и, забрав продукты, уехали. Пансионат был продовольственной базой действующего в Карпатах антифашистского партизанского отряда.

Спустя несколько дней, уже во Львове, доктор Барвинский делал в управлении «дистрикта Галиция» доклад о своей поездке гауптштурмфюреру СС Шульце. Он рассказал, какое количество рекрутов было осмотрено, кто именно из местных украинских фашистов отличился при вербовке, и под конец доклада, хитро ослабившись и угодливо сгибаясь, доложил:

— А вот в Коссове, в три часа ночи...

Шульце немедленно поднялся к губернатору провинции Отто Вехтеру и сообщил ему наблюдения Барвинского. В тот же день из Львова была снаряжена в Коссов карательная экспедиция.

Спустя некоторое время Шульце увидел Барвинского и сказал ему:

— Вы молодец, доктор! Какая наблюдательность! Эти партизаны пойманы и хозяйка пансионата тоже...

— Разве это не предательство? — спрашивает на суде прокурор Барвинского.

— Безусловно.

— Вы выдавали гитлеровцам людей, которые не пошли по вашему пути, а боролись с фашистами?

— Да, — соглашается Барвинский.

...В последние дни июля 1944 года, когда войска 1-го Украинского фронта взломали Бродский заслон немцев, гауптштурмфюрер Кнорр встретил на улице своего подчиненного Фрея и сел к нему в машину.

Кнорр и Фрей поехали по пустынным улицам заминированного Львова на улицу Захаревича спасать одного из самых активных своих агентов и его семью. Семью шпионов! Доктора дома не было. Металась по комнатам простоволосая фрау Наталка, она кричала: «О, майн готт, что с нами будет! Спасите нас, спасите!»

И хотя у руководителей СД Шенка, Кнорра и Фрея каждая минута была на счету, они нашли время, чтобы выдать святому семейству Барвинских и другим украинским националистам марш-бефель — эвакуационные документы с печатями СД. В марше-бефель, который получил доктор Барвинский, было указано также, что семья Барвинских снабжена из фондов СД продуктами на дорогу до Вены. Даже в последние минуты пребывания на галицийской земле гитлеровцы расчи-

тывались натурой со своими агентами из лагеря украинского национализма.

Передовые части Советской Армии стали просачиваться в предместье города — Персенковку. Здесь они встретили славных разведчиков-партизан Пастухова и Кобеляцкого. Советские разведчики успели заранее, при помощи местного населения, начертить план минирования Львова и передать его в руки советского командования. Захватив электрическую станцию на Персенковке и тем самым прекратив подачу тока в заминированный город, советские разведчики помешали полицейлейтеру Ульриху подорвать все заложенные его агентами мины.

Прекрасный седоглавый и древний Львов остался в руках освобожденного народа почти неповрежденным, а воины освободившей его Советской Армии помешали убежать от справедливого суда тем, кто вместе с гитлеровцами совершал злодеяния против человечества. Один из этих предателей, не успевших скрыться в Западную Германию, доктор Александр Барвинский, был посажен в конце января 1948 года на скамью подсудимых, чтобы дать украинскому народу ответ за все содеянное. Обличенные показаниями свидетелей, другие шпионы из его семьи — Василий Барвинский и Наталка Барвинская-Пуллой — были взяты под стражу по приговору суда, когда процесс уже начался.

Так была сорвана завеса, долгие годы скрывавшая тайны дома Барвинских — одного из преступных и весьма типичных очагов украинского буржуазного национализма.

ПОБЕГ ИЗ ЦИТАДЕЛИ

...По затемненным улицам, поглаживая лучиками света вороненые булыжники, мчится длинная серая машина. Кроме шофера, она везет двух пассажиров.

Сидящий с шофером хозяин машины Бено Паппе — гауптштурмфюрер СС и криминаль-комиссар.

В четвертом отделении гестапо «дистрикта Галиция» Паппе возглавляет самое таинственное отделение 4-Н. Этот худощавый и лысоватый немец, с узкими губами, ведет внутри гестапо всю разведку и контрразведку, обладая при этом самыми широкими полномочиями. Паппе косвенно, да и то лишь по хозяйственным делам, подчиняется начальнику гестапо штандартфюреру СС Витиска и руководителю всей немецкой полиции безопасности в Галиции бригаденфюреру СС Диму. Во всем же остальном Паппе повинуетя непосредственно главному управлению имперской безопасности и лично группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру.

Сослуживцы из других отделов полиции прозвали Паппе «Сфинкс». Такое прозвище льстит самолюбию этого выскочки и делает его еще более загадочным. Да и в самом деле, в тридцать лет, кроме капитана войск СС, получить еще звание уголовного советника — большая честь.

Даже многие старые криминалисты Германии, начинавшие свою служебную карьеру еще во времена Веймарской республики и служившие до Гитлера канцлерам Брюнингу и Папену, и те не дотянулись до такого звания!

* * *

Всякий новый день приносит Паппе неудачи в этом загадочном старинном украинском городе. Вот вчера, например. Выводили из Замарстыновской тюрьмы закованного в кандалы коммуниста. По пути в машину он сбил с ног охранника и бежал. Трудно предположить, чтобы он мог устроить побег один, без посторонней помощи, да еще в кандалах! В него стреляли — и было попадание: следы крови протянулись до Татарской. Но в квартале домов, соединившем Замарстыновскую и Жовковскую, след бежавшего потерялся. Правда, сегодня на рассвете гестапо нащупало квартиру, где мог скрываться беглец. Но стоило лишь агентам позвонить, как тот через кухонное окно перебрался пожарной лестницей на крышу и убежал по ней, скрылся, босиком, в серой пижаме. Хозяйка квартиры, украинка, задержана. У нее найдена улика, вполне достаточная для того, чтобы пустить ей пулю в лоб без промедления: перепиленные ножовкой ручные кандалы. Но какая польза от такой улики, когда тот, кому кандалные браслеты перетирали кисти, уже вторые сутки на свободе? Известно, что бежавшего зовут Альфред Пират, что родился он в Испании, а затем переехал в Польшу и некоторое время жил во Львове. Установлено, что в 1936—1938 годах Пират сражался на стороне красных в Испании, в батальоне Домбровского, в знаменитой Интернациональной бригаде. Пока он сидел в одиночке на Замарстыновской, Паппе получил из Мадрида от испанской полиции точные сведения об Альфреде Пирате. Теперь ясно, кто убил в ноябре 1943 года вечером на Задвужанской улице Львова железнодорожного полицейского, фольксдейче Михеля Трефлера. Возле убитого был обронен испанский самозарядный пистолет системы «Изарро», и уже тогда Бено Паппе высказал предположение — не орудует ли во Львове какой-либо из испанских республиканцев? Не иначе — это была работа Пирата! Но грош цена этим сведениям, когда бывалый антифашист, должно быть, с наступлением темноты может собственноручно срывать со стен расклеенные по всему Львову розыскные листы, в которых гестапо сулит выдать задержавшему Пирата 20 000 марок! И много добавил бы от себя лично к этой сумме Паппе, чтобы заполучить Пирата снова в свои руки, пальцы которых украшены массивными золотыми перстнями...

Вместе с Паппе в серой машине едет его первый помощник Вурм.

Отто Вурм — глаза Паппе, зоркие, хитрые, пронирливые. Вурм долго жил во Львове в польские времена, в фамильной квартире своего отца Ганса Вурма, офицера австрийской службы, человека «старой даты» и начальника разведки той самой Украинской галицийской армии, которая, пойдя в поход на Советскую Украину, покрыла себя несмываемым позором.

Отто Вурм был еще мальчиком, когда под ударами Красной Армии развалилась УГА, а ее старшины, оставляя в Виннице, Жмеринке и Гнивани умирающих от сыпного тифа рядовых стрелцов, возвращались в Западную Украину. Возвратился вместе с ними и Ганс Вурм. И хотя австрийская империя, интересам которой он служил, распалась, старый австрийский разведчик не терял надежд на ее восстановление. Он перед смертью завещал Отто: «Не брезгуй украинским языком, майн зонн! Пилсудчики здесь долго не удержатся. Возвратятся сюда наши, и тогда ты, знающий Львов, его людей и обычаи, станешь их глазами!»

Внимая советам покойного отца, молодой Отто Вурм поддерживал знакомство со львовскими адвокатами, которые хорошо помнили его папашу.

Летом Вурм загорал в бассейне «Железная Вода», вместе с украинскими студентами посещал их бурсу — Академический дом на улице Супинского, ходил с ними на забавы, праздновал пасху и рождество, веселился по очереди то на «Сильвестра», то на «Маланку», в ночи под католический и православный Новый год. Он намеренно хотел прослыть гулякой-парнем, а сам тайно все время поддерживал связь с секретарем немецкого консульства в Варшаве Карлом Биргом. Однажды к Вурму во Львов приехал помощник Бирга Рудольф Гутман, и Вурм, взятый гостем в его машину на Стрыйском шоссе, в течение доброго часа докладывал, как ведет свою работу во Львовском воеводстве филиал «Югенд-дейче партей».

Рано утром первого сентября 1939 года Отто Вурм сигнализировал ракетами с Высокого Замка фашистским бомбардировщикам, показывая военные объекты во Львове. За ним была снаряжена погоня. В его квартире сделали засаду. Но Вурм укрылся у родных жены-украинки. Думал, дождется там, в домике со статуей мадонны на фронтоне, прихода немцев, но они, как назло, не дотянулись каких-нибудь двух километров до центра Львова и задержались, остановленные Красной Армией, в предместье Клепаров. Еще той осенью 1939 года Вурм ждал от гитлеровцев хорошей должности во

Льво́ве, а тут прошел слух, что по настоянию Советского правительства фашисты отводят свои части на Сан и даже Перемышль переходит к Советам.

Ночью Вурм уже был в Засанье (граница только устанавливалась, и не зря в ту осень ее звали зеленой). За рекой Сан он связался со своим начальством из абвера. Вурм предполагал, что шефы, для которых он так долго работал в польском еще Льво́ве, разведывая военные тайны гарнизона, встретят его с распростертыми объятиями и сразу же дадут ему погоны, если не гауптмана, то зондерфюрера.

Выяснилось, что продвижению Вурма по службе помешала, пусть ликвидированная к тому времени окончательно, но все же обозначенная в личном деле Вурма, женитьба на украинке.

Вопросы чистоты расы занимали и военную разведку гитлеровской Германии.

Один лишь Паппе, к которому, ссылаясь на знание Льво́ва, с большими трудами перевелся из абвера Отто Вурм, делал вид, что не обращает большого внимания на неудачный выбор Вурмом подруги жизни.

Не было во Льво́ве сколько-нибудь заметного интеллигента-украинца, которого бы наизусть не знал с его достоинствами и пороками Отто Вурм. И часто, в зависимости от личности названного, он, даже не заглядывая в картотеку 4-Н, докладывал Паппе: «Служил большевикам», «Якшается с поляками», «Старый русофил», «Будет делать, что мы прикажем из трусости», «Наш, еще с австрийских времен».

* * *

И, наконец, кто, как не Вурм, отыскал виновника побега военнопленных из львовской цитадели?

Вряд ли кто-либо другой, помимо Вурма, смог бы дознаться, что побегу содействовала одна из машинисток Украинского центрального комитета Иванна Макивчук.

Временно работая в допомоговой комиссии, она попала в цитадель вместе с дамами-патронессами из УЦК.

Ужасен был вид бродивших на горе Вроновских за проволочными ограждениями захваченных в плен советских воинов. То опухшие, то высохшие от дистрофии, едва удерживаясь на ногах, они принуждены были еще работать с рассвета до сумерек. Иванна спросила у полица в зеленом мундире с деревянной палкой в руке, чем кормят гитлеровцы этих несчастных.

Ослабившись, польщенный тем, что с ним заговорила такая красивая паненка, полицай охотно рассказал Иванне,

какой рацион отпускается пленникам: утром они получали две чашки кофе, сваренного из эрзаца с древесными опилками, и по сто граммов хлеба с подобными же примесями. На обед — тарелку овощного супа, а на ужин — пустой кипяток.

Пока старшая из дам-патронесс ходила в комендатуру «Шталага 328» (так называли немцы лагерь в цитадели) к полковнику Охерналю, Иванна прочла на дверях круглого кирпичного бастиона, украшенного римской цифрой «V», инструкцию по Шталагу.

Одиннадцатый пункт инструкции, составленной на ломаном русском языке, поразил ее больше всего:

«Запрещено есть разрезывать трупов воен. пленных и отделять таковых частей. Нарушения против этого будут по мере до этого выданного распоряжения, которое в помещениях прибито через переводчиков объявлено, наказаны за побег загрожденное наказание будет также всем воен. пленным через переводчиков объявлено».

Намек, заключавшийся в одиннадцатом пункте, ужаснул Иванну. Обрекая пленных на голодное вымирание, гитлеровцы сами как бы наталкивали их на мысль о людоедстве. Им очень хотелось, чтобы умирающие от голода советские люди стали на путь каннибализма. Вот бы поработали тогда гитлеровские пропагандисты!

Впервые раскрылась перед Иванной не только трагедия нескольких тысяч обреченных, захваченных в плен во время первых боев на советской земле. Она поняла, что такое фашизм и какой «порядок» принес он народам. И ей сделалось очень стыдно при мысли о том, что в каких-нибудь нескольких десятках метров отсюда часть местного населения Львова, не подозревая, что творится в цитадели, развлекается иной раз на забавах, посещает храм св. Юра, слушает проповеди митрополита Шептицкого о том, что фашизм принес в Галичину порядок и счастье!..

Тут же, в цитадели, на особом положении содержались военнопленные французы и итальянцы, отказавшиеся присягать Муссолини и признавшие после захвата Сицилии маршала Бадольо. И если у них нашлись заступники среди американцев и англичан, которые через Женевский красный крест в Швейцарии слали сюда, в цитадель, сотни посылок, то о советских военнопленных заокеанские благодетели совершенно забыли. Им было все равно — погибнут во Львове от голода тысячи советских воинов или нет.

— Отсюда, паненка, для советских только один путь — на кладбище! — сказал, ухмыляясь, мордастый полицай, видимо очень довольный своей ролью стрелочника на этом пути.

...Пока дамы-патронессы из УЦК, похожие в своих старомодных черных платьях на высохших ворон, увещевали еле державшихся на ногах военнопленных украинской национальности подать прошение Гансу Франку, чтобы тот освободил их из плена и принял на службу к гитлеровцам, Иванна, отойдя в сторонку, заговорила с молодым лейтенантом из Донбасса.

Высокий и, видимо, некогда очень выносливый, лейтенант Красной Армии был истощен до того, что можно было разглядеть ребра, проступавшие под его рваной гимнастеркой. Иванна тихонько спросила лейтенанта, в чем он нуждается, и пообещала в следующий раз принести ему сухарей и табаку.

— А под сухарики, барышня, если не трудно, положите ножницы, чтобы проволоку можно было нам от такой жизни резать, — шепнул Иванне лейтенант озираясь.

И после этих слов, сказанных полушепотом, отзывчивым, девичьим сердцем поняла Иванна, что голод и унижения не смогли превратить этого офицера Красной Армии в раба! Ей стало ясно, что не в душеспасительных наставлениях слезливых благотворительниц нуждается высохший от истощения лейтенант из Донбасса с угольными каемочками под глубоко запавшими, но все еще полными надежды черными глазами.

Видно было из его немногих слов, что ни за что он не согласится изменить Родине и скорее выберет смерть, чем предательство.

* * *

Уроженка Карпатского села Криворивня, Иванна еще с детства росла девушкой смелой, любящей помогать обездоленным. Не притчи из священного писания, а легенды про славного ватажка опришков Довбуша запали в ее сознание и навсегда сохранились в памяти и во Львове, куда она переехала учиться весной 1940 года. Не будь немецкого вторжения, она бы уже смогла перейти на четвертый курс университета. Приход фашистов оборвал все!

Весною 1942 года во время очередной облавы ее задержали на улице и чуть было не вывезли на работу в Германию. Хорошо, что в сумочке у нее оказалось двести злотых, одолженных у подруги. Она поспешно сунула их в руку полицаю, и тот, принимая взятку, шепнул: «Беги».

Облава могла повториться в любую минуту, но уже с более печальным исходом. Во Львове могли жить люди только с надежным аусвайсом (видом на жительство). Иванна ночевала без прописки у подруг — то у одной, то у другой. Она пробиралась домой закоулками, лишь бы не показываться

в центре, где облавы повторялись чаще всего. Иванна было подумывала возвратиться на Гуцульщину, но ведь и там ее могли настичь загонщики, ищущие новых жертв для военных заводов Германии?

Растерянная, измученная, не знающая толком, как ей поступить, Иванна познакомилась на именинах у своей подруги с недоучившимся студентом Ярославом Тарнавским. И хотя был он внешне приятен собою, смугл, а длинный модный серый пиджак хорошо гармонировал с его черными, вороньими волосами и вышитым воротом сорочки, Иванна невольно подумала про него: гогусь¹. Еще молодчиков, подобных Тарнавскому, звали здесь почти непереводаемым словом «бавидамек», то-есть развлекатель дам. Он и впрямь умел развлекать «общество», пел густым, сочным баритоном гуцульские колодийки, потом для разнообразия напевал немецкие модные танго и быструю фривольную песенку в ритме фокстрота «О гедвиг, о гедвиг, варум машина геет нихт?».

Танцуя же с Иванной, уставившись в ее черные глаза, Славцьо, вздыхая, запел: «Очі, ви мої одинокі, ви чарівні глибокі і найкращі з усіх...»

Про таких люди пустые и недалекие говорят: «Парень хоть куда: и к танцу и к венцу!» Но Иванну сразу оттолкнула развязность Тарнавского, его подчеркнутое стремление развлекать всех, развлекать во что бы то ни стало, и его навязчивая до тошноты вежливость. Всякий раз, когда после танца он прикасался холодными губами к ее руке, Иванну передергивало от его приторной любезности и от этих ледяных поцелуев.

Сидя на противоположном конце стола, Иванна заметила, что подруга шепчет что-то Тарнавскому на ухо, показывая ему глазами на Иванну.

Ярослав вызвался помочь Иванне избежать вывоза в Германию. «Я умею делать «интересы», поверьте мне, и вам помогу», — посулил он. Ей показалось, что он искренне хочет добра для нее. Сама Иванна никогда и не подумала бы искать работу именно в УЦК.

— Не пойду работать к этим хруням!² — заартачилась сперва Иванна.

— Но ведь лучше быть под защитой хруня и уцелеть, чем попасть в зубы к волку? — сказал Тарнавский. — И, наконец, что панна будет там делать? Выступать на митингах с призывами итти в дивизию СС? Выкачивать контингенты? Вербовать полицаев? Да ничего подобного! Панна Иванна бу-

¹ Гогусь — франт.

² Хруни — свиньи.

дет печатать! Панна Иванна будет техническим работником, и если, допустим, вернуться Советы, никто не осудит панну за это. Лучше сидеть за машинкой и печатать всякие глупые бу-мажки для этих хруней и нуворишей, чем где-либо в под-земелье начинять снаряды для немецкой армии. Зато в УЦК панна Иванна будет в неприкосновенности — никакая облава уже не страшна тому, кто имеет справку из УЦК. Это надеж-нее многих аусвайсов!

И, чувствуя, что Иванна постепенно соглашается на его уговоры, Славцьо пообещал замолвить за нее словечко у Ку-бийовича, жена которого, по словам Тарнавского, приходилась какой-то родственницей его тетке.

...Пожалуй, впервые за все время работы в УЦК, встре-тившись в цитадели с погибающим советским лейтенантом, Иванна почувствовала, что благодаря своему служебному по-ложению она сможет помочь пленникам фашизма.

До этой встречи Иванна видала пойманных гестаповцами советских людей лишь изредка. Худые, избитые, встречались они не раз, идущие под усиленным конвоем по улицам Льво-ва, пробуждая чувство большой жалости в душе девушки.

Теперь это расплывчатое чувство сменилось в душе Иван-ны внезапным сознанием того, кем являются для нее эти люди, загнанные гитлеровцами за колючую проволоку цита-дели.

Разве не они открыли и для нее, Иванны Макивчук, двери Львовского университета?

Разве не по их предложению университет этот был назван именем Ивана Франко?

Разве не благодаря их труду советская власть, восторже-ствовав здесь, в Галичине, сразу дала каждому право сво-бодно говорить на его родном языке?

Ведь сколько раз до этого и на Гуцульщине и здесь, во Львове, разговаривая по-украински, ловила она на себе враж-дебные и презрительные взгляды тех, кто захватил в свои руки эту землю. Недавно это было, весной 1939 года. А осенью того же года, как только вошла во Львов Красная Армия, все это развеялось, стало прошлым, люди расправили плечи, подняли головы, а те, кто еще так недавно преследовал их, либо понесли наказание, либо забились в темные щели и при-тихли до поры до времени.

И, наконец, разве не в боях с оккупантами за этот город погиб в 1918 году отец Макивчук, в честь которого была она названа Иванной?

Полковники да сотники из Украинской галицийской ар-мии и дальний родственник Славця, генерал Тарнавский, при-казали ему, солдату распавшейся австрийской армии, проли-

вать свою кровь за их будущую власть, а сами вели тайные переговоры с пилсудчиками и слушались покорно англичан, французов, американцев.

Иван Макивчук погиб, обманутый, ничего, кроме пули, не получив в награду за свою жизнь, за свой труд, за свои мозолистые руки, а те, которые командовали им, оставшись в живых, принялись служить тем, кого еще так недавно считали врагами Украины.

Иванна на память заучила стихи галицийского поэта Степана Чарнецкого и повторяла не раз их простые, доходчивые строки:

Іване без роду, Іване без долі,
Куди не ходив ти, чого не видав?
У спеку і стужу, у лісі і в полі
Ти гинув, а славу сусід добрий взяв.

На сербських зарінках клалась твоя сила,
На волинській млаці твій гріб вже присів,
І серед Поділля сіріє могила,
Де впало в двобою двох рідних братів.

Подільські берези й покутські тополі
Шумлять все по тобі, що марно ти впав:
Іване без роду, Іване без долі,
Ти згинув, а славу сусід добрий взяв.

Твій батько на гилі повис в літню днину,
Ти гинув інакше: «Für Kaiser und Land»¹,
Та всім вам однаку дали домовину —
І печаттю вам символ: «Name unbekannt»².

И казалось ей всегда, что стихи написаны именно про ее отца, погибшего напрасно в тот год, когда еще не умела она сказать слова «мама» и приласкаться к человеку, который дал ей жизнь. А когда показали ей на Академической автора этих стихов, голодного, одетого в пальто с заплатами, больного украинского поэта Степана Чарнецкого, который от недоедания и нужды еле-еле передвигал ноги, первой мыслью Ивановны было подойти и поблагодарить его за эти трогательные стихи, но она постеснялась сделать это, так как вслед за благодарностью должна была она и помочь этому гибнущему человеку. А чем она могла помочь ему, затравленная сама, ждущая любую минуту полицейских свистков, грубых окриков и сирен автомобилей, оцепляющих улицы?

А ведь были люди там, за Збручем, которые никогда не забывали о своих братьях, «Иванах без доли», о второй поднебальной Украине, и только они, после освобождения ее осенью

¹ Надпись на крестах солдат австро-венгерской армии, погибших «За кайзера и отечество».

² «Name unbekannt» (нем.) — «Имя неизвестно».

1939 года, смогли в течение какого-нибудь одного месяца сделать для них то, чего не могли они достичь сами в течение столетий.

Тот, кого она встретила сегодня на пороге жизни и смерти, пронизал ее непоколебимым огнем своих запавших глаз и силою воли человека, любящего свободу, гордого и умеющего даже в плену быть хозяином своей доли...

И, бродя до сумерек улочками, примыкающими к горе Вроновских, вдыхая сладковатый запах распустившихся акаций на склонах цитадели, Иванна решила во что бы то ни стало помочь лейтенанту.

У старьевщиков на плацу Теодора, где бушевал особенно разбухший в дни оккупации городской базар, Иванна купила ржавые, массивные ножницы. Больше всего боялась она, покупая их, повстречать здесь Тарнавского. Он проводил большую часть дня на базаре, «делая интересы», и, безусловно, стал бы выпытывать у Иванны, зачем ей такая покупка.

Прежде чем снова посетить цитадель в обществе старых дам, вербующих там изменников для службы Гитлеру, Иванна запрятала эти ржавые ножницы в ящик американского бюро.

День нового посещения цитадели наступил скоро.

...Очень тяжелым казался Иванне кожаный потертый портфель, нагруженный доверху провизией, когда несла она его за колючую проволоку цитадели.

К приходу делегации УЦК военнопленных опять вывели на беседу из различных загоронок и подвалов. Когда пленные усаживались на землю, жмурясь от яркого солнца и теплого весеннего ветра, Иванна приблизилась к знакомому лейтенанту и шепнула:

— Следите, где я оставляю портфель.

Пока дамы-патронессы одна за другой увещевали пленных поступить на службу к фашистам, Иванна со скучающим видом отошла в сторону. Она присела на краю густо поросшей бурьяном канавки. Убедившись, что за нею никто не следит, Иванна незаметно опустила портфель на самое дно канавки и прикрыла его ржавым листом жести.

И тут она встретилась взглядом с лейтенантом из Донбасса.

Испытывая чувство радости и облегчения, она подошла к группе дам-патронесс и перед тем, как покинуть цитадель, улучив минутку, шепнула лейтенанту:

— Там все, что просили. Бегите в Карпаты. Помогай боже!

— Спасибо, родная, — шепнул лейтенант. — Повезет — знай хоть, кому помогала. Я из рудника Ново-Смолянка Сталинской области. А зовут меня — Петро Гордиенко. Война окончится, придут наши, черкни пару слов!

...А ночью двое часовых-полицаев были сняты со своих постов одним приемом: их затылки оказались раздробленными ударами молотка.

Ножницами, которые принесла Иванна Макивчук, военнопленные перерезали четыре ряда проволоки на склонах цитадели. Они переползли улицу очень близко от расквартирования частей СС и жилищ гестаповцев.

На рассвете оберст СС Охерналь не досчитался вверенных ему трехсот узников цитадели. Но еще до того, как полковник Охерналь был разбужен, один из шефов «украинской» полиции, поручик Богдан Зенко, дал всем комиссариатам «украинской» полиции такую телеграмму:

«Сегодня ночью из цитадели бежало в направлении Яновской улицы и Клепаровского вокзала 300 советских военнопленных. Немедленно выслать в погоню за ними патрули».

Паппе решил сперва, что в побеге замешаны советские партизаны, помогавшие пленным снаружи, но вскоре Вурм представил своему шефу неопровержимые улики прямого участия в этом деле Иванны Макивчук.

Случилось так, что за два дня до побега военнопленных, когда Иванна отсутствовала на работе, председатель УЦК Владимир Кубийович заехал вечером в комитет, разыскивая в столах машинисток отданные им в перепечатку материалы о церковных делах на Хелмшине.

Кубийович открыл и американское бюро Иванны. Роясь в ее бумагах, он обнаружил ржавые ножницы для резки жести. «На кой чорт этой смазливой девчонке такой инструмент?» — подумал лысый, низкорослый нахлебник Ганса Франка и тут же забыл о своей находке.

Возможно, конечно, Кубийович никогда бы и не вспомнил больше об этих ножницах, если бы вскоре после побега его не посетил на квартире в доме № 15 по улице Зиморовича сам Отто Вурм.

* * *

Кто не знал во Львове высокого штурмшарфюрера с белыми злыми глазами?

Когда Вурм с пятнистым догом на поводке отправлялся на прогулку по Академической улице, он очень пристально вглядывался в лица встречных, все время, даже и на досуге, выискивая среди них горожан, которые еще с польских времен были памятны Вурму своими революционными настроениями. И часто многие старожилы Львова, завидя приближение Вурма, поспешно переходили на другую сторону улицы. И даже Кубийович, который не раз бывал на приемах у Ганса Франка

в Вавеле, во дворце польских королей, немного оторопел, увидя в дверях своей квартиры столь неожиданного гостя.

Уж кто-кто, а Кубийович знал, чем занимается таинственное отделение 4-Н галицийского гестапо!

Однако вскоре выяснилось, что Отто Вурм пришел вовсе не за тем, чтобы арестовывать одного из фюреров украинских националистов. Просто он заглянул к доктору Кубийовичу, чтобы получить информацию о благонадежности тех дам-патронесс, которые дважды посещали цитадель. «Не могла ли какая-нибудь из этих старушек передать военнопленным такую, скажем, мелочь, как ножницы для разрезания колючей проволоки?»

Кубийович восторженно слушал при этих словах.

Ведь ножницы-то он видел незадолго перед побегом в столе у недавно принятой в УЦК машинистки Иванны Макивчук!

Уже одного этого признания было вполне достаточно, чтобы Отто Вурм заинтересовался красивой гуцулочкой. И еще одно совпадение помогло Вурму. В списках его секретных агентов, которые шпионили за оставшейся без дела с приходом немцев студенческой молодежью, числился Славцьо Тарнавский. Через день после того, как Славцьо повстречался на именинах с Иванной, он сразу же услужливо сообщил Вурму, что его новая знакомая гуцулочка ненавидит гитлеровцев и презирает тех украинцев, кто сотрудничает с немцами.

Вурм немедленно вызвал Тарнавского к себе на квартиру на улицу Мальчевского. После нескольких вопросов Вурм поручил Тарнавскому выяснить, что думает гуцулочка о побеге военнопленных из цитадели. «Тебе надо прикинуться их симпатиком, — учил Вурм Славця, — радуйся тому, что пленным удалось перехитрить охрану и бежать к советским партизанам. Хвали изо всех сил человека, который помог им. И доложи мне немедленно, что скажет тебе Макивчук. Причем, имей в виду: нам все хорошо известно. Я просто проверяю твою честность. Я хочу убедиться, можно ли поручать тебе более серьезные дела».

...Пленные бежали удачно. Иванна радовалась этому. Ее распирало желание поведать свою тайну кому-нибудь близкому, кто не предаст ее, похвастаться тем, что она сделала доброе дело советским людям, ненавидящим фашистов. И когда Славцьо, по наущению Вурма, забросил крючок, начав разговор о побеге из цитадели, Иванна охотно пошла на его призыв. «Значит, и впрямь Вурм все знает!» — смекнул Тарнавский. И, не допуская даже мысли, что можно обмануть всеведущее отделение 4-Н, Тарнавский немедленно рассказал Вурму о признании Иванны.

Арестованная Иванна долго не сознавалась.

Ее пытали, били в динстциммер Отто Вурм и Бено Паппе. Подручный Паппе из отделения 4-Н Майер привязал Иванну к скамейке. Он сорвал с нее рубашку, обнажив спину. То и дело Майер подогревал кофейник с сургучом на электрической плитке и потом, доведя сургуч до расплавленного состояния, выписывал его струйкой вензеля на плотной, загорелой коже девушки. Иванна до крови искусила губы — они стали у нее синебагровые, но ни в чем не признавалась. Свыше суток потом без минутки отдыха ее держали привязанной к тяжелому стулу перед электрической лампой в тысячу свечей. От ослепительного света и сильного жара лицо девушки потрескалось, кожа зашелушилась, глаза слезились. «Отличная свадебная фотография!» — шутил Вурм, пододвигая штатив с лампой еще ближе к лицу Иванны. Но она молчала.

Тогда Вурм приказал доставить в динстциммер Тарнавского. Чтобы не рассекретить своего ценного агента, Вурм приказал Майеру привести Славця скрытно. Из машины в динстциммер Славцьо проходил, закутав предварительно лицо плащом, и Майер вел его под руку, как слепого. Когда Вурм сдернул плащ с головы агента, Славцьо увидел опухшее от побоев и обожженное лицо той, жому он еще так недавно клялся в любви.

— Она не сознается. Значит, ты соврал! А разве украинские националисты врут? — крикнул Тарнавскому Вурм.

— Говори правду, Иванка... Проси прощения... — буркнул Славцьо.

— Иуда! — из последних сил шепнула девушка и, теряя сознание, откинулась на спинку стула, прибитого скобами к полу.

Окровавленную, с переломанными ребрами, ее расстрелял, вернее, просто добил пулею из пистолета во дворе гестапо сам Отто Вурм. А Кубийовичу велел отправить родным девушки письмо, что она откомандирована на работу в Германию.

Письмо об отправке машинистки УЦК Иванны Макивчук в Германию было последней из деловых бумаг, подписанных Владимиром Кубийовичем во Львове. Вслед за этим он уложил чемоданы и перебрался в Краков, а сейчас находится в Мюнхене, на содержании американских боссов и организовал в одном из мюнхенских кабаков «научное» общество имени Тараса Шевченко.

* * *

В один из последних дней августа 1944 года нам довелось побывать на горе Вроновских во Львове, где и поныне краснеют зубчатые бастионы старых укреплений, построенных австрийцами еще в середине прошлого столетия.

Выйдя вместе с судебно-медицинскими экспертами на залитый солнцем, утоптаный двор, мы сразу обратили внимание на стоящего поодаль в странной позе майора-танкиста. В руках у него была саперная лопатка. Ею, стоя на коленях, он ворошил разрытую землю, словно червяков для рыбной ловли искал.

Сперва показалось, что это один из представителей Чрезвычайной комиссии по расследованию немецких зверств по собственному почину исследует землю в том месте, где под открытым небом дождливой осенью и в морозную зимнюю стужу умирали в загородках-клетушках из колючей проволоки тысячи пленников фашизма. Но когда мы приблизились к майору вплотную, лицо его оказалось совершенно незнакомым. Не обращая никакого внимания на все происходящее по соседству, майор передвигался на коленях к обрыву и резкими ударами лопатки отсекал все новые и новые пласты целины. Была в его упрямой сосредоточенности и сноровка старателя, и ловкость шахтера, умеющего, пригнувшись к земле, передвигаться в лаве самого тощего угольного пласта, и было то, что не позволяло нам уйти: какая-то ему одному известная цель загадочных поисков.

Вдруг майор воскликнул:

— Есть! Знал, что найду!..

С этими словами он выхватил из разворошенной земли ржавую консервную баночку. Сразу же, отбросив лопатку, майор проворно вскочил на обе ноги и вытащил из банки пучок грязных тряпок. Он быстро развернул полуистлевшие в земле лохмотья, и мы увидели, как на широкой ладони офицера заблестел боевой орден Красного Знамени.

Показывая нам находку, майор, по-детски радуясь ей, сказал:

— Мой первенец! За взятие Выборга! Тогда, ночью, я не сумел захватить его на волю...

Спустя несколько минут мы уже знали, что разговариваем с бывшим пленником львовской цитадели Петром Гордиенко, которому удалось вырваться отсюда на волю и пробраться к нашим наступающим частям. Он-то и поведал нам подробно всю историю жизни и смерти уроженки Гуцульщины Иванны Макивчук, изложенную в начале этого рассказа.

— Не будь ножниц, которые принесла дивчина, мы бы никогда не выбрались отсюда! Подняться было подчас тяжело от истощения! Да и с ножницами пришлось потрудиться.

— Но откуда вы знаете, что произошло с Иванной Макивчук после побега? — спросили мы.

— А вот послушайте! — сказал майор Гордиенко.

...За два дня до того, как на окраинных улицах Львова, обрывая три года оккупации, появились советские танки, криминаль-комиссар и гауптштурмфюрер СС Паппе выехал на очередное свидание с представителем руководства организации украинских фашистов Герасимовским уже в район Варшавы. Паппе хотел представить своего видного агента высшим чинам гестапо и договориться сообщая о том, как будут впредь вредить наступающей Красной Армии украинские националисты, действуя на ее тылах.

Незадолго до отъезда в Варшаву Паппе оставил за себя в отделении 4-Н СС штурмфюрера Майера. Паппе вручил своему подручному ключ от несгораемого шкафа и предупредил, что в шкафу хранятся личные дела всех украинских и польских националистов, состоящих на службе гестапо. Там были списки вожжаков так называемой УПА (Украинской повстанческой армии), являвшихся агентами гестапо. Вот именно эти дела и списки гитлеровской агентуры среди местного населения Галиции Майер обязан был во что бы то ни стало захватить с собою в случае отступления.

Советские войска так быстро и неожиданно захватили предместье Персенковку, что Майер не успел даже и подумать о тайнах несгораемого шкафа.

Он опомнился от бегства и пришел в себя только в Самборе, где начальник гестапо Витиска собрал вокруг себя своих подчиненных. Обстановку Витиска объяснил гестаповцам коротко: «Прежнего места службы не существует». Однако подошедший к окончанию собеседования из Варшавы Бено Паппе прежде всего поинтересовался, в целости ли архивы с этого прежнего места службы. И тут обнаружилось, что вместо архивов Майер в замешательстве показал Паппе один лишь ключ от несгораемого шкафа. Витиска посулил, что Майер будет расстрелян как предатель, и предложил Паппе немедленно найти выход из положения.

Паппе отобрал сорок эсесовцев и, отдавая их под команду штурмшарфюрера СС Вальтера Проха, приказал, двигаясь ко Львову скрытно, во что бы то ни стало через Стрыйский парк прорваться в здание гестапо и опорожнить несгораемый шкаф, наполненный множеством бесценных тайн.

Уроженец Вены, высокий и тучноватый эсесовец Вальтер Прох еще до захвата Гитлером власти сидел в австрийской тюрьме по подозрению в шпионаже и после аншлюсса (присоединения Австрии к Германии) был награжден «орденом крови». Но не редкий этот орден, выдаваемый лишь тем фашистам, которые связали свою судьбу с Гитлером еще задолго

до поджога рейхстага, послужил причиной того, что именно Вальтер Прох должен был возглавить рискованную экспедицию по спасению содержимого несгораемого шкафа. Штурмфюрер СС Вальтер Прох, работая в крипо, изучил многие закоулки Львова не хуже его коренных обитателей и довольно сносно разговаривал по-украински.

Несмотря на это, безусловно, выгодное качество вожака экспедиции, вся группа Проха была захвачена остановившейся на переформирование советской танковой частью вблизи Любени Великого.

Петр Гордиенко был первым из советских офицеров, кто принял в свои руки от пойманного кавалера «ордена крови» длинный и причудливый ключ от несгораемого шкафа отделения 4-Н львовского гестапо, и ему представилась возможность лично прочесть все самые секретные подробности об Иванне Макивчук и все дело о побеге из львовской цитадели.

...Еще с первых дней знакомства с Иванной Славцьо Тарнавский старательно в каждом новом донесении сообщал Вурму о ее ненависти к фашистам, приводил полные тексты насмешливых песенок о гитлеровских захватчиках, которые распевала Иванна, и Петру Гордиенко стало ясно: даже не будь побега пленников, которым помогла Иванна, рано или поздно гестапо протянуло бы к ней свои цепкие когти.

— А Тарнавского поймать не удалось? — спросили мы.

— Не знаю. Не знаю... — протянул Гордиенко и, вытирая полою гимнастерки свой боевой орден, посмотрел на нас решительными глазами. Под ними все еще синели угольные каемочки — памятка всякого потомственного шахтера на долгие времена.

Вне всякого сомнения, случись бы наша встреча с Гордиенко в 1949 году, мы уже не стали бы осведомляться у него, где находится предатель Кубийович и что приключилось после с другим убийцей Иванны Макивчук — Тарнавским, по кличке «Адлер».

Весною 1949 года радиостанция «Голос Америки», которую во многих славянских странах сейчас зовут «Визгом Америки», передавала свой очередной репортаж о прибывшей из Европы в Соединенные Штаты группе «скитальцев».

Вперемежку с зажиточными фермерами, поручителями за новоприбывших американских граждан, перед микрофоном выступали и те перемещенцы, кого доставил пароход под звездным флагом к причалам штата Мэриленд. Говорили они нагло и развязно, будучи в полной уверенности, что навсегда затеряли на европейском континенте не только свои паспорта, но и биографии.

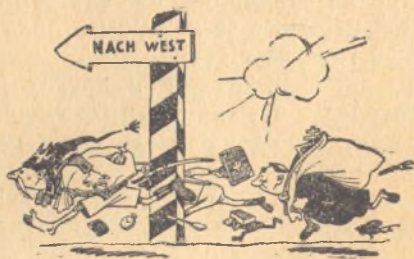
Папино воиство.

Среди выступавших диктор представил «уроженца» Западной Украины Ярослава Тарнавского. Сладеньким, елейным голосом стал Тарнавский изображать перед микрофоном «жертву большевизма» и рассказывал фермеру Эрми Тайеру о том, что у него в Европе осталась «исвеста, здоровенная девушка», которую бы также не плохо пригласить под защиту статуи Свободы.

Поведав перед микрофоном для чувствительных американцев эту интимную тайну, Ярослав Тарнавский клялся быть верным «священным идеалам американской цивилизации и демократии». Делал он это с большой сноровкой и умением, должно быть не хуже, чем в свое время, когда в тайных беседах с Отто Вурмом на улице Мальчевского во Львове присягал в преданности гитлеровской Германии.

А тем временем в горном селении Криворивня, между Жабье и Ворохтой, мать убитой, старушка гуцулка все еще ждет: авось с очередной, запоздалой партией репатриантов возвратится на Гуцульщину из-за кордона ее милая и славная Иванна.

Старушке гуцулке невдомек, что кости Иванны вот уже который год зарыты в земле под высоким каменным забором, неподалеку от старой австрийской крепости во Львове, называемой попросту цитадель.

ПОД ЧЕРНЫМИ КРЫЛЬЯМИ ВАТИКАНА

Подрывная человеконенавистническая деятельность людоедов из ООН разворачивалась при молчаливом покровительстве и при прямой материальной и идеологической поддержке агентуры Ватикана на западноукраинских землях — верхушки греко-католической церкви с ее центром в палатах митрополита на Святоюрской горе во Львове.

Опытные выученики иезуитской и других коллегий Ватикана, которые заседали в палатах митрополита, делали все возможное для того, чтобы удержать свою паству в чужой, иноземной неволе — австрийской или польской — неважно! — лишь бы эта паства не шла дорогой, какую выбрал себе освобожденный народ Советской Украины. Еще задолго до того, как гитлеровские орды напали на Советский Союз, руководители греко-католической церкви и гитлеровские вожаки проявляли полное единодушие и в своих замыслах и особенно в своих планах проникновения на Восток. Планы эти были продиктованы Ватиканом и первым его авангардным отрядом, который должен был нести знамена католицизма на Восток, вглубь России, расширяя владения наместника бога на земле — папы римского, была именно греко-католическая церковь.

Такова была издавна ее историческая миссия. И едва первые фашистские бомбы обрушились на советский Львов,

как святоюрские каноники, твердо веря в неминуемую победу гитлеризма, начали выбалтывать все свои тайные замыслы и дела.

Наверное, ни одна из церквей, подчиненных Ватикану, не выдала после вторжения гитлеровцев в СССР столько своих тайн и не раскрыла в такой мере свою настоящую сущность перед широкими массами народа, как греко-католическая. Один из самых близких сотрудников митрополита Шептицкого архиепископ Иосиф Слипый хвалился на страницах журнала «Миссионер» тем, что он, собирая униатских священников, давал им указания, как бороться с советской властью.

Другой святоюрский «крестоносец», священник Маркиан Когут, в статье «Марийские конференции под окнами НКВД» рассказывал подробности тайных совещаний марийского женского товарищества, которое ставило своей целью явно контрреволюционные действия.

«Календарь миссионера» за 1942 год, вышедший в оккупированном Львове, заканчивался статьей «Наиважнейшие события», в последних строках которой было написано:

«Наша мечта исполнилась. Дня 30 июня немецкая армия вошла в княжий город Львов. Мы... изо всех сил кричали: «Да здравствует героическая немецкая армия! Да здравствует фюрер Германии Гитлер!» В церквях благодарили бога...»

Даже если б мы ничего больше не знали из признаний святых отцов, то и тогда этих строчек было бы достаточно, чтобы навеки заклеить руководство греко-католической церкви, которое так преданно служило Гитлеру.

Не случайно, что уже в первые дни гитлеровского вторжения во Львов Ватикан переслал так называемому Украинскому центральному комитету через митрополита Андрея Шептицкого 15 миллионов злотых на «ликвидацию последствий влияния большевизма» и на расширение пропаганды католицизма.

Хотя Западная Украина была только небольшой территориальной частицей религиозной экспансии католицизма, в ее истории необычайно ярко отображены все те главные методы завоевания верующих, земель и прибылей, которыми папокий Рим пользуется в еще большей мере и сегодня.

Еще до насильственного проведения унии, которая имела целью соединить религиозную экспансию папства на Востоке и грабительские планы польских королей и феодалов, католическая церковь беспощадно душила и грабила западных украинцев. Вспоминая те времена в своем известном стихотворении «Когда мы были казаками», великий kobзарь Украины Тарас Шевченко писал:

Росли сыны и веселили
Глубокой старости лета...
Покуда именем Христа
Пришли ксендзы и запалили
Наш тихий рай. И потекли
Моря большие слез и крови.
А сырых именем христовым
Страданиям крестным обрекли.

Поникли головы казацьи,
Как будто смятая трава.
Украина плачет, стонет-плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: «Te deum! Аллилуя!»

Проводя агрессивную программу папства, иезуиты и подобные им монашеские ордены в Западной Украине не хотели кормиться только «словом божьим», а всеми способами приумножали свои богатства, опираясь в миссионерской деятельности на огромные латифундии. Одно латинское архиепископство имело в начале XX века во Львове 14 787 гектаров пахотной земли. Все монастыри Галиции владели 48 774 гектарами земли, а греко-католическая митрополия, во главе которой полвека восседал граф Андрей Шептицкий, владела 30 991 гектаром самой лучшей земли...

В книге «Ватикан между двумя мировыми войнами», изданной Академией наук СССР в 1948 году, о политике папы римского в Польше и роли греко-католической церкви говорится следующее:

«В самой Польше Ватикан ориентировался на реакционные феодально-капиталистические круги. Папа освящал средневековые формы господства крупных помещиков над крестьянами и национальный гнет в послеверсальской Польше. Папа поддерживал антисоветский курс правящих классов Польши, колонизацию и окатоличивание украинского и белорусского населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

В бытность свою нунцием в Польше Пий XI строил планы подчинения православной церкви католицизму. Он возлагал большие надежды на униатскую церковь. Его ближайшим советником был униатский митрополит граф Шептицкий, резиденция которого находилась во Львове. В планах папы именно Галиция должна была стать опорным пунктом, откуда Ватикан мог бы проникнуть на территорию СССР».

Но для того чтобы замаскировать главное предназначение митрополита Шептицкого, клерикалы и украинские националисты окружили особу польского графа, который одел мантию иерарха украинской греко-католической церкви, бесконечным

количеством мифов и легенд. Все эти легенды имели целью изобразить митрополита как аполитичного ученого-богослова, богоугодника, мецената искусства, который будто бы только наблюдал из окон своего митрополичьего дворца за тем, что происходит в жизни, и заботился лишь о спасении душ своих верующих и своей собственной.

Известно, что митрополит очень любил принимать у себя всяких зарубежных гостей, которые интересовались политической жизнью Западной Украины. Однако сам он редко высказывал ясно и решительно свои взгляды, ограничиваясь в большинстве случаев намеками. Где же человеку, который погружен в священные книги, принижаться до таких грязных дел, как политика!

И то, что такая легенда существовала, было делом той вековой школы лжи и обмана, которая прославилась под именем иезуитства.

Ополяченный род украинских магнатов Шептицких дал папству целую плеяду митрополитов и епископов, которые издавна помогали Ватикану набрасывать на шею галицийским украинцам ненавистное им ярмо унии. Последним из этой плеяды был Андрей Шептицкий.

Еще в Кракове в 1886 году молодой драгун австрийской армии — юрист Шептицкий, сидя на студенческой скамье, прославился своей нетерпимостью к либеральным настроениям своего времени. Он был даже избран председателем самого реакционного товарищества «Филарет», которое боролось с либеральным студенческим кружком «Читальня Академицька».

Братья из ордена Игнатия Лойолы¹, которые с детства воспитывали молодого графа, посоветовали ему совершить путешествие в далекую снежную Россию и в Надднепровскую Украину. Шептицкий ехал туда как религиозный разведчик, и нельзя сомневаться в том, что его поездка совпадала с разведывательными планами генерального штаба той же самой австрийской армии, под черно-желтыми знаменами которой он служил и чей драгунский мундир он все еще чувствовал на своих плечах. Не случайно в Киеве молодого Шептицкого «вводил на месте в обстановку» известный агент Ватикана Юрий Шембек, польский граф, а позже могилевский римско-католический архиепископ.

Аристократические салоны Москвы и Киева, монастырские кельи Хирова и Добромилля, длинные коридоры конгрегаций Ватикана в Риме привели молодого графа еще в 1888 году

¹ Игнатий Лойола — средневековый монах, основатель самого изуверского католического ордена иезуитов.

в кабинет самого папы Льва XIII. Святой отец с вершины Латеранской горы давно уже следил за путешествием юного потомка графского рода, тесно связанного с папским престолом. Во время первой же аудиенции Лев XIII, поздравляя молодого Шептицкого со вступлением в монашеский орден Василиан, сказал, что именно «ордену Василиан следует выполнить великую миссию на Востоке».

Не успел еще Андрей Шептицкий как следует привыкнуть к монастырской келье в Добромиле, куда он приехал из Рима, как его хозяева-иезуиты получили письмо из Ватикана, от святой конгрегации для распространения веры. В этом письме, датированном 21 декабря 1888 года, кардинал Ледоховский — «черный папа» ордена иезуитов — требовал сократить испытательный срок молодого монаха с шести месяцев до одного. Это было только начало, потому что и в дальнейшем Рим, которому Шептицкий был спешно нужен, форсировал его духовную карьеру своими тайными и явными указаниями. Не прошло и десяти лет, как Шептицкого провозглашают епископом Станиславским и дают ему понять, что для его широких драгунских плечей уже готовится мантия митрополита.

Вскоре выполняется и это обещание. Вместе с жезлом митрополита граф Андрей Шептицкий, которого все отныне называют «князем церкви», получает от Ватикана еще более точный план тайного путешествия на Восток.

Новоиспеченный митрополит отпускает себе бороду, друзья из австрийской разведки достают ему фальшивый паспорт, и с этим фальшивым паспортом под именем галицийского адвоката, доктора Олесницкого, окружным путем, через Саксонию Шептицкий едет в Белоруссию. Он посещает священников, тайных приверженцев католицизма, завязывает связи с псевдо-литвинами, которые под маской сторонников православия действуют как тайные агенты папского Рима. Шептицкий устанавливает связи с белорусскими буржуазными националистами, которые хотели, подобно украинским националистам, оторвать свой край от России и отдать его западным государствам. В роли галицийского адвоката митрополита Шептицкого охотно принимают в салонах Киева, Москвы, Петербурга.

Но Шептицкий-Олесницкий во время поездки теряет свой паспорт, и это обстоятельство помогает русской контрразведке, хотя и с опозданием, выяснить, кто именно скрывался под именем адвоката Олесницкого.

Неудивительно, что когда в 1914 году русская армия вошла во Львов, митрополита Шептицкого выслали вглубь России как военнопленного, чтобы он не мог продолжать заниматься шпионажем в разгар военных действий.

Верная прислужница Ватикана — иерархия греко-католической церкви в дальнейшем все больше разворачивала наступательные действия против свободолобивого галицийского населения и в первую очередь против прогрессивной интеллигенции.

Вдохновитель этого наступления — митрополит Андрей Шептицкий остается на протяжении многих десятилетий неизменным руководителем «черной армии» вплоть до осени 1944 года — кануна окончательного разгрома гитлеровской армии, когда гроб с его телом проносят по улицам Львова. По мнению Ватикана, граф Шептицкий выполнил свою жизненную миссию безупречно.

Благодаря тонкой политической тактике Шептицкого, руководимая им греко-католическая церковь всячески скрывала свои настоящие планы и, стремясь к популярности в народе, прикидывалась даже защитницей ущемленных национальных интересов. Больше того, граф Андрей Шептицкий, который долго был вице-маршалом галицийского сейма, выступает в Австро-Венгрии Габсбургов и в Польше маршала Пилсудского как арбитр-примиритель угнетенных с угнетателями. Если Шептицкому не хватало политических аргументов, он призывал на помощь авторитет господ бога и, прикрывая свои действия ссылками на волю провидения, тормозил рост народного недовольства. Но делал он все это достаточно деликатно; не забывая о своем положении представителя Ватикана, который руководит действиями тысяч греко-католических священников, Шептицкий умело прикидывался справедливым архипастырем.

Он срывался лишь тогда, когда события непосредственно угрожали его интересам. Например, когда во Львове прогремел выстрел студента Сичинского, убившего заместника Галиции графа Андрея Потоцкого, самого близкого друга графской семьи Шептицких.

Студент Львовского университета Мирослав Сичинский явился 12 апреля 1908 года во время обычного приема в кабинет к графу Потоцкому и, направив в него дуло револьвера, крикнул: «Вот тебе за выборы, за Марка Каганца!»

Выстрел Сичинского, как протест против злоупотреблений польской администрации и кровавых выборов в Западной Украине, застал врасплох восседавшего на высоком кресле на Святоюрской горе митрополита Андрея Шептицкого. Но не страдания и нищета украинского народа заставили его сказать тогда свое слово по поводу того, что произошло, а исключительно интересы австро-венгерской монархии и ее верных служителей, разных польских графских родов, которые столетиями угнетали украинское крестьянство Галиции. Вот почему в очередной проповеди митрополита Шептицкого, посвященной

убийству Потоцкого, живой граф защищал убитого графа и вместе с сотнями своих подручных — каноников — в послании к верующим греко-католикам выступил против «политики без бога» и старался заклеить поступок Сичинского.

Митрополит Андрей Шептицкий метал громы и молнии против тех единомышленников Сичинского, которые, как он сказал в своем послании, «хотели бы служить делу народа окровавленными руками». Митрополит Андрей Шептицкий не хотел видеть крови на руках магнатов, он не замечал окровавленных рук австрийских уланов после расстрела демонстрации крестьян в селе Холоив на Бродщине. Шептицкий побаивался только одного: как бы не подняли оружие против его класса угнетенные украинцы.

И в то же самое время, когда польские магнаты, заседаая во львовском суде, приговаривают Мирослава Сичинского к смертной казни через повешение, целая армия священников греко-католической церкви, подчиненных Шептицкому, пытается, правда безуспешно, внедрить его слова о всемерном послушании в сознание народа. Они стремятся внушить народу, что нельзя выступать против угнетателей, которые расстреливают народ, ибо это будет «политика без бога»...

26 июня 1908 года в палате господ австрийского парламента с большой речью по поводу причин, вызвавших убийство графа Андрея Потоцкого, выступил известный украинский писатель и общественный деятель Василь Стефаник. В его речи была вскрыта противоречивость политической тактики митрополита Шептицкого.

«На проповеди в великую пятницу, — говорил Василь Стефаник, — греко-католический митрополит граф Андрей Шептицкий сравнивал смерть Потоцкого чуть ли не со смертью Христа, а акт Сичинского называл не только «преступлением перед богом, но и против собственной общечности, против отчизны». Каждому бросается в глаза такой факт: с одной стороны, ни митрополит Шептицкий, никто из других «князей русской церкви» не выступил против заповеди «не убий», когда во время выборов в 1897 году убили Стасюка, когда во время забастовок 1902 года убили Скочилиса, когда во время беспорядков, в связи с избирательной реформой, убили 6 крестьян в селе Лядском, когда во время последних выборов в парламент убили 3 крестьян в Горуцке и когда во время последних выборов в галицийский сейм убили Марка Каганца, того самого Каганца, смерть которого была едва ли не решающей для выстрела Сичинского.

С другой же стороны бросается в глаза этот протест митрополита по поводу смерти Потоцкого, причем лишенный ка-

ких бы то ни было слов осуждения по поводу тех обстоятельств, какие являлись политической подоплекой для этой смерти. Сопоставление этих двух фактов приводит нас к мысли, что церковь не всегда выступает против нарушения заповеди «не убий» или что не каждое убийство является нарушением этой заповеди. В свою очередь, такая мысль приводит к дальнейшим размышлениям, в результате которых будут разбиты иллюзии относительно того, что церковь является опекуном униженных и обездоленных».

Все честные, прогрессивные люди Украины, мнение которых выражал Василь Стефаник, еще в те далекие дни 1908 года видели и понимали, кого защищал Шептицкий.

Не забыли и не простили этих успокоительных речей даже украинцы, живущие за океаном, — те трудящиеся украинцы, которых голод и безысходная нужда погнали за куском хлеба с родной земли в пасть канадским и американским монополистам.

Через два года, в 1910 году, митрополит Шептицкий, объезжая Америку и Канаду, приехал в канадский город Ванкувер. На заводах и фабриках Ванкувера работало немало украинцев. Во время первой же проповеди, которую митрополит произнес перед рабочими-украинцами города, его забросали тухлыми яйцами.

— Предатель! На тебе кровь Каганца! — кричали рабочие Ванкувера Шептицкому и сорвали выступление сиятельного «князя церкви», не желая слушать его религиозную демагогию.

Этот убедительный случай выразительно определяет цену легендам, распространявшимся украинскими националистами о «благородной миссии» Шептицкого, который будто бы «спасал украинский народ». Все эти легенды имели одну цель — замаскировать, прикрыть преступную тактику графа-митрополита, каждый шаг которого был рассчитан на обман народа.

С одной стороны, митрополит жертвовал часть денег, которые он получал от эксплуатации собственных прикарпатских лесов, на построение больниц и бурс-общежитий для украинской школьной молодежи; с другой стороны, он через управителей беспощадно эксплуатировал рабочих на своей фабрике бумажных изделий «Библос» во Львове. Не случайно именно на этой фабрике так часто вспыхивали забастовки рабочих. Среди управителей имений митрополита, которые принимали участие в удушении забастовок и восстаний лесорубов в прикарпатских лесах, не раз видели и руководителя поместий «князя церкви», офицера австрийской службы, вожака украинских националистов, террориста и немецкого шпиона Мельни-

ка. Именно такие подручные митрополита, как Андрей Мельник, во многом определяли политическую тактику Шептицкого — стяжателя и буржуа, переодетого в мантию католического иерарха.

Клерикальная и прочая реакционная пресса в Галиции восхваляла заслуги Шептицкого в организации и финансировании музея украинского национального искусства во Львове, расположенного на улице Мохнацкого. Но она замалчивала подлинные цели коварного слуги Ватикана.

Шептицкий хорошо знал, что в давние времена украинское население Галиции боролось за свои права и через церковь, придерживаясь православной веры отцов. Церкви Закарпатья сохраняли ценнейшие памятники украинского народного искусства, отображавшие те времена, когда на этих землях еще не было ненавистного ватиканского влияния. Такие памятники естественно напоминали доуниатские времена и были большой помехой латинизации. Вот почему Шептицкий решил перевезти все эти памятники в музей, находящийся во Львове, и заменить живопись на стенах сельских храмов новыми католическими изображениями. Где бы Шептицкий ни побывал, отовсюду он свозил в «национальный музей» памятники византийского восточного искусства, а в то же время в села отправлялись лубочные иконы святой Терезы, Иосафата, Антония и других католических святых, изготовленные в Ватикане. В музей украинского национального искусства, находившийся под эгидой митрополита, были ввезены ценнейшие памятники так называемого Манявского скита и других православных монастырей — последних твердынь в борьбе с ненавистной народоунией.

Шептицкий достиг своей цели. Свезенные в музей памятники были изолированы от народа, их могла видеть разве только небольшая кучка специалистов и «благонадежных» любителей украинской старины. Народ не имел доступа к ним. И действительно, очень трудно допустить, чтобы гуцулы из Коссова, или бойки с Ужокского перевала, или даже учителя Тернопольщины могли позволить себе такую роскошь, как поездка во Львов для посещения музея, созданного митрополитом в центре польской колонизации на восточных окраинах буржуазной Польши.

* * *

В годы первой мировой войны граф Шептицкий, как уже упоминалось, по распоряжению русских военных властей был вывезен вглубь России и на правах почетного арестанта находился в русских монастырях. С первых же дней Февральской революции выпущенный на волю, он с новой энергией начал

осуществлять давнишние планы Ватикана. Приехав в Петроград, граф Шептицкий обосновался временно на Фонтанке у запряженного врага советской власти тайного английского агента польского епископа Цепляка.

В эти дни нарастающего революционного движения в России в тихих покоях старого особняка на Фонтанке «украинский» митрополит и ревностный папист, иезуит Цепляк (которого позже советская власть осудила за контрреволюционную работу) находят общий язык и действуют во имя общих интересов Ватикана.

Как только Шептицкий возвратился в Галицию, он немедленно поспешил на помощь гибнущей австро-венгерской монархии. Выступая как член палаты господ в венском парламенте 28 февраля 1918 года, он заверял австрийское правительство, что «украинцы смогут как можно лучше обеспечить свое национальное развитие под эгидой Габсбургской монархии».

Но, несмотря на эту защиту, насквозь прогнившая австро-венгерская монархия все-таки развалилась...

Еще в момент ее распада миллионы украинцев Галиции могли бы под революционным водительством добиться для Западной Украины государственного самоопределения, освободить ее из-под австро-польского гнета и воссоединить со всей украинской землей. Но именно такие враги освободительного движения, как Шептицкий, вместе с украинской буржуазией направили стихийный энтузиазм немалой части молодежи по другому пути. Молодежь, загнанная в так называемую Украинскую галицийскую армию, была обманута своими вожаками-предателями. Они повели ее под буржуазно-националистическими знаменами, мало чем отличавшимися от черно-желтых австрийских знамен, под которыми только что воевали Украинские сечевые стрелки. Нет ничего удивительного в том, что Украинская галицийская армия потерпела полный крах в борьбе с польской армией за Львов: ее вдохновители украинские буржуазные националисты не только не пожелали попросить поддержки у украинцев за Збручем, боровшихся за справедливое дело всего украинского народа, но считали их своими политическими врагами. В осуществлении этой антинародной политики непосредственное участие принимал и митрополит Шептицкий, который благословил галицийскую молодежь на бесславный контрреволюционный поход на Киев...

Пока галицийские сечевики тысячами гибли от сыпного тифа на Большой Украине, во Львове укрепляли свою власть пилсудчики. И совсем не случайно во всех польских шовинистических альбомах рядом с генералом Иосифом Галером, который привез из Франции для завоевания Западной

Украины экипированный и вооруженный американцами «польский экспедиционный корпус», красуется изображение Бильчевского, самого близкого коллеги Шептицкого. Этот бывалый иезуит римско-католический архиепископ Бильчевский благословлял польских шовинистов-колонизаторов на борьбу с галицийскими украинцами в то самое время, когда греко-католический митрополит Андрей Шептицкий, также подвластный Ватикану, гнал обманутые украинскими националистами вооруженные отряды к Днепру подавлять революцию на Украине.

...Несколько лет назад во Львове были найдены следы прямого участия митрополита Андрея Шептицкого в подготовке новой интервенции капиталистических государств против Советской России. В домашних вещах одного разоблаченного украинского фашиста была обнаружена ночная полотняная рубашка. Когда ее опустили в химический раствор, выяснилось, что на ней написано послание известных украинских буржуазных националистов — Костя Левицкого и бывшего диктатора Западно-Украинской народной республики Евгена Петрушевича.

Эти предатели написали симпатическими чернилами на ночной сорочке, которую в 1922 году повез из Вены во Львов их агент для передачи так называемой «межпартийной раде», такое послание о поездке митрополита Андрея Шептицкого в Америку:

«Ставим вас в известность, что митрополит Шептицкий уведомляет из США, что его работа на политической арене протекает с неизменным успехом. Следует признать, что мысль о вооруженной интервенции против России в кругах Антанты не только не оставлена, но даже начинает принимать все более конкретные формы. Не исключена, а даже вполне допустима возможность, что Антанта обратится к нам непосредственно или через других лиц, чтобы мы приняли участие в этой интервенции...»

Кость Левицкий и Евген Петрушевич, самые близкие друзья митрополита, не удовлетворялись тем, что в дни первой мировой войны отправили на верную смерть за австро-венгерские интересы почти целое поколение галицийской молодежи. Теперь они хотели загнать галицийских украинцев при помощи митрополита Шептицкого в легионы иностранных интервентов. Еще в 20-х годах этого столетия они заискивали перед теми панами, которые ныне стали хозяевами украинских националистов.

Левицкий и Петрушевич писали дальше на ночной сорочке:

«Правда, мы не можем еще утверждать, что нам удалось принудить Англию к явному выступлению на нашей стороне... Но дошло уже до того, что английская Лига национальностей

в Лондоне издает в самое ближайшее время на свои собственные деньги брошюру, желая признания самостоятельности Восточной Галиции... Нам удалось заинтересовать английские финансовые круги галицийской нефтью».

Однако надежды на новую империалистическую интервенцию в Россию провалились и «генерал от Христа» Андрей Шептицкий, не порывая своих англо-американских связей и знакомств, в дальнейшем склоняется все больше на сторону немецкого фашизма. Эта его ориентация яснее обнаружится несколько позже.

* * *

Советский народ узнал из доклада В. М. Молотова на VI Всесоюзном съезде Советов в 1931 году о таких фактах антисоветской деятельности Ватикана:

«Картина международной жизни была бы, пожалуй, неполна, если бы я не упомянул еще об одном государстве, которое до сих пор в нашем представлении больше сочеталось со средневековьем, чем с современной жизнью. Легко догадаться, что дело идет о В а т и к а н е, пытающемся за последние годы активно вмешиваться в международную жизнь — вмешиваться, конечно, в защиту капиталистов и помещиков, в защиту империалистов, в защиту интервентов и поджигателей войны. Давно уже известно, что католические патеры подбираются из людей, способных к разведывательной работе для генеральных штабов. Теперь эти господа проявляют особое усердие отнюдь не в молениях «о мире всего мира», а в организации актисоветских кампаний по заказу и за плату от господ капиталистов. Если во главе некоторых антисоветских кампаний за последнее время открыто становится сам папа римский, то понятно, что не трудно пайти, например, в той же Англии для одной грязной антисоветской кампании епископа кентерберийского, а для другой не менее гнусной политической кампании против республики рабочих и крестьян — епископа дергемского.

К нам в руки случайно попал доклад неофициального агента Ватикана в Австрии г. Видале. Этот господин из бывших полковников австрийской армии развивает план созыва международного антибольшевистского конгресса в Вене, основной же целью этого агента папы является содействие подготовке нападения на СССР. В указанном документе по этому поводу говорится:

«Борьба против большевизма означает войну, и война непременно произойдет... Поэтому не время и не место заниматься изучением вопроса, каким образом ее избежать, и тратить энергию на безнадежные мирные утопии».

Развив подробный, хотя и довольно нелепый план антисоветской кампании, этот, с позволения сказать, политический деятель из австрийских полковников пишет:

«Если бы события развернулись настолько, что был бы объявлен экономический бойкот и проведены указанные политические мероприятия (разрыв сношений с СССР, предъявление всяческих претензий с конфискацией советского имущества за границей и др.), неизбежным последствием этого явится борьба с большевизмом военными средствами».

В этом документе «глубокомысленные» расчеты ведутся на бывшие белые армии Врангеля и Юденича, а также на то, что «нетрудно будет набрать для этой цели из миллионов безработных, наводняющих в настоящее время Европу и Америку, достаточное число привыкших к войне старых солдат и предприимчивой молодежи...». А что касается сбора денежных средств, то главные надежды возлагаются на пожертвования «святейшего папы», а также на «пожертвования» «состоятельных лиц из дворянства, крупных помещиков, финансистов и промышленников, высоких государственных деятелей...».

Представитель Ватикана в Западной Украине — граф и митрополит Андрей Шептицкий лично от ватиканского агента Видале, от полковника Альфреда Бизанца, от своих старых знакомых — полковников из клики Пилсудского и Бека, а также непосредственно от своего брата Станислава — польского генерала и одно время военного министра панской Польши — хорошо знал о задуманной империалистами новой интервенции против СССР.

Если некоторые буржуазные деятели за пределами Западной Украины мечтали втянуть в новый поход белогвардейские банды Юденича, Деникина и Врангеля, то тут, в Галлии, седой митрополит старательно дрипрятывал и воспитывал для этой же цели бывших петлюровцев, вожakov УГА из легиона сечевиков и другую нечисть. Андрей Мельник готовил для войны с Советским Союзом террористов из ОУН. Мельник и был одним из главных связных между Ватиканом и украинскими буржуазными националистами. Это он координировал их преступные, антинародные действия.

В то же самое время, в 20-х и 30-х годах греко-католическая церковь на западноукраинских землях начинает проявлять необыкновенную активность. Впервые на этих землях на деньги Ватикана начинают издаваться католические газеты, определенной политической окраски. К участию в них привлекаются украинские буржуазные националисты, которые используют эту прессу для вербовки малосознательной молодежи в ряды будущих войсковых соединений, следят внимательно за всеми, кто проявляет хотя бы малейшие симпатии к советской

культуре, и по этому поводу поднимают крик, призывая на помощь полицию панской Польши.

Граф в мантии митрополита сзывает в свою палату на Святоюрской горе верных ему представителей продажной украинской буржуазной интеллигенции и духовенства.

В специальной книге, которая находилась в палате митрополита, можно было найти собственноручные подписи посетителей, которые приходили туда с различными прошениями. Там есть имена директоров банков, зависимых от графа-миллионера, десятки имен разных святош, которые принадлежали к Марийскому товариществу. Все они, воспитанные в традициях австрийской монархии, рабского низкопоклонства перед титулами и миллионами, смотрели на митрополита Шептицкого как на образец политической мудрости.

Митрополит, отечески благословляя каждого из них, предлагал подписать программное заявление об организации украинской народной католической партии. Он говорил, что идеологическую подготовку для организации такой партии можно считать завершенной. Эта подготовка проводилась на протяжении многих лет в католических изданиях, созданных Шептицким, — «Новая заря», «Мета», «Дзвоны». Митрополит высказывал надежду, что новая партия сможет достаточно быстро занять видное место в общественной жизни Галиции.

Приглашенные подписываются под программным заявлением, датированным октябрём 1930 года. Правда, кое-кого удивляет, что среди подписей нет имени главного вдохновителя и организатора католической партии — самого графа Андрея Шептицкого, но «князь церкви» остается и на этот раз верным своей любимой манере: быть в тени и дирижировать незаметно через подставных лиц с гор Святоюрской резиденции, подобно тому, как его святейший патрон дирижирует подготовкой к новой мировой войне с высоты Латеранской горы через господина Видале и других верных агентов Рима.

Так, во Львове, в столице трех митрополий Ватикана — римско-католической, греко-католической и армяно-католической (последняя во время гитлеровской оккупации занималась вербовкой львовских армян в фашистский армянский легион) — появляется еще один центр для вмешательства в общественно-политическую жизнь галичан — украинская народная католическая партия.

Восьмой пункт «Программного заявления» проливает свет на идеологические основы созданной партии:

«В общественно-экономической политике стоим на страже сохранения общественного экономического равновесия и со-

циальной гармонии, будем бороться со всей решительностью с идеей классовой борьбы».

Этот пункт целиком характеризует реакционную кулацкую сущность новой партии.

Эта партия, бесстыдно прицепив к своей вывеске такие слова, как «украинская» и «народная», требовала, чтобы старшее поколение украинской буржуазии в Галиции отдало ей на воспитание всю молодежь. Она обещала, что изгонит из этой молодежи опасный дух вольнодумства и сделает из нее послушное орудие в руках организаторов новой войны против Советского Союза. Программа такой партии полностью совпала с военными планами Гитлера и Муссолини.

Но события того же октября 1930 года на землях Западной Украины уничтожили все надежды на «экономическое равновесие» и «социальную гармонию», к которым якобы стремились митрополит и его новая партия. Вскоре на весь мир разносятся вести о кровавой «пацификации» на окраинах Малопольши.

Таким нежным словом — «умиротворение» — пилсудчики называют кровавые экспедиции против украинского населения Западной Украины... Жандармерия сжигает целые села, население убегает в леса. Самая активная его часть берется за оружие, поджигает панские экономии и нападает на осадников¹.

И вот в ту страшную по своим событиям осень 1930 года осененный крестным знаменем митрополита центральный комитет партии украинской буржуазии принимает и затем печатает в органе УНДО «Дело» такое щипичное заявление:

«Мы отнеслись совершенно отрицательно к такого рода действиям со стороны украинских революционных подпольных работников, поскольку эти действия от них исходят; считаем их вредными не только для нашего края, но и для украинских дел вообще».

И в то же время ни одного слова осуждения карательных экспедиций, против кровавой политики Пилсудского, против порабощения украинского населения!..

Правда, в номере газеты за 5 октября 1930 года была напечатана маленькая заметочка о поездке Шептицкого в Варшаву, где он якобы разговаривал с польскими министрами об «умиротворении» и жаловался на некоторые злоупотребления властей. Но если митрополит и протестовал против них, то только потому, что они «бросают население в объятия коммунизма». Вот чего больше всего на свете боялся духовный

¹ Осадники — бывшие польские военные, расселенные правительством Польши на землях, отнятых у украинских и белорусских крестьян.

Бархатный диктатор.

вождь галицийских клерикалов — коммунизма! Он с полным равнодушием относился к тому, что горят украинские села, подожженные польскими уланами, что тысячи украинцев холодными дождливыми ночами убегают в леса Тернопольщины и Ровенщины, что за один лишь портрет «гайдамака» Тараса Шевченко, обнаруженный в сельской читальне, население подвергалось репрессиям. И если митрополит был взволнован всем этим, то лишь потому, что боялся нарастания революционного движения.

В органе самого Шептицкого и его епископа Хомишина, газете «Новая заря», было напечатано обращение по поводу «пацификации», в котором, между прочим, говорилось:

«Особо подчеркиваем, что при самых тяжелых обстоятельствах жизни нашего народа в этом государстве мы никогда не хотели и теперь не хотим отторжения украинских земель от Польши с целью присоединения их к большевистскому государству».

Большой откровенности быть не может! Становится вполне ясным, что митрополит с высоты Святоюрской горы видит не злоедейский отблеск пожаров в Западной Украине, а усиление коммунистической опасности. «Умиротворяют» его паству каратели, которых научил брат митрополита генерал Пилсудского, «умиротворяет» и он сам, «генерал от Христа», при помощи слова божьего, и по его повелению «умиротворяют» население тысячи агентов Ватикана в черных сутанах, обращаясь за помощью, если не помогают проповеди, в ближайшие посты полиции «панства польского».

А когда «генерал от Христа» понял все-таки, что украинская народная католическая партия не в силах утихомирить народ, он начинает действовать языком военного времени.

Изданная в монастырской типографии монахами ордена студитов, который возглавлял брат митрополита игумен Климент, брошюра «Предостережение его превосходительства васскопреосвященного митрополита Кир Андрея Шептицкого перед угрозой коммунизма», размноженная в 1936 году, начиналась словами:

«Кто помогает коммунистам в их работе, даже чисто политически, тот предает церковь».

Трудящиеся всего мира объединяются для борьбы против фашистской чумы. Лозунги народного фронта звучат по всему миру, а тут, в Западной Украине, первый покровитель украинских фашистов граф Шептицкий на страницах своего «Предостережения» твердит:

«Кто помогает большевикам в организации народных фронтов, тот предает не только церковь и родину, но и предает дело убогих, терпящих и обиженных».

Но обстоятельства все-таки требовали от Шептицкого, чтобы он разъяснил пастве в своем «Предостережении», которое должны читать во всех церквах, — а что же такое фашизм, против которого коммунисты во всем мире поднимают угнетаемых?.. И тут голос Шептицкого сразу становится вкрадчивым и нежным. Выясняется:

«Даже там, где никакого фашизма нет, как, например, во Франции, Испании, большевики начинают кричать об угрозе фашизма и о необходимости объединения всех недовольных против марева неволи — фашизма, который, будто черная туча, грозит народам Европы.

Словом «фашизм» называют коммунисты народные партии всех националистов во всех странах...»

Так нагло обманывал верующих старый дипломат граф Шептицкий в то самое время, когда с безоблачного неба Испании «хейнкели» и «савойи» со свастикой на фюзеляжах сбрасывали смертоносные грузы бомб на Гернику, на Мадрид и другие города Испании, убивая сотни испанских женщин и детей!

Так говорил Шептицкий, когда папа римский — его повелитель — благословлял воинство Муссолини, идущее завоевывать Абиссинию!

Не случайно, этот самый «князь церкви» и «украинский Моисей», несколькими годами позже, 30 июня 1941 года, когда гитлеровцы ворвались во Львов, отслужил в соборе св. Юра торжественный молебен в честь фашистской армии. Целая свора объединенных вокруг Шептицкого униатских священников пела «многие лета» палачам украинского народа — немецким фашистам, клейменным свастикой. Сам митрополит Андрей Шептицкий обратился со словами приветствия к гитлеровской армии и Гитлеру.

В своем послании к духовенству от 10 июля 1941 года, которое было опубликовано не только в «архиепархиальных ведомостях», но и на страницах так называемой «светской фашистской прессы», «генерал от Христа» писал:

«Нужно также обратить внимание на людей, которые охотно служили большевикам... Если в селе было коллективное хозяйство, духовный пастырь должен занять эрекциональные (общественные) земли и дома...

Священнослужитель должен иметь наготове знамя немецкой армии, то-есть красное знамя с вышитой свастикой на белом фоне...

Там, где нет еще властей общественного самоуправления и местной милиции, нужно организовать выбор общественного совета; войта — старосты и начальника милиции...»

Таким образом, уже из текста самой инструкции становится

ся ясным, что греко-католическая церковь с первых же дней гитлеровской оккупации не только приветствовала оккупантов, но и принимала самое активное участие в создании гитлеровской администрации, которая должна была помогать фашистам грабить Украину.

В январе 1942 года группа старых предателей украинского народа обратилась с письмом к Гитлеру. В этом письме, которое начинается словом «экселенция», в частности, говорилось:

«Наши руководящие круги были всегда уверены в том, что удар национал-социалистической Германии, под руководством вашего превосходительства, способен стать смертельным для большевизма. Поражение России создало бы возможность включить Украину в европейскую политическую систему... Мы хорошо даем себе отчет в том, что условия военного времени влекут за собой определенные трудности, однако должны предупредить вас, экселенция, что украинская территория очень склонна к большевистской пропаганде, а потому требует специального подхода к себе...»

И дальше в этом обращении к Гитлеру авторы письма предлагали ряд мер, которые помогли бы подавить в народе Украины всякую мысль о сопротивлении немецкому фашизму и сумели бы включить его в «новый порядок», создаваемый в Европе гитлеровской Германией. Первым под этим обращением подписался «председатель Украинского национального совета во Львове» митрополит Андрей Шептицкий. После нескольких подписей замыкает перечень предателей знакомая уже нам собственноручная подпись: «руководитель ОУН полковник Андрей Мельник».

Видные чины гитлеровской Германии считали своим долгом по приезде во Львов являться с визитом к митрополиту Андрею Шептицкому и советоваться с ним, пользуясь для поддержания своих карательных действий его авторитетом.

24 сентября 1941 года на страницах продажной газетки «Львівські вісті» было опубликовано интервью: «Губернатор Галиции о важнейших вопросах Галицийской области».

В этом интервью назначенный гитлеровцами губернатор бригаденфюрер СС Карл Ляш, в частности, оповестил о том, что украинские националисты относятся к оккупационным властям с полным доверием. Карл Ляш заявил:

«Я убедился в этом также во время посещения митрополита графа Шептицкого и на основании беседы с ним. Мы подтвердили, что наши мысли и наши планы едины».

И у гитлеровцев и у папства была одна общая дорога — на советский Восток.

Знаком стратегических планов международной реакции, митрополит Шептицкий выполнял по заданиям немецкого ге-

нерального штаба и святой конгрегации большую разрушительную работу и, применяя самые утонченные хитрости, всеми способами препятствовал объединению галицийских украинцев с надднепровскими украинцами и со всем русским народом.

На всех этапах своей жизни митрополит Шептицкий, так же как и его высокие патроны в Ватикане, вел двойную игру, ревниво следя за барометром международной политической жизни.

Не теряя надежды на победу гитлеровской Германии, митрополит Шептицкий после Сталинградского разгрома захватчиков начинает вспоминать о своих старых американско-английских связях и постепенно переориентируется на блок, создаваемый Уолл-стритом и лондонским Сити.

Еще 14 июня 1942 года в уведомлении за № 12 гестапо поставило в известность Гитлера, что «ОУН финансируется также Англией через организованное в Лондоне «Украинское бюро».

Через своего приближенного Андрея Мельника митрополит Шептицкий безусловно знал и об этой «запасной» ориентации ОУН.

Общеизвестно, что через своих крупных агентов в гестапо и абвере, вроде адмирала Канариса, Лахузена, Гизевиуса, которые были разоблачены как «двойники» во время процесса в Нюрнберге в 1946 году, американская и английская разведки в годы второй мировой войны имели возможность посылать своих шпионов и «доверительных» лиц на территорию, занятую гитлеровскими войсками.

Именно по таким связям прибыл в 1943 году на территорию Украины старый шпион, украинский националист Яков Макогон, он же Фалов. Макогон-Фалов свободно путешествует по Украине, занятой гитлеровскими войсками, завязывает знакомства, вербует шпионов, диверсантов в предвидении возможного наступления Красной Армии на запад. Американский шпион Макогон-Фалов посещает палаты митрополита на Святоюрской горе во Львове. Они находят очень скоро общий язык. И хотя по соседней площади св. Юра еще прохаживаются эссовские патрули, а на Песках за предместьем Лычаков еще слышится дробь немецких автоматов, уничтожающих сотни, тысячи мирных жителей Львова, Андрей Шептицкий в беседе с Макогоном-Фаловым мысленно переносится уже в те времена, когда Украина возможно будет оккупирована американскими войсками.

Макогон-Фалов сообщает митрополиту Шептицкому возможный состав кабинета министров «самостийной Украины», которую готовы поддержать штыки новых, на этот раз амери-

канских хозяев украинских националистов. Макогон-Фалов от лица своих заморских покровителей любезно предлагает Шептицкому в этом правительстве портфель министра культов. После небольшого промедления митрополит соглашается занять этот пост, но просит хранить тайну их переговоров.

Надо полагать, что во время этой беседы митрополит не раз вспоминал свою поездку за океан в страны американского континента в начале 20-х годов и связи, которые ему тогда удалось установить. Теперь они оченьгодились, и кто знает, не они ли именно и вызвали столь неожиданный визит Макогона-Фалова к митрополиту.

...Поздней осенью 1944 года, в скором времени после смерти Шептицкого, один из авторов этих строк вместе с членами Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию фашистских зверств посетил резиденцию митрополита на Святоюрской горе во Львове.

Нас встретил холеный и откормленный архиепископ Иосиф Слипый, позже разоблаченный советской прокуратурой как враг Советского Союза и укрыватель шпионов. Мы думали, что Слипый засвидетельствует своей подписью те фашистские зверства, которые происходили ежечасно на протяжении 37 месяцев на глазах каждого жителя города. Ведь во Львове уничтожено гитлеровцами больше трети населения!

Но архиепископ Иосиф Слипый, стыдливо опустив глаза, заявил, что о фашистских жертвах ему «решительно ничего не известно», и попросил ознакомить его с актом только для того, чтобы уяснить, в какой мере акт... соответствует каноническому праву...

То, что митрополит Шептицкий выбрал себе наследником подобный экземпляр богоугодника и «ученого» теолога, как И. Слипый, говорило не в пользу старого графа и дипломата. И. Слипый представлял собой классический тип карьериста и шкурника. Будучи ректором духовной семинарии во Львове, он прославился своими иезуитскими методами. Мечтая о сане митрополита, он отпустил бороду — точную копию бороды Шептицкого — и пробовал подражать его движениям и манерам. Наверное, это больше всего понравилось графу.

Вместе со Слипым был арестован Святоюрский епископ Никита Будка — давнишний немецкий шпион. Во время первой мировой войны, пребывая в сане епископа в Канаде, он начал проводить там немецкую пропаганду и обманул тысячи канадских трудящихся — украинцев. Они поверили словам своего духовника, помещали свои жалкие сбережения в банки, принадлежащие церковным братствам и другим учреждениям, связанным с немецкой агентурой. Когда эти учреждения были ликвидированы правительством, Никита Будка был привлечен

к ответственности за государственную измену. Он вынужден был бежать в Европу, где и нашел защиту под крылышком митрополита Шептицкого.

В своей не имеющей границ наглости И. Слипый и Н. Будка были убеждены, что за спиной ватиканского идола они смогут и при советской власти безнаказанно проводить свою вражескую пропаганду. Но они жестоко просчитались.

Воссоединение Западной Украины со своим материнским корнем положило конец той вековой комедии, которую играли под режиссерством Ватикана греко-католические марионетки. В марте 1946 года состоялся Львовский собор, на котором верующие заявили о разрыве с папским Римом, о ликвидации Брестской унии и о воссоединении с православной церковью.

Но, несмотря на это, и до сих пор, заботясь о бежавших за границу украинских буржуазных националистах, папский Рим не теряет надежд возродить «шептиччину» как политический фактор общественной жизни. В тайниках Ватикана орудует ближайший соратник Шептицкого архиепископ Иоанн Бучко.

Вся многолетняя подрывная работа Шептицкого в Западной Украине не была чисто «местным» явлением. Она, как мы уже говорили, инспирировалась и направлялась Ватиканом, точно так же, как направляется им и сейчас, через шпионские центры в Риме, подлинное назначение которых тщетно пытаются уберечь от огласки кардиналы папы римского.

В конце 1949 года австрийская газета «Линцер фолксблат» оповестила, что в Риме существует учебное заведение ордена иезуитов под названием «Русский колледж», в котором готовятся агенты для засылки в Советский Союз. «Это один из самых странных домов в Риме, — сообщала газета. — Его окна никогда не открываются и двери всегда заперты. Питомцы этого института на протяжении всего срока обучения, который составляет от двух до трех лет, не имеют права принимать посетителей и переписываться с родными. В мрачный дом на улице Карлю Альберто имеют доступ лишь некоторые лица, принадлежащие к ордену иезуитов».

Один из руководителей «Русского колледжа» австрийский иезуит патер Швейгль долгое время жил в России. Слушатели подбираются главным образом из числа русских эмигрантов, украинских националистов.

По словам газеты, воспитанники школы «направляются под чужим именем в зоны, занятые Советами», и «путешествуют не в монашеском платье, а в качестве обычных туристов». Перед отъездом папа римский дает каждому из них специальную аудиенцию.

25 декабря 1949 года на страницах римской монархистской газеты «Джорнале дела сerra» было опубликовано интервью

с другим руководителем «Русского колледжа» — неким падре Веттером.

В этом интервью падре Веттер сообщил, что в его заведении готовятся «миссионеры» для СССР. Их учат не только богословским наукам, но в первую очередь — боксу, легкой атлетике, владению ножом, умению стрелять на звук, не целясь. В статье содержались откровенные намеки, что будущих «миссионеров» обучают прыгать с парашютом. И отнюдь не случайно, газета итальянских монархистов опубликовала признания иезуитского святоши под примечательным заголовком: «В «Коллегиум руссикум» — отважные учатся падать с неба»...

Нетрудно догадаться, что убитый на улице Львова инициатор разрыва униатов с Римом протопросвитель Гавриил Костельник погиб, как об этом сообщалось в советской прессе, не только от руки убийцы, члена украинского буржуазно-националистического подполья, посланца папы римского, но, может быть, и от руки воспитанника иезуитов из хмурого дома на улице Карло Альберто.

Один из вдохновителей этого злодеяния, выросший под непосредственным влиянием митрополита Андрея Шептицкого, греко-католический священник Лукашевич — черный ворон Ватикана, — со временем был разоблачен как вдохновитель убийства верного сына украинского народа, писателя и трибуна Ярослава Галана, удостоенного посмертно Сталинской премии за свои пламенные антиватиканские памфлеты.

В 1930 году, будучи священником в прикарпатском селе Петранка близ Станислава, Денис Лукашевич встретился с Степаном Бандерой. Поблизости, в селе Бережница-Шляхоцка, занимался тем же самым выгодным ремеслом обмана крестьян отец террориста Бандеры, преданный графу Шептицкому и Ватикану сельский поп Андрей Бандера.

Попович-террорист и двадцатилетний богослов Лукашевич еще тогда быстро нашли общий язык и расстались друзьями. Впоследствии они соединились для осуществления общей цели Ватикана и украинского буржуазного национализма.

Когда в марте 1946 года на Львовском соборе верующие униаты постановили порвать с папским Римом и воссоединиться с православной церковью, Денис Лукашевич оказался в числе тех, кто враждебно воспринял и эту волю народа. Он неоднократно называл инициатора воссоединения церковей протопресвитера Гавриила Костельника «изменником дела Ватикана» и поощрял националистических бандитов, уже планировавших его убийство. Наемной рукою злодея, подосланного Ватиканом и украинскими буржуазными националистами, Гавриил Костельник был убит во Львове при выходе из церкви 20 сен-

тября 1948 года. Обагривший свои руки в его крови Денис Лукашевич ликовал по поводу этой трагической смерти. Но этого было мало закоренелому агенту Ватикана. Все чаще и чаще в логове Лукашевичей называется с ненавистью светлое имя писателя Ярослава Галана.

Ярослав Галан с появлением каждого нового антиваканского памфлета становится все страшнее для этих слуг старого мира.

Один из вожakov бандеровской шайки, также сын греко-католического попа Роман Щепанский, по кличке «Буй-Тур», часто посещал квартиру Лукашевича. Зная, что его окружают там сообщники и единомышленники, он открыто говорил, что «Галана надо убить потому, что он выступал против Ватикана, а на Нюрнбергском процессе в качестве корреспондента советской прессы требовал выдачи Степана Бандеры и суда над ним».

Обученный своим папашей искусству двурушничества и иезуитской лести, попович Иллариий Лукашевич по поручению Щепанского проникает в квартиру Галана. Зная о широко известной отзвучивости Галана, Лукашевич выдумывает версию о своем желании перейти на другой факультет и просит писателя-депутата помочь ему. Галан откликается на эту просьбу. Вместе со своим будущим убийцей он идет в областные организации, к директору института, выясняет, как удобнее выполнить желание просителя-студента и неоднократно принимает Лукашевича у себя на квартире.

Получив от Лукашевича план квартиры Галана, наводчик и организатор злодейского убийства попович Щепанский понял, что одному Лукашевичу вряд ли удастся осуществить приказ Ватикана. Нашелся еще и другой убийца — презренный выродок Стахур, уроженец села Ременов, растленный националистами и Ватиканом пьяница, хулиган и бандит, уже проверенный националистами на зверском убийстве честных советских тружеников. Среди людей, убитых Стахуром, были советские педагоги, колхозники — погонщики скота, милиционеры.

Попович Щепанский сводит двух убийц вместе, инструктирует их, как надо убить Галана. Он вооружает каждого из них гранатами, пистолетом, а Стахур берет с собой топор.

Утром 24 октября 1949 года Ярослав Галан работал дома. Он писал статью «Величие освобожденного человека», посвященную знаменательной дате — десятилетию воссоединения Западной Украины с Советской Украиной.

Оставалось еще раз прочесть и выправить текст, как в это время раздался звонок. Увидев среди пришедших знакомого «студента» Лукашевича, Галан гостеприимно пригласил их

зайти в комнату, предложил сесть. И в ту минуту, когда Иллариий Лукашевич отвлек внимание Галана очередной ложной просьбой, Стахур, зайдя за спину писателя, по сигналу поповича стал наносить удар за ударом по затылку своей жертвы.

Бандиты хорошо знали, чью волю они выполнили, и потому, совершив это черное дело, укрылись вначале на квартире другого агента Ватикана — священника села Гряды Ярослава Левицкого. Смывая кровь Галана со своей одежды, они цинично делились с попом и попадьею — теткой Лукашевича — всеми обстоятельствами убийства, а Лукашевич хвастливо заявил: «Мы убили большого человека!»

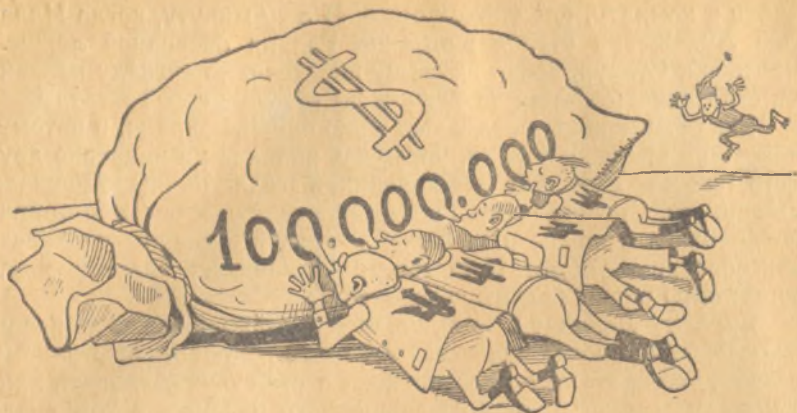
Ярослав Левицкий, выслушав спокойно рассказ о новом преступлении против человечества, как и подобает испытанному иезуиту, пошел в сельскую церковь и стал проповедовать прихожанам многие истины из священного писания, в том числе и известную заповедь «не убий».

Когда в переполненном зале Дома культуры железнодорожников во Львове 16 октября 1951 года Государственный обвинитель на судебном процессе убийц Галана Роман Руденко закончил свою обвинительную речь словами: «бешеных собак надо уничтожать», то бурные аплодисменты приветствовали это требование советского правосудия.

Рабочие заводов и фабрик, колхозники, писатели, педагоги, артисты, ученые своими аплодисментами горячо поддерживали слова прокурора. И каждый прекрасно понимал, что это приговор не только убийцам — Стахуру и Лукашевичу, но и всему старому миру насилия и обмана, миру шептичкины, украинского национализма, против которых так страстно выступал пламенный борец за коммунизм Ярослав Галан.

Украинский народ уничтожил, как бешеных собак, презренных убийц Галана. Вместе с тем на судебном процессе во Львове было доказано еще раз, что инспиратором и наводчиком убийства Галана явился Ватикан, опекающий и пригревающий предателей всех мастей, в том числе и украинских буржуазных националистов.

ОБОРОТНИ НАШЛИ НОВЫХ ХОЗЯЕВ

В предыдущих главах мы рассказали лишь о небольшой части преступлений украинских буржуазных националистов, которыми они открыто, на глазах у всего свободолюбивого человечества обозначили весь свой кровавый путь предательства. А ведь сколько еще скрыто от суда истории тайных убийств, бесчисленных провокаций, совершенных окровавленными руками этих верных наймитов империалистических государств — выучеников Петлюры, Кошовальца, Мельника и Бандеры!

Вполне понятно, что у каждого человека, который ознакомится со списком злодеяний украинского буржуазного национализма, возникает вопрос: понесли ли наказание за все эти преступления их виновники, клейменные свастикой и знаком тризуба? Изолированы ли они от общества со всей их звериной пропагандой ненависти, с основным тезисом ее — «наша власть должна быть страшной», с их методами порабощения, дискриминации и разъединения народов?

Еще 6 февраля 1946 года, выступая на заседании Третьего комитета первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Лондоне, делегат Советской Украины Микола Бажан заявил:

«...Главари украинских немецких фашистских организаций сейчас бежали с территории Украины. Надев маску смиренного и обиженного «беженца», они скрываются в различных местах западной зоны оккупации Германии, в Австрии, Италии и Швейцарии. Имеются сведения, что они собираются проскользнуть и за океан. Среди этих так называемых «беженцев» есть такие люди, как Степан Бандера и Андрей Мельник — старые немецкие агенты и главари террористических банд, глава основного органа сотрудничества украинских националистов с немцами — Украинского центрального комитета Владимир Кубийович, идеологи украинского фашизма Андрей Ливицкий, Донцов, Дмитро Дорошенко, активные организаторы военных украинско-националистических формирований, служивших немцам, — Омельянович-Павленко, Курманович, Капустянский.

Украинское правительство располагает подробным списком военных преступников и изменников. Нет причины, по которой эти преступники не заслужили бы той участи, которая постигла всяких квислингов, лавалей, «лордов Хау-Хау»¹, эмери², справедливо покаранных своими народами.

Казалось, как можно было уйти, увильнуть от этих логически обоснованных и полностью сообразуемых со всеми нормами международного права требований. Ведь когда в Нюрнберге судили главарей гитлеровской банды, то основной целью Международного трибунала было покарать инициаторов второй мировой войны и тем самым избежать ужасов новой, еще более кровавой войны. Такой справедливый суд должен был бы одновременно и навеки заклеить позорнейшее из преступлений, каким является измена родине.

Чтобы на деле обеспечить долгий и прочный мир, мирное сожительство народов, представители западных государств должны были наряду с другими мерами сразу избавиться и от тех, кто сеет вражду между народами, кто избрал себе профессией предательство своих соотечественников.

Однако вопреки здравому смыслу нашлись «причины», руководствуясь которыми делегаты стран американо-английского блока в ООН отклонили неоднократные требования советской делегации.

Каковы же были эти «причины»?

Реакционных дипломатов окрыляла в покровительстве ведомым военным преступникам желто-голубой окраски много-

¹ Лорд Хау-Хау — так называли одного из английских фашистов, выступавшего в дни войны в качестве обозревателя гитлеровского радио.

² Эмери — сын видного деятеля консервативной партии Англии, бывшего английского министра колоний. В годы войны Эмери-сын предал Англию и перешел на службу к Гитлеру.

летняя ненависть к Советской стране, к советским людям. Эта классовая ненависть представителей старого, уходящего в прошлое капиталистического мира не угасала и в дни второй мировой войны. И тогда нынешние претенденты на мировое господство заботливо пригревали каждого из предателей СССР вне зависимости от его связей с гитлеровской военной машиной. Ненависть такого предателя к коммунизму служила отпущением всех его бывших, настоящих и будущих грехов перед лицом новых его опекунов — поджигателей третьей мировой войны.

В главе «Под черными крыльями Ватикана» мы рассказали, как навещал в дни второй мировой войны митрополита Шептицкого американский агент Макогон-Фалов. Разве это было случайно?

Когда Соединенные Штаты Америки только еще вступали в войну с гитлеровской Германией, прогрессивные американские писатели Сейерс и Кан выпустили упоминавшуюся нами книгу «Тайная война против Америки». Своей книгой авторы хотели предостеречь американский народ от фашистской опасности внутри страны, они пытались показать всем честным американцам обличье хищного врага на американском континенте, ежечасно сеющего микробы фашизма. Среди фашистских агентов, которых еще тогда, в 1942 году, разоблачали Сейерс и Кан, были и украинские буржуазные националисты из числа граждан США.

Перечитывая эту книгу сейчас, видишь, что за двенадцать лет, отделяющих нас от времени издания книги, те же самые украинские буржуазные националисты, о преступлениях которых рассказали Сейерс и Кан, не только не понесли наказания за свои преступные деяния в дни второй мировой войны, но из тайных и явных гитлеровских агентов сделались агентурой ФБР среди славянского населения Америки и стали самыми ревностными осведомителями комиссии Маккарти, ведущей борьбу с прогрессивными людьми в США. Всех их не только пощадили, но и старательно сохранили до наших дней те же самые силы американской реакции, что с таким садизмом отправляли на электрический стул Сажко и Ванцетти, супругов Розенберг и других передовых людей Америки. Чем можно было объяснить такое мягкосердечие правительственных кругов Америки к сотрудникам немецкого фашизма — украинским националистам? Не иначе как тем, что уже тогда все эти украинские националисты американского подданства с их газетами, клубами и другими органами пропаганды рассматривались как опорные базы украинского национализма на американском континенте и как центры по связи с теми украинскими националистами, которые ориентировались на Гитлера, орудуя в Европе.

Подручные немецкого фашизма — украинские националисты никогда не порывали связи со своими единомышленниками за океаном, они держали их про запас на тот случай, если их ориентация на Гитлера потерпит неудачу.

В свою очередь, не порывали никогда связей с украинскими националистами и английские реакционеры. Известно, например, как старый английский шпион Сидней Джордж Рейли, действуя по указке военного министра Великобритании, вербовал в 20-е годы в Париже, Варшаве и Праге убежавших туда украинских националистов в сколачиваемые им антисоветские армии и шпионско-диверсионные группы. Именно в Варшаве и Праге Сидней Джордж Рейли подбирал свои антисоветские кадры из петлюровцев и сечевиков, что бежали за кордон от гнева украинского народа.

В 1925 году во Львов со специальной миссией прибыл другой посланец английских реакционеров, видный агент Интеллидженс сервис (британской шпионской службы) Сид. Он организовал в гостинице «Народная» тайную встречу с Андреем Мельником и лидерами партии украинской буржуазии УНДО. Зубры украинского национализма вымаливали у Сиды «самостоятельность» для Восточной Галиции, им хотелось избавиться от опасного конкурента — польской буржуазии, чтобы самим сесть на шею украинскому народу. Они клялись Сиде до конца дней своих служить интересам Британской империи, обещали расплатиться за допуск их к державному корыту не только всей прикарпатской нефтью, но и другими богатствами Западной Украины. Однако бывалый английский разведчик Сид проявил максимум осторожности в своих обещаниях и, проверяя способности изменников украинского народа — националистов, еще старательнее договаривался с пилсудчиками, готовя их к походу против СССР.

Все эти тайные связи украинских буржуазных националистов с разведками и контрразведками США и Англии обнажились окончательно во всей своей неприглядной мерзости после падения гитлеровской Германии.

Над разлагающимся трупом недавнего своего покровителя, над пепелищами городов Европы, залитых кровью, украинские националисты, не успев замести следы служения немецкому фашизму, стали спешно искать новых покровителей. Им не пришлось тратить особенно много времени на приведение в порядок своих послужных списков, на составление перечня преступлений, которые могли бы выгодно аттестовать их перед лицом представителей американской реакции как старых и яростных врагов советской власти и коммунизма. В этом на-

правлении уже основательно потрудились чиновники гитлеровской Германии.

В те дни, когда советская артиллерия вела огонь по Берлину, архивы немецкого гестапо и военной разведки вместе со всеми списками тайной агентуры немецкого фашизма прибыли на грузовиках в Шварцвальд (Западная Германия). Там, в глухой лесной чаще, автоколонна, ведомая видными чинами гестапо, встретила колонну американских грузовиков, которыми управляли головорезы из американской шпионской службы Си-Ай-Си. Все дела гестапо и абвера были бережно перегружены с немецких на американские грузовики. Американская разведка получила в свои руки наследство Гитлера и Гиммлера по ведению тайной войны против СССР. Шпионская служба США приняла на свое вооружение и кадры отщепенцев из украинских буржуазных националистов. Их использует сейчас как свою агентуру шеф шпионского центра Западной Германии генерал Рейнхард Гелен.

Одни из украинских националистов остались в Западной Европе, другие предпочли сразу же переместиться подальше, за океан.

Не стало гитлеровских боссов, которые годами кормили и одевали шайки националистических бандитов, но появились прямые наследники немецкого фашизма, убежденные в том, что они смогут поставить на колени весь мир, потрясая атомной и водородной бомбами, запугивая миллионы мирных людей ужасами бактериологической войны. К ним-то и мчались сломя голову все украинские буржуазные националисты в те дни, когда Советская Армия добивала гитлеровскую армию.

Националистические борзописцы постарались уже «завечить» последний этап сотрудничества украинских националистов с гитлеровцами. Некий кулацкий беллетрист, а при гитлеровцах редактор издававшейся в городе Ровно националистической газетки «Волынь», Улас Самчук опубликовал в Западной Германии свое новое произведение под названием... «Записки на бегу». Название дано всерьез.

Повидимому, разрывы снарядов советской артиллерии навсегда лишили Уласа Самчука чувства юмора. Самчук подробно описывает свои встречи в пылающем Берлине с Бандерой, Мельником, с митрополитом Поликарпом (под такой кличкой скрывался бывший полковник петлюровских банд Поликарп Сикорский), с гетманом Скоропадским и другими вожаками националистов.

Как перепуганные крысы, подобно своему покровителю Гитлеру, они забились в те дни в одно из подземелий Берлина. Но вот «прилетели самолеты», повествует Самчук: «Стоим чуть

дыша, вокруг люди, уныло смотрим. Гаснут думы, подгибаются ноги. Где-то слышны взрывы».

Но как только ветер развеял дым пожарищ и пепел сгоревших гитлеровских рейхсмарок, а из-за океана потянуло таким заманчивым запахом долларов, ноги у отщепенцев украинского народа стали постепенно выпрямляться. Они повеселели еще больше, когда стало известно, что тогдашний главнокомандующий американско-английскими войсками в Европе принял в 1945 году в своем кабинете бывшего председателя УНДО Василя Мудрого.

Мудрый отрекомендовался руководителем Центрального представительства украинской эмиграции в Германии. Он был одним из первых, но далеко не последним из своры хамелеонов, которые, набравшись дипломатического лоска в сейме буржуазной Польши, ринулись хлопотать обо всем украинском националистическом сброде, мечтавшем спастись под американским покровительством от народного мщения. Этот сброд жаждал пайков ЮНРРА¹ и, ясное дело, хлопотал о приземлении на новых посадочных площадках, которые заблаговременно подготовили за океаном для украинских националистов их коллеги и единомышленники.

Надо полагать, что в беседах главнокомандующего американско-английскими войсками с профессиональными оборотнями типа Василя Мудрого и адъютанта Петлюры Степана Скрипника — архиепископа Мстислава и возникла потребность переименовать вчерашних прислужников Гитлера в бедных «скитальцев», перемещенных лиц — «дипи» («дисплейдс персонс»), чтобы под этими новыми названиями скрыть их подлинную звериную сущность.

Главнокомандующий был прекрасно осведомлен, кто такие украинские буржуазные националисты, которые ищут заступничества у дяди Сэма. Лица, представлявшие интересы американской буржуазии в Европе, зная хорошо из полученных ими гестаповских архивов, на чьи деньги рос украинский фашизм, поручили заботу об украинских националистах адмиралу Стивенсу, Дон Левину, Михаилу Радеку, Александеру, Пейчу, Кейсу, Дису и другим деятелям американской разведки. Эти-то заправила американского шпионажа стали отныне планировать и направлять деятельность различных украинских националистических организаций, продолжая черное дело полковника Вальтера Николаи.

¹ ЮНРРА — администрация помощи и восстановления объединенных наций. Создана в 1943 году для оказания помощи странам, пострадавшим от фашистской оккупации. Импералисты США пытались подчинить ее своим экспансионистским планам, а когда благодаря противодействию СССР это не удалось, добились ее ликвидации в начале 1947 года.

Они хорошо знали, с кем имеют дело! Им была отлично известна инструкция руководства ОУН своему подполью, отправленная еще в августе 1944 года с немецкой территории в Западную Украину, в которой высказывались надежды на обострение отношений между участниками антигитлеровской коалиции после разгрома фашистской Германии.

Американская разведка через ее крупных чинов стала пригревать и опекает всякого националиста, который соглашался продолжать свое черное дело измены и выступать в любой роли против Советской страны. Вместе с Бандерой прибыли в Западную Германию Владимир Кубийович, бургомистр Львова Юрий Полянский, организаторы дивизии СС «Галичина», генералы, известные не столько завоеванными победами, сколько тем, где и когда их били, — Виктор Курманович, Микола Капустянский, Омелянович-Павленко, богослов-фельдкурат дивизии СС «Галичина», один из ближайших сотрудников Шептицкого Василь Лаба, бандеровский «премьер» Ярослав Стецько-Карбович, Тарас Бульба-Боровец, старый агент гестапо в ОУН Ришард Яры и многие другие. У большинства из них еще поблескивали на пальцах золотые перстни, отнятые у мирных жителей Украины во время акций, а карманы были набиты драгоценностями, добытыми таким же путем.

Со временем к своим вожакам метнулись изгнанные с территории Советской Украины и бандиты чином поменьше. Уничтожая по пути в американскую зону оккупации Германии мирное население Польши и Словакии, злодейски убив одного из выдающихся полководцев народной Польши генерала Кароля Сверчевского («Вальтера»), эти отпетые преступники пользовались приютом и поддержкой и агентов Ватикана и американских дипломатов.

Английский журналист Ральф Паркер в своей книге «Заговор против мира», изданной в 1949 году издательством «Литературная газета», убедительно рассказывает, как американский генеральный консул в Братиславе помогал украинским националистам-бандеровцам прорываться через горы Словакии в Западную Германию, к их новым хозяевам-боссам из американской разведки. Как вела себя во время этого прорыва желто-голубая саранча, наемные убийцы, клейменные свастикой и тризубом, рассказали нам также чешские кинематографисты в фильме «Операция «Б».

Прибыв под американские знамена, зная хорошо нравы своих новых покровителей и подлинное лицо американской демократии, старые и молодые украинские националисты с циничной откровенностью стали делиться воспоминаниями о своих действиях в годы немецкой оккупации. Продолжая свои междоусобицы, мельниковцы сообщают о том, как вели

Инкубатор «Ди-ни».

себя на Украине бандеровцы. Одно из таких разоблачений, опубликованное мельниковцами на страницах националистической газетки, в следующем виде представляет учеников Донцова — бандеровцев:

«Их зверства не имели границ. В селе Жидичин Кременецкого уезда на Волыни бандеровцы проводили в течение двух дней экзекуции. Как следствие их, в эти дни 25—26 ноября 1943 года осталось 17 человек, посаженных на колы. Муки посаженных на колы продолжались от 4 часов пополудни 25 ноября до 11 часов утра следующего дня, пока «любезные бандеровцы» не спохватились и не добились мучеников, корчившихся в судорогах на колах».

Вы думаете это признание покорило шефов американской разведки адмирала Стивенса, Дон Левина, Михаила Радека и других? Быть может, они, прочтя эти строки, завели следственное дело на Бандеру и его сообщников, совершивших и это злодеяние?

Как бы не так! Защитников так называемого «американского образа жизни», насаждаемого с помощью электрических стульев, не испугать муками тружеников Украины, посаженных на кол. Эти признания были нужны американским хозяевам потому, что они дополняли анкетные данные об их новых агентах, продавшихся доллару. Они повышали в глазах американской разведки «политическую благонадежность» украинских националистов как людей, которые уже сожгли за собою все корабли.

В свою очередь, бандеровцы охотно информировали своих новых хозяев, как служили гитлеровцам мельниковцы, как вербовали они «добровольцев» в дивизию СС «Галичина», как отправляли на каторгу в Германию сотни тысяч украинского населения. Несмотря на эти разоблачения, американская разведка охотно пользуется услугами и тех и других — бандеровцев и мельниковцев. Ее шефы поручили одному из организаторов дивизии СС «Галичина», генералу Миколу Капустянскому, формирование в Западной Германии «украинских сотен», которые замаскированы под названием «рабочих отрядов». Прежде чем начинать их формирование, Микола Капустянский выезжал в Вашингтон, где получил подробные указания, как именно создавать ему эти формирования, могущие быть использованы в виде пушечного мяса для американских империалистов. Основной костяк националистических сотен составляют украинские эсесовцы, уцелевшие при разгроме дивизии СС «Галичина».

С точки зрения деятелей Пентагона¹, готовящих кадры для

¹ Пентагон — военное министерство США.

третьей мировой войны, вся затея с «украинскими сотнями» — весьма выгодный бизнес. В самом деле, для того чтобы обучить военному делу какого-нибудь американского юношу из Оклахомы да еще напичкать его мозги антикоммунистической пропагандой, следует затратить не одну тысячу долларов, да и времени понадобится немало. Здесь же вербовщики пушечного мяса для новой войны, вроде Михаила Радека, имеют дело с «проверенным материалом», с кадрами, которых муштровал еще командир дивизии «Галичина» оберфюрер СС Фрайтаг. Волонтеры «украинских сотен», во всяком случае их костяк, — головорезы, бывалые и клейменные. Еще в дивизии СС «Галичина» гитлеровские врачи, как это было заведено во всех эсесовских частях в гвардии Гитлера, вытатуировали у каждого националиста, попавшего в дивизию, на левом плече группу крови, чтобы оказывать им при ранениях первоочередную и незамедлительную помощь. Надо полагать, что этим усовершенствованием гитлеровской медицины пользуются сейчас американские империалисты, принявшие в свое заведение недобитков из дивизии СС «Галичина».

Представители Пентагона прибирают к своим рукам и гетманцев, пытаясь таким образом гальванизировать давно уже отдающую запахом тления идею гетманщины. Они делают это, зная прекрасно, кто именно долгие годы поддерживал гетмана Скоропадского и его сторонников. Ведь именно американские оккупационные власти, а не кто иной, захватили в Германии в 1945 году очень интересный документ из переписки немецкого протектора Чехии и Моравии фон Нейрата с имперским министерством иностранных дел в Берлине и впопыхах, не подумав, опубликовали его. А история этого документа такова.

Долгие годы на немецкой вилле у озера Ванзее вместе со своими домочадцами проживал на немецкие субсидии бежавший в 1918 году с Украины ставленник германских империалистов, последний гетман Украины царский генерал Павло Скоропадский. Почувяв весной 1940 года приближение нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Скоропадский решил позондировать почву у дипломатов Адольфа Гитлера: не понадобятся ли его, Павло Скоропадского, услуги в этой новой авантюре подобно тому, как онигодились немцам в 1918 году? С целью такого зондажа престарелый гетман во всех своих доспехах и регалиях выехал лично в Прагу, к фон Нейрату.

27 мая 1940 года германский протектор Чехии и Моравии фон Нейрат отправил рапорт о визите гетмана в Берлин и запросил, как ему следует впредь обходиться с этим престарелым претендентом на престол Украины?

Представитель министерства иностранных дел Германии фон Ринтелен сообщил фон Нейрату в Прагу по данному вопросу дословно следующее:

«Надо иметь в виду, что гетманское движение в последнее время склонялось в пользу ОУН, поддержанной компетентными внутренними властями. Однако даже сейчас гетманское движение располагает многочисленными приверженцами за пределами Германии и, в частности, в США и в Канаде, где несколько тысяч украинцев сложили свою присягу верности и признают его семью наследственной династией. Министерство иностранных дел рейха и гестапо находятся в постоянном контакте с гетманом, который всегда проявляет лояльное отношение к Германии. Чтобы облегчить ему и его семье соответствующий его положению доход, министерство иностранных дел выплачивает ему значительное жалованье в дополнение к ежемесячному гонорару, назначенному гетману покойным фельдмаршалом фон Гинденбургом в 1928 году.

К сожалению, отношения с ним с некоторого времени ухудшились по той причине, что 73-летний гетман считает, очевидно, своей главной обязанностью атаковать и бросать подозрения на другие украинские группы и особенно на упомянутую ОУН».

Как известно, в те дни, когда Улас Самчук набрасывал в блокноте свои «Записки на бегу», созерцая в подземельях Берлина и дрожащего от страха гетмана, ноги генерала подкашивались, подкашивались, да и не выдержали новых военных испытаний. Вскоре он отправился на тот свет, к своим предкам, так же лихо торговавшим интересами Украины, как и он сам. А проливающий яркий свет на последние годы жизни Скоропадского, этот документ, отправленный фон Ринтеленем в Прагу фон Нейрату 8 июня 1940 года за номером Ро-1581, прежде чем быть опубликованным в английском переводе, основательно изучался, наряду с другими захваченными документами, референтами командующего американскими оккупационными войсками в Германии. Результаты этого изучения были неожиданными.

Обнародование связей гетмана и его сообщников с гестапо, их многолетняя материальная зависимость от кладовых имперского банка Германии, их ориентация на агрессивные планы гитлеризма ни в коей степени не обеспокоили и не шокировали американских вершителей судеб послевоенной Европы. Скорее даже наоборот, все это было воспринято как рекомендация солидной фирмы, что на гетманского коня можно ставить и впредь. Умер Скоропадский, но остались его наследники.

Воспитанный на подачки Гинденбурга и гестапо, гетманский сынок Данило получает дипломатическую визу и едет

в Канаду, в страну, где тысячи женщин еще оплакивают своих близких, погибших во время войны против гитлеровской Германии. Но что до их слез гетманчу! Он выполняет задачи американской разведки.

Данилу Скоропадского с большой помпой встречают деятели фашистского Комитета украинцев Канады, или сокращенно — КУК, объединившие под сенью своего комитета и малочисленных последователей гетмана в Канаде, организованных в так называемый СГД — союз гетманцев-державников. Особенно радостно встречали гетманчу агенты Ватикана на канадской земле — греко-католические священники. Они хорошо помнили давнее обещание Павла Скоропадского о том, что как только он снова станет гетманом Украины, то поможет папе римскому обратить всех православных в католицизм.

Потому-то и гремело «многая лета» в униатских церквях Канады в честь Данилы Скоропадского, потому-то провожали его торжественно церковные процессии украинских фашистов, переодетых в черные реверенды священнослужителей Ватикана.

Резвый потомок гетманской династии метнулся с отчетом из Канады в Лондон, а вслед за ним поехали в Европу выискивать своих сообщников тогдашний председатель КУК поп Василий Кушнир и его приближенные. Сперва они посетили центр украинских фашистов в Лондоне на Пэддингтон-стрит, а затем, переплыв обратно Ла-Манш, принялись объезжать лагеря перемещенных лиц в сопровождении офицера канадской разведки, украинца по происхождению, Панчука, напялившего для отвода глаз на один из рукавов своего авиационного френча эмблему Красного креста. Эта поездка гостей из Канады внесла большое оживление в среду перемещенцев и способствовала установлению их прямых связей с националистическими гнездами в Канаде и Соединенных Штатах Америки.

Выходящая в Канаде фашистская газетка «Український Голос» опубликовала в те дни «Письмо из Инсбрука в Комитет украинцев Канады». Письмо это подписали старые подручные гитлеровцев — Михаил Росляк и Петро Шкурат, которые в дни оккупации Украины вербовали на Тернопольщине добровольцев в дивизию СС «Галичина». Они благодарили в своем письме КУК за денежную помощь. Эти загонщики молодежи в отборное формирование Гимmlера предлагали теперь свои услуги американской реакции, просили КУК помнить о них и впредь посылать им «духовную пищу» и своих «высоких представителей», вроде Василия Кушнира.

Так укреплялись в послевоенное время связи очагов украинской националистической реакции на американском континенте с предателями украинского народа, бежавшими с Украины

в Западную Германию, в Бельгию, в Голландию. Эти связи стали крепнуть еще больше после того, как правительство Соединенных Штатов Америки приняло «закон 1951 года о взаимном обеспечении безопасности», подписанный лично тогдашним президентом США Трумэном.

Этот новый агрессивный акт США против СССР и стран народной демократии, названный поджигателями третьей мировой войны «законом», предусматривал ассигнование 100 миллионов долларов на финансирование преступной деятельности «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании..., или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих организацию Северо-атлантического договора, либо для других целей».

Этим неслыханным в международных отношениях актом правительство США открыто признало, что оно формирует вооруженные банды шпионов и диверсантов, делая открытую ставку на предателей родины и военных преступников, чтобы использовать все эти людские отбросы против стран социалистического лагеря.

Следует заметить, что «закон 1951 года» был подписан Трумэном как раз в те дни, когда посол Соединенных Штатов Америки в Москве А. Керк сделал от имени своего правительства торжественное заявление о необходимости улучшить советско-американские отношения.

Повидимому, в Белом доме всерьез рассчитывали на то, что оглашение такого закона запугает народ страны, с которой американское правительство решило «улучшить отношения». Всякое бывало с тех пор, как Колумб открыл Америку, но подобного политического лицемерия мир не помнит.

Опираясь на материальную силу своего нового «закона», американские разведчики в Европе стали прибираться к рукам еще более откровенно, чем раньше, все человеческое отребье националистической, желто-голубой окраски. Те, кто раньше составлял тайную армию Гитлера, сейчас откровенно перекочевали под защиту звездных американских флагов.

* * *

Всем отлично известно, какие перспективы открываются перед славянскими эмигрантами, попадающими в Америку, о которой издавна среди новых ее поселенцев бытует поговорка: «Америка — золотой край, не найдешь работы — подыхай».

Славянские эмигранты могут обеспечить себе существование в США лишь тяжелым физическим трудом. Но честный

труд никак не устраивал предателей украинского народа из категории так называемых перемещенных лиц. Им гораздо приятнее и выгоднее и за океаном вести паразитический образ жизни, существуя за счет труда украинских рабочих и крестьян Канады, США, Аргентины и других стран, придумывая для себя различные должности в просвитах, клубах, редакциях газет и церквах, где окопались тамошние украинские националисты.

Стараясь выслужиться перед своими американскими и канадскими хозяевами по части лжи, антисоветской пропаганды, шпионажа, националисты-«скитальцы» пытаются сейчас вышибить с нагретых теплых мест своих конкурентов «старой даты». Прогрессивные украинцы, живущие за пределами Украины, окрестили всю эту желто-голубую накипь, которую прибывают волны Атлантического океана к берегам американского континента, очень точным словом «гитлерчуки».

Опекой над гитлерчуками, их устройством, распределением, использованием их лживой информации в «научных трудах» ведают в Соединенных Штатах Америки и в Канаде опытные разведчики с научными званиями из лиц англо-саксонской расы.

Одним из таких опекунов гитлерчуков в Соединенных Штатах Америки является небезызвестный профессор-славист Клэрэнс Мэннинг, подвизающийся в Колумбийском университете.

С каким восторгом он рукоплескал бывшему тогда президенту США Гарри Трумэну, когда тот обратился в конце 1949 года с дружеским посланием к украинским буржуазным националистам, обещая им поддержку и опеку. Все это было в интересах Мэннинга, писания которого об Украине всегда направлялись кровавыми руками украинских буржуазных националистов. Это они и никто иной помогли ему сострять клеветнические книжки «Украина в XX веке», «История Украины», «Украинская литература» и, наконец, последнее «творение» — предел клеветы и фальсификации — книгу «Украина под властью Советов», изданную в 1953 году в Нью-Йорке.

Выступая против клеветнической стряпни американского разведчика Мэннинга, переквалифицировавшегося в «ученого», украинский писатель Олесь Гончар справедливо писал в «Литературной газете»:

«Подлое националистическое отребье, проклятое и вышвырнутое украинским народом, нашло в лице Мэннинга своего ярого покровителя. «Патриотами» и «национальными героями» называет он националистические подонки, питающиеся в западных зонах отбросами с американского стола, матерых

бандеровских шпионов и убийц, охотно идущих на службу американской разведки. Ее ядом пропитаны книги Мэннинга, ее волчьими глазами смотрит он на украинский народ, на цветущую Советскую Украину».

Вполне достойные коллеги есть у Мэннинга и в Канаде, где они так же рьяно обслуживают интересы канадской реакции, которая ведет яростную борьбу с растущими симпатиями украинцев Канады к Советской Украине, к Советскому Союзу.

Одним из главных покровителей украинских националистов в Канаде и «знатоков» украинского вопроса является президент баптистского Галифакского университета Ватсон Кирконелл.

Свою шпионскую работу этот старый яростный враг Советского Союза начал еще во время первой мировой войны, когда его назначили начальником концентрационного лагеря, в котором содержались пойманные в Канаде немецкие шпионы. Изучая их быт, язык, родственные связи, так сказать «с научной точки зрения», Ватсон Кирконелл одновременно готовил шпионов против Германии из подданных Британской империи, а также из тех захваченных агентов полковника германского генерального штаба Вальтера Николаи, которые пожелали стать «двойниками».

Со временем Ватсон Кирконелл проявил странное любопытство к украинскому и польскому языкам, изучил их и совершил продолжительные поездки по Западной Украине и Закарпатья. Поездки эти имели, повидимому, большой практический интерес и смысл и для польского правительства, угнетавшего западных украинцев, потому что Кирконелл получил от Пилсудского ордена за свою «деятельность».

Недаром в своих последующих «научных» работах, как мы покажем дальше, этот профессиональный разведчик так рьяно отстаивал интересы польской реакции.

Вместе с другими английскими разведчиками — Трейси Филлипсом, Джоном Т. Торсоном и Р. К. Синлейсоном, а также при непосредственном участии профессора от шпионажа Саскатунского университета Джорджа Симпсона, они еще в 1940 году по поручению канадских реакционеров начали сколачивать фашистский блок изменников под названием Комитет украинцев Канады. Цель этого комитета уже была ясна тогда. Ему было поручено парализовать влияние украинских прогрессивных организаций в Канаде и попробовать использовать украинскую эмиграцию за океаном в интересах империалистической политики западных держав, которые якобы за «независимую украинскую державу» в Европе.

За пределами Советской Украины, за океаном — в США, Канаде, Аргентине и Уругвае — живет около двух миллионов

украинцев, которые в свое время из-за голода, нужды и безземелья покинули родину, ища «воли и лучшей доли».

После первого же выстрела «Авроры» в октябре 1917 года большинство украинцев за океаном, объединенные в прогрессивные организации, внимательно и с величайшей симпатией следили за борьбой украинского народа, который вместе с русским народом сбросил ярмо самодержавия и начал строить великую Советскую державу.

Эти простые, честные люди понимали, что свободная и действительно независимая Украина, о которой они мечтали, была создана благодаря Великой Октябрьской революции. В их головах не укладывалось, чтобы свободу на их родину могли принести немецкие фашисты или другие иноземные захватчики, из-за которых они не могли оставаться на собственной земле. Но в планы мировой реакции всегда входило разьединение славянской эмиграции, использование ее кадров для вооруженной интервенции против СССР.

Именно с этой целью профессор Ватсон Кирконелл и посетил в начале февраля 1940 года квартиру паписта, священника Василия Кушнира, бывшего офицера австрийской армии, взятого украинского националиста. Вместе с представителями канадских реакционных кругов Василий Кушнир и ему подобные янычары заложили основы КУК. Комитет украинцев Канады организовался из двух националистических организаций: БУК (братство украинцев-католиков) и УНО (украинские националистические объединения). Несколько позже к КУК присоединились и другие националистические группы: СУН, СУМК, СГД и прочие.

Украинский писатель Юрий Смолич очень метко определил истинное предназначение всех этих антисоветских националистических групп:

«Вся их «деятельность» сводится к тому, что они все время ссорятся между собой. А грызутся они потому, что никак не могут поделить между собой вот эту, присущую каждому из наименований, букву «У», знаменующую собой Украину — нашу мать-Украину, которой эти предатели и изменники не имеют, но которой усердно торговали всю свою жизнь и барышничают ныне на заокеанском рынке».

Из таких вот организаций и образовался комитет, который объединил националистическое охвостье украинской эмиграции в Канаде и уже около пятнадцати лет проводит финансируемую канадской реакцией упорнейшую борьбу с прогрессивными организациями.

В 1940 году канадская реакция по доносу шпионов из КУК разгромила товарищество «Украинский рабоче-фермерский дом» и захватила 108 культурно-просветительных домов со

всем имуществом этой прогрессивной организации. Эти дома были проданы за бесценок украинским националистическим организациям. Канадские полицейские вместе с украинскими фашистами сжигали всю литературу, изданную в Советской Украине. В огонь летели книги Александра Корнейчука, Микола Бажана, Петра Панча, Максима Рыльского, Павла Тычины, Владимира Сосюры, Ивана Кочерги, Юрия Смолича, Андрея Головки, учебные пособия для детей вечерних украинских школ.

Ослепленные звериной ненавистью к стране социализма, наемники канадской реакции сжигали на кострах заодно с произведениями советских писателей также и книги Вильяма Шекспира, Чарльза Диккенса, Джорджа Байрона лишь потому, что, будучи переведены на украинский язык, они были изданы в Киеве и Харькове.

Эти варварские сцены наблюдали из окон своих вилл разведчики с научными званиями — Трейси Филиппс, Ватсон Кирконелл, Джордж Симпсон и другие, призванные реакционными элементами Канады задушить вольнолюбивые стремления канадских украинцев. Погромщикам казалось, что, сжигая в огне библиотеки прогрессивных организаций и бросая их участников за колючую проволоку концентрационных лагерей, они смогут подобными полицейскими мерами погасить в украинцах Канады любовь к Советской Украине.

Но победоносная борьба советского народа против гитлеровской Германии, вызвавшая огромные симпатии и сочувствие всех вольнолюбивых народов мира, в том числе и трудящихся Канады, заставила полицию Канады отсрочить на некоторое время проведение своих драконовских мероприятий против прогрессивных организаций украинцев.

Как только волна репрессий прошла, украинские прогрессивные газеты Канады вновь стали знакомить читателей с новыми произведениями советской литературы. Товарищество украинцев Канады стало пропагандировать искусство Советской Украины, ее песни, фильмы, музыку.

Несколько лет назад вблизи города Палермо (провинция Онтарио) был установлен величественный памятник гениальному kobзарю Украины — Тарасу Шевченко, подаренный народом Советской Украины своим заокеанским единокровным братьям. Сквер, расположенный вокруг памятника, является теперь излюбленным местом паломничества многих десятков тысяч украинцев Канады, которые приезжают и приходят сюда издали поклониться изображению великого сына Украины и одновременно засвидетельствовать свои неразрывные духовные связи с народом, из которого они вышли. Здесь звучат народные украинские песни и новые песни Советской Украины,

тут делятся своими впечатлениями делегаты прогрессивных украинцев Канады, побывавшие на Украине.

Что могли противопоставить всему этому духовному богатству, созданному усилиями лучших сыновей сорокамиллионного народа, опекуны фашистской желто-голубой нечисти ватсоны, кирконеллы и трейси филиппсы? Только ядовитую фашистскую пропаганду — вонючую похлебку, состряпанную националистами, которые прибыли за океан вместе с другими фашистскими крысами, сочиняющими свои «Записки на бегу».

Содержание их человеконенавистнической писанины хорошо известно: «Как иголка на разбитой граммофонной пластинке, их мысли от сомнений и разочарований возвращаются назад, к тому, с чего они начинали, — к пропаганде третьей мировой войны. И вы слышите, как разбитая пластинка назойливо повторяет одно и то же: «Третья война! Третья война! Третья война!» Именно так характеризует настроение идеологов «отобранных лиц» Василий Свистун, председатель Канадского общества культурной связи с Украиной, побывавший весной 1954 года в нашей стране.

«Они схожи, — продолжает В. Свистун, — с маниакальной идеей азартного игрока-картежника, который на карту ставит все, что у него осталось, игрока, который знает о своем неминуемом банкротстве, но, пока другие успеют узнать об этом, делает еще одну попытку: он поставит еще раз все на один номер азартного колеса, поставит на одну карту — пусть будет, что будет!.. Вот так и с нашими националистическими эмигрантскими «политиками». Они очутились в безвыходном положении. Во время последней войны они не достигли больших чинов, о которых они так надоедливо трубили в паузе меж двумя войнами. Они не только не создали «новую самостоятельную украинскую державу», но были вынуждены бежать с украинских земель. Убегая, они сожгли за собою все мосты. Что ж, они продолжают воевать писаным словом и кулаками: на улицах и в хатах, в организациях и в церквах...»

Но сколько бы ни тянули, как разбитая пластинка, свою собственную зауспокойную националистические недобитки из лагерей перемещенных лиц, сколько бы окон ни разбивали они в домах украинских прогрессивных организаций, сколько бы петард ни бросали в докладчиков, которые рассказывают о достижениях Советской Украины, — их песенка спета. То, что они могут рассказать, все уж давно слышали и знают тому цену.

Все сегодняшние информации питлерчуков о Советском Союзе напоминают те пророчества, какими белогвардейские генералы в 20-е и 30-е годы выманивали у западных империалистов средства на замышляемые ими походы!

Они могут лишь вспоминать и гадать, грызться меж собой, как собаки за брошенную хозяевами обглоданную кость. Чтобы выманить себе на пропитание побольше долларов, эти отщепенцы сочиняют сказки о большой «подпольной» армии националистов, якобы действующей на Украине. Распуская ложные слухи, они пытаются сколотить себе политический капитал.

Бывший премьер бандеровского «правительства» Ярослав Стецько, желая перещеголять во лжи своих коллег, приехал в Бельгию и стал вести оттуда передачи по радиостанции «антибольшевистского блока народов» от имени Украинской повстанческой армии, якобы орудующей на Украине.

Вскоре эта афера с треском провалилась и радиовраль вынужен был закрыть свою лавочку и убраться восвояси.

Очень характерно, что тираж всех украинских националистических газет в Канаде и Америке не превышает нескольких тысяч экземпляров. Подписчиков у них нет. Все они, выходя на американские доллары, распространяются как принудительная пропаганда.

Чувствуя это, их высокие покровители из Пентагона, Федерального бюро расследований и американской разведки законно тревожатся. Сколько усилий приложено, чтобы собрать в подворотнях Европы всю эту братию, сколько надо было истратить денег, чтобы перевезти на океанских лайнерах перемещенных лиц в Канаду и Америку, а эффект пока мизерный!

Больше того: взаимной грызней и непрекращающимися интригами, обливая один другого ведрами помоев, представители «бездомной элиты», все эти мельниковцы, бандеровцы, лебедевцы, постоянно компрометируют себя в глазах украинской эмиграции за океаном. «Украинцы, которые давно живут в Канаде и США, — говорит Василий Свистун, — за все время своей жизни здесь никогда не слышали и не видели такого отвратительного зрелища».

Здесь-то на помощь хозяевам всей этой передравшейся своры из Европы в Канаду прибыл...

Кто бы вы думали?

Дряхлый фашистский волк, воспитатель целого выводка бандеровских убийц, Дмитрий Донцов, о котором мы уже рассказывали в начале этой книги.

Когда в сентябре 1939 года Советская Армия, спеша на помощь единокровным братьям — западным украинцам, приближалась к Львову, Дмитрий Донцов был тайно вывезен гестаповцами в немецкой штабной машине из своей львовской квартиры в более безопасное место. Несколько лет войны он был приживальщиком белогвардейской эмигрантки Геркен-Руссо-

вой в Румынии и стал соглашаться с нею, что единственная ставка на «самостийную Украину» связана с гетманом Скоропадским.

Появившись в Канаде, Донцов некоторое время сотрудничал в националистической бандеровской газете «Гомин України», называемой прогрессивными украинцами за свое содержание по созвучию несколько иначе. Но средства, которые ассигнуют некоторые круги Торонто для издания этой газетки, показались Донцову незначительными в сравнении с теми, которые он хотел бы получить. И вот высохший от бессильной злобы, желчный фашистский волк переезжает в Монреаль и поступает на службу к польским реакционерам, которые захватили после распада панской Польши часть ее фондов и на эти средства открыли при католическом Лавальском университете в Монреале факультет «Полония».

На этом-то факультете и подвизается сейчас в качестве «научного работника» тот самый Донцов, который несет немалую долю ответственности за истребление бандеровцами десятков польских сел на Волини. Ведь это он, а никто другой, долгие годы ведал «идеологическим воспитанием» бандеровских головорезов, переводя для них на украинский язык в своем толковании фашистские евангелия Гитлера и Муссолини.

Но разведчиков Ватикана, что бродят по коридорам польского факультета Лавальского университета в мантиях профессоров, несколько не волнует кровавое прошлое их нового коллеги. Ведь подобно ему они также вместе со своим «университетом» являются ни более ни менее, как «научной» базой американского шпионажа, направленного против народно-демократической Польши, а также и тех миллионов поляков, что проживают сейчас в Америке. Усилий генералов Бур-Комаровского, Соснковского, что все время объезжают места средоточия польского населения в Америке, вкупе с подрывной работой миколайчиков кажется явно недостаточно, чтобы подчинить своему влиянию этот большой славянский массив. На подмогу польским реакционерам призван духовный отец украинского фашизма Донцов, тот, кто выпускал на тропу убийств бандеровских головорезов.

В свою очередь, испытанного украинского националиста, «патриота» «самостийной Украины» Дмитрия Донцова несколько не удручает то обстоятельство, что представители польской реакции, которым он сейчас по-холопыи служит, не только не отказались от своих притязаний на старинный украинский город Львов и другие города западных областей Украины, но неустанно и повсюду о них напоминают.

Нанятые ими певцы часто завывают по радиостанции «Свободная Европа» (являющейся филиалом американской развед-

ки в Европе), что у них «позостала едина тенскнота, як умераць, то тылько вэ Львове»¹. Хриплыми, пропитыми голосами поют они о том, что их «остання година пшебила зе Львовськэго ратуша»². После этих «певцов» скулят и сменщики польских наймитов «Свободной Европы» — украинские националисты, выступая перед неостывшим еще микрофоном с песнями украинских сечевиков о Львове украинском, но их совесть нисколько не коробят такие «разночтения». Хозяин у них один, а чего не запоешь за его подачки?

Вместе с Донцовым на американский континент прибыл консультировать мэннингов, кирконеллов и других «специалистов» Уолл-стрита по вопросам Украины старый фальсификатор исторических фактов Дмитро Дорошенко.

Последний его «научный» труд — «История Украины» — был выпущен во Львове гитлеровцами в 1942 году и заканчивался словами: «Могучее немецкое оружие в течение нескольких недель 1939 года разрушило Польшу, которая получила заслуженное возмездие за все издевательства над другими народами... Хелмщина и северо-западная часть Галиции очутились в границах генерал-губернаторства и под управлением немецких властей отдыхают от польского гнета, получив свободные условия для своей национальной жизни...»

Разве одних этих строчек мало для того, чтобы с полной ясностью сказать, что ученый-расист, прославивший некогда фашистскую агрессию, националистический оборотень Дорошенко является достойным единомышленником и помощником мэннингов и кирконеллов?

Кого только нет сейчас в заокеанском националистическом паноптикуме!

Бывший петлюровский министр Иван Огиенко, назвавшись при гитлеровцах «митрополитом Илларионом», возглавляет сейчас так называемую украинскую автокефальную православную церковь в Канаде, используя церковные амвоны для злобной, антисоветской клеветы и пропаганды.

Другому гитлерчуку — архиепископу Мстиславу (он же адъютант Петлюры Степан Скрипник) — в Канаде повезло меньше. Слава о его близких отношениях с гитлеровцами переплелась с рассказами о любовных похождениях высокопреосвященного Мстислава, столь заметных, что даже видавшие виды мракобесы ахнули. Все это заставило прихожан прогнать этого, как они его назвали, «божьего бугая» и гестаповского шпика, преосвященного Мстислава за пределы Канады. Но

¹ «Осталась единственная печаль — если умирать, то только во Львове».

² «Последний час пробил со Львовской ратуши».

Мстислав-Скрипник не унывает. Он переметнулся в Соединенные Штаты Америки и помогает сейчас архиепископу националисту Теодоровичу — главе украинской православной церкви (УПЦ) в США — обманывать верующих американцев украинского происхождения. Под личиной смиренных святош в облачении иерархов УПЦ действует, таким образом, троица отъявленных националистов — Илларион, Мстислав и Теодорович.

Несмотря на всякого рода догматические расхождения с греко-католическими попами, их усилия становятся едиными и на редкость сплоченными, когда надо действовать против прогрессивного движения заокеанских украинцев.

Отнюдь не случайно, что украинские националисты из перемещенных лиц, прибывая из Европы за океан, сразу и прежде всего объявляют себя ярыми сторонниками католицизма. А ведь до этого многие из них в своей националистической пропаганде никак не затрагивали эту сторону «идеологии». Теперь же стало ясно, что пропаганда католицизма стала обязательной в общей системе враждебной деятельности украинских националистов, потому что ею они должны отрабатывать пособия, получаемые также и из ватиканской кассы.

Не от хорошей жизни понесло в Канаду и Ярослава Стецька. Разоблачение его аферы с радиостанцией «антибольшевистского блока народов» в Бельгии, вещавшей от имени националистов, якобы орудующих на Украине, вынудило Стецька-Карбовича попытаться счастья на других континентах.

Стецько-Карбович приехал в Канаду с поручением от Си-Ай-Си «профильтровать националистические кадры» в городах, где живут украинцы, присмотреться, как ведут себя перемещенцы, найти знакомых, прощупать их сегодняшние настроения и затем на вербовать из наиболее надежных националистов-бандеровцев добровольцев в шпионские школы. Но вербовщик шпионов обладает манией величия. Двдцатичетырехчасовой «премьер» Стецько-Карбович дал интервью о своем прибытии в Канаду репортеру газеты «Ивнинг телеграмм», самой реакционной газеты страны.

Стецько-Карбович не предполагал, что репортер изобразит его перед читателями газеты далеко в не приглядном свете, как «потасканного человечешку с носом врожденного алкоголика и усами Гровго Маркса — автора дешевеньких кинотрюков». Ясно, что после такой «блестящей» рекламы в «Ивнинг телеграмм» Ярослав Стецько-Карбович сумел лишь один раз выступить публично в Торонто, да и то под охраной канадской полиции. О его приезде пронюхали антагонисты бандеровцев — мельниковцы и, вооружившись длинными ножами, устроили на бывшего «преьера» засаду по всем правилам, усвоенным ими

из американских гангстеровских фильмов. Стецько-Карбович едва унес ноги живым из Канады, так и не сумев выполнить из-за своей прирожденной болтливости задание своих высоких покровителей из Центрального разведывательного управления США.

* * *

Что может быть отвратительнее и подлее разглагольствований предателей, торгующих интересами своей родины и навсегда продавших чужеземцам свою совесть, свое человеческое достоинство?

Ничто не сравнимо с глубиной падения и морального вырождения, характерными для нравственного облика тех отщепенцев украинского народа, кого сегодня их американские опекуны называют «скитальцами».

Все им давным-давно постыло, позади тянется шлейф кровавых злодеяний и обмана, впереди — полная бесперспективность. Так и коротают они сейчас свои дни в заокеанских инкубаторах шпионов, грызясь друг с другом из-за министерских портфелей в кабинетах несуществующих «правительств». Множество споров ведется над разложившимся уже трупом так называемой УПА (Украинской повстанческой армии).

УПА давно нет. Она стала фикцией, миражем. Это отлично понимают даже ярые покровители украинского националистического отребья. Еще в 1949 году военный обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Болдунн, закоренелый враг Советского государства, писал, что «УПА не представляет собою ровно никакой опасности для советского режима».

С тех пор прошло пять лет.

Открытые судебные процессы над бандитами-оуновцами во Львове, Тернополе, Дрогобыче, Стрые, Черткове и других городах западных областей Украины еще раз показали трудящимся хищное обличье недобитков из УПА, тех, кто по болезненному воображению недругов украинского народа должен представлять собою мощную вооруженную силу.

Вытянутые из своих вонючих нор, где они скрывались от народного гнева и правосудия, эти «уapistы» оказались самыми заурядными бандитами.

Украинский писатель Юрий Смолич в своей книге «Враги человечества и их наемники», изданной в 1953 году в Киеве, пишет об отобранных лицах из числа «уapistов».

«Их только кучка, и, кроме американского доллара, они не имеют ничего за своей убогой душой.

Моральный облик этих вырожденков говорит сам за себя: убийцы, провокаторы, грабители, отбросы рода человеческого.

Они способны истязать людей, издеваться над родителями и резать ножами детей...

...Один бандит подозревал другого, каждый бандит боялся всех остальных... Они не верили друг другу, потому что всем вместе им не во что верить. Они не доверяли друг другу, потому что знали, что каждый не имеет веры. Они подозревали друг друга, потому что все — предатели, и верили только предательству».

Вся эта мораль людоедов особенно типична для вожаков ОУН, все еще разгуливающих на свободе, размахивая похожими на вылинявшие портянки штандартами давно не существующей УПА.

Все более разжигаемые алчностью и стремлением перещеголять друг друга в добывании средств к своему презренному существованию, эти обер-бандиты становятся все откровеннее во взаимных разоблачениях. Сторонники Мельника называют бандеровцев не иначе, как «братоубийцами», «каинами и немецкими доносчиками», «наволочью» и «шантрапой». Бандеровцы, по словам мельниковцев, и сейчас муштруют специальные отряды карателей, которые готовы душить людей арканами, рубить секирами и топить в котлах.

Мельниковский листок «Неділя», что выходит на американские доллары, пытаясь обелить мельниковцев, скулит:

«Если бы бандеровцы не боялись сегодня чужой власти, то они, не издавая никаких декретов, а так попросту, безо всякого декрета взяли бы да постреляли нас всех. Они сажали бы нас на колы, вешали бы, сдирали живьем кожу с людей. В отношении этого у нас нет никаких сомнений, ибо у нас есть опыт жестоких лет последней войны».

В свою очередь, некий бандеровский графоман, скрывающийся под кличкой «Осип Орленко», в брошюре, напечатанной на средства американской разведки, обливает помоями мельниковцев.

И те и другие разоблачители с одинаковой настойчивостью прочат себя в освободители украинского народа.

Новые хозяева украинских националистов — чины из американской шпионской службы в белых гетрах и с золоченым орлом на фуражке цвета хаки — лениво следят за мышиною* возней суетящихся карликов, иронически прислушиваются к их стенаниям о «самостийной Украине», пожевывая резинку. Время от времени, в случае надобности они повелительным кивком подзывают к себе из сборища разодравшихся бандитов того, кто половчее, кто сохранил «спортивную форму», кто сможет прыгать с парашютом, работать с американской рацией, и дают ему соответствующее задание.

На американской свалке

Известно, для того чтобы повести за собой хотя бы сотню людей, их вожаки должны обладать какой-нибудь положительной идеей.

Какая же может найтись сейчас идейка у сборища выродков — бандитских атаманов и их борзописцев? Обанкротившаяся уже неоднократно басня о «самостийной Украине»?

Вряд ли! Американским банкирам плевать на какую-то «самостийну». Да ведь и сами-то националисты уже давно в нее перестали верить! Далеко не случайно упомянутая нами газетка «Гомин Украины» часто скорбит о том, что очень трудно подбросить Западу «концепцию раздела России, ибо эта концепция колоссального размаха и как таковая требует от государственных мужей, которые бы хотели ее осуществить, огромного дара предвидения, большой политической отваги, умения заглядывать в будущее и руководиться далекими целями, а не текущими нуждами дня. Для этого нужны люди большого формата, мысли и воли».

Из этого туманного словоблудия становится ясно одно: бредни о «самостийной Украине» не встречают особой поддержки у заправил Уолл-стрита, которые вместе с тем не жалеют долларов на антисоветскую пропаганду украинских националистов, на их клеветнические кампании против советского народа, против Советской Украины.

Откуда эта злобная ненависть к советскому строю тех недобитков украинского буржуазного национализма, что догнивают сейчас на американских свалках?

Прежде всего ее надо искать в том, что потеряно ими во время бегства с Украины за кордон.

В одной только Западной Украине в середине тридцатых годов насчитывалось свыше 700 украинских помещиков. Это не считая кулаков и прочих стяжателей. Они навсегда потеряли свои земли и прочее добро.

До провозглашения советской власти в западных областях Украины существовали такие украинские буржуазно-кулацкие кооперативы, как «Маслосоюз», «Сильский господар», «Народная торговля», банки и другие объединения. В них окопалось множество паразитов — членов УНДО, ОУН и других политиканов, которые безмятежно жили, обирая трудовой народ, прокучивали тысячи злотых на модных курортах Западной Европы. Все эти тепленькие местечки они безвозвратно потеряли после того, как осенью 1939 года Народное Собрание Западной Украины провозгласило советскую власть на земле, навеки воссоединенной со всей Советской Украиной.

Потерявшие всякий стыд и человеческий облик гитлерчуки, что ныне копошатся под каблуками офицеров американской военной разведки, орут на все лады о том, что «Россию надо

во что бы то ни стало вытеснить из Европы», что «ее надо выжать за Урал», «замкнуть в пределах Севера». Все это уже отнюдь не похоже на политическую пропаганду, а скорее всего напоминает маниакальный бред подражателей Форрестола, которых способна утихомирить разве что смирительная рубашка. Один из этих подпевал поджигателей третьей мировой войны договорился до того, что призывает сковать «московскую бестию цепями».

Труженики украинских сел и городов уже слышали такие же призывы к антисоветской войне от лидеров УНДО, ОУН и прочих националистических групп и партий, что орудовали на западноукраинских землях. Слышали они не раз такие песенки в исполнении гитлеровских холуев — украинских фашистов, когда они обклеивали стены домов в городах и селах западных областей Украины плакатами с изображением трубача из дивизии СС «Галичина», выдувающего из своей дудки: «На Москву!»

Уж десять с лишним лет на полях, в буераках и оврагах Львовщины гниют кости этих трубачей да тех, кто участвовал в этом бесславном походе, гниют вперемешку с костями их арийских хозяев.

Не для того украинский народ самоотверженно боролся за свободу и независимость своей родной Советской Украины, чтобы эти «карлики с заплеванными от бессильной злобы бородами», как их назвал Ярослав Галан, могли снова вскарабкаться ему на шею.

* * *

Писатель-революционер Александр Гаврилюк в своем памфлете «Паны и панычи над «Кобзарем» писал:

«Украинская буржуазия, которая удрала на чужие свалки от гнева украинского народа, не сможет освободиться от «патриотических» мечтаний об Украине. Она Украину «любит». Ведь на Украине можно бы создать «свое» правительство, с многочисленными министерствами, для которых требовалось бы много откормленных бычков-помещиков на оплачиваемые и «почетные» должности, чтобы «по-отечески» управлять «родным» народом. Ведь на Украине были такие уютные, теплые имения... Следовательно, Украину надо «освободить» обязательно и любой ценой».

Двадцать лет прошло с тех пор, как написаны эти строки, но их содержание не устарело, а по мере того как к многим украинским националистам подкрадывается старость, эти их вождедения еще усиливаются.

Дружба украинского и русского народов, торжественно отпраздновавших 300-летие великого воссоединения Украины

с Россией, приводит в еще большее бешенство зарубежных украинских националистов. Было время — они, состоя в найме у польской буржуазии, подобно одному из их идеологов Святославу Доленге, призывали покончить с культом Тараса Шевченко. На страницах петлюровского журнала «Мы», выходившего в Варшаве, паныч Доленго провозглашал: «Шевченко уже в детские годы был мне чужд. Почему-то веяло от него стрехой, девками, которые возятся на кухне и поют свои печальные девичьи песни».

Нынешние наймиты американской разведки пошли куда дальше, чем желто-голубой паныч Доленго.

Им стал ненавистен даже памятник великому кобзарю Украины, воздвигнутый вблизи города Палермо, в Канаде.

Выходящая в Канаде на деньги, отпускаемые буржуазными кругами (50 тысяч долларов ежегодной субсидии), националистическая газета «Канадийський фермер», продолжая уже в наши дни распространять взгляды Доленго, написала о памятнике Тарасу Шевченко:

«Палермо будет черным пятном на чистой и свободной канадской земле, ибо за этим памятником стоит... Москва...»

На страницах католической «Америки» — органа украинских националистов-клерикалов, что выходит в Филадельфии, они нападают на Богдана Хмельницкого и на других славных предков украинского народа. Всячески оскверняя память великого гетмана и стараясь угодить американской военщине, планирующей войну и расчленение Советского Союза, они советуют украинцам относиться «благоразумно и критически» к исторической роли Хмельницкого и Переяславской Рады.

Но не только один Богдан Хмельницкий подвергается нападкам гитлерчуков. Было время, в своих календарях, издававшихся в 20-е годы во Львове, они превозносили князя Данилу Галицкого, пытались обернуть его лицом к католическому Западу, изображали его в короне короля Украины, старались причислить его к лику чуть не первых украинских националистов.

Советская украинская литература и, в частности, Микола Бажан в поэме «Данила Галицкий», а затем и Антон Хижняк в одноименном романе исторически правдиво показали образ великого князя Червоной Руси, его ненависть к завоевателям родных земель, его стремления к соединению Руси. Все это явно пришлось не по душе недобиткам украинских буржуазных националистов, которые хотели бы и Данилу Галицкого видеть в своем желто-голубом стане. Больше всего их, например, разозлили две фразы в романе А. Хижняка: «...одна ж земля наша Русская» и «Леса и степи широкие отделяют нас, но сердце русское никогда надвое не перережешь. Одно оно, как и земля у нас едина».

Против очередных атак националистических борзописцев на выдающихся предков украинского народа и среди них на Данилу Галицкого выступил в ноябре 1953 года на страницах издающейся в Нью-Йорке газеты «Українські щоденні вісти» прогрессивный деятель и поэт Микола Тарновский:

«Украинским буржуазным националистам, — писал он, — видите ли, хотелось бы перерезать надвое сердце народа. Они и теперь договариваются с польскими панами миколайчиками и розмаренками, с керенскими и другими неудачниками, как бы перерезать живое сердце украинского народа и снова четвертовать украинские земли, как это было недавно!»

Истинная продажная природа верных слуг иностранной буржуазии — украинских националистов — изобличается их нынешним поведением. Гитлерчуки желто-голубой окраски проведдали, что в корыто, которым заведует Александр Керенский, обильно посыпались американские доллары, и вот после быстрой переориентировки клейменные тризубом и свастикой крысы со всех свалок сбегаются к этой новой для них кормушке.

Омерзительные выродки — украинские националисты лизали сапоги польских офицеров, гитлеровских эсесовцев, а теперь с меньшим усердием облизывают ботинки старого американского наймита Керенского. Националистических бандитов нисколько не смущает тот факт, что никогда и нигде Керенский ни единым словом не заикался о «самостийной Украине». С ним их объединяет общая звериная ненависть к советскому народу, ко всем свободолюбивым народам мира, а шелест хрустящих американских долларов отлично заглушает все возможные «разногласия».

Для того чтобы подвести под свое многогранное предательство исторические традиции и вытащить на свет божий таких героев измены, которым могли бы подражать нынешние недобитки украинского национализма, они недавно развернули на страницах фашистской газеты «Свобода», издающейся в Соединенных Штатах Америки, широкую «научную дискуссию» о регалиях гетмана Ивана Мазепы.

Но прежде всего несколько слов о газете «Свобода» и ее редакторе. «Свободу» и поныне редактирует тот самый отъявленный фашист Лука Мишуга, которого на страницах своей книги «Тайная война против Америки» ее авторы называли одним из самых крупных гитлеровских агентов и деятелей коричневой пятой колонны в США.

Он не только уцелел, но, заботливо опекаемый американским Федеральным бюро расследований, в конце 1953 года помпезно отпраздновал свой пятидесятилетний юбилей.

Ко дню этого юбилея пан редактор опубликовал на страницах своей собственной «Свободы» пожелания самому себе, на-

писанные каким-то «Икером». Икер надеется в этих пожеланиях, что наступит время, когда «Свобода» будет выходить не в штате Нью-Джерси, а... «в Киеве, на Крещатике, а пан доктор Лука Мишута станет первым амбассадором украинской державы в Белом доме Вашингтона».

Вот о чем икают икеры! Эти их мечтания полностью отражают интервенционистские планы американской буржуазии, и совсем не случайно поэтому, чтобы прикрыть их дымом истории, будущий посол, а ныне фашистский клеветник Лука Мишуга предоставил страницы «Свободы» для дискуссии о регалиях Мазепы.

Запевала дискуссии бывший петлюровский дипломат в Берлине и штатный агент охраны в панской Польше Роман Смаль-Стоцкий возвестил миру со страниц продажной газетенки, что в руках таких же, как и он, петлюровских подонков в 1937 году в Варшаве оказались материальные символы власти зловещего изменника Украины, иезуита гетмана Мазепы.

Надо полагать, что эти регалии принадлежали не Мазепе, а какому-нибудь бежавшему с Украины помещику и были объявлены «подлинными» лишь для того, чтобы укрепить шаткое положение окопавшихся в те годы в Варшаве петлюровских вожаков.

Сейчас этой гетманской бутафорией украинские националисты пробуют укрепить свой авторитет на американском континенте, они силятся убедить всех, что те, в чьих руках регалии Мазепы, и являются законными наследниками дела предателя-гетмана и его власти.

Роман Смаль-Стоцкий глубокомысленно утверждает, что для объединения сил украинских националистов такие регалии могли бы иметь не меньшее значение, чем «корона святого Стефана» для мадьярских фашистов, желающих восстановить в Венгрии монархию.

Вслед за Смаль-Стоцким на страницах «Свободы» выступил достойный продолжатель дела Мазепы адвокат Кость Панькивский. Имея солидный опыт профессионального предательства, Кость Панькивский засвидетельствовал, что Роман Смаль-Стоцкий лично передал в 1945 году реликвии гетмана Мазепы своему наставнику — бывшему петлюровскому премьеру Андрею Ливицкому, и тот возлагал на себя в торжественные минуты эти «святости», дабы никто не сомневался в авторитете его высшей власти.

Но, повидимому от изрядного потребления виски, Кость Панькивский потерял память и забрехался до того, что не сумел свести концы с концами в своих воспоминаниях. Чем же иначе можно объяснить тот факт, что его дружок Роман Смаль-Стоц-

кий, крайне заинтересованный в раздувании этой шумихи, вынужден был выступить с новым разъяснением.

«Регалии еще не были возложены на плечи пана Андрея Ливицкого, и он пока не был провозглашен их носителем», — заявил Смаль-Стоцкий, но тут же стал выкарабкиваться из неловкого положения. — «Да и это, в конце концов, не играет роли, — утверждает он. — В нынешний атомный век это дела маловажные».

В то же время, по мнению Смаль-Стоцкого, хорошо бы заказать для этих регалий сундучок с украинским орнаментом в какой-нибудь из солидных американских фирм, а затем провезти их в сундучке под почетной охраной по городам и фермам Америки и Канады, где живут украинцы, рассказывая об их значении и собирая попутно денежные фонды, чтобы ими «спасти от физического труда заслуженных националистических полковников и генералов».

Итак, сомнительного происхождения регалии иезуита-гетмана Мазепы должны теперь, по мысли националистов, служить для выкачивания средств из карманов обманутых тружеников, которых и без того беспощадно эксплуатируют капиталисты Соединенных Штатов Америки, Канады, стран Латинской Америки. Вот до какого цинизма докатились националистические отщепенцы, орудующие под американскими знаменами. Помножив весь свой опыт обмана трудящихся на уловки бизнесменов «Нового света», они торгуют как попало идеей «самостийной Украины», лишь бы побольше долларов перепало в их карманы...

Из Нью-Йорка в Канаду (правда, без регалий Мазепы) выехал собирать доллары для открытия дипломатических миссий нового националистического «правительства» «доктор» Лонгин Цегельский, бывший депутат австрийского парламента, бывший львовский домовладелец, бывший министр правительства Западно-Украинской народной республики и в последнее время председатель панамериканской украинской конференции.

Деятели КУК привезли это американское чудо галицийского происхождения в провинцию Саскачеван и дали Цегельскому возможность высказать свои взгляды перед украинцами г. Саскатун.

Уведомив, что между украинскими фашистами, которые проживают в США и в Канаде, достигнута полная согласованность, Лонгин Цегельский изрек:

«Безразлично, какой будет Москва — красной, черной или белой, ее нам необходимо уничтожить. Надо выжать ее за Урал, к Волге, а украинские земли освободить... Это мы сможем сделать при помощи Америки, Британии, Канады... Нам

нужно открыть свои украинские бюро в Вашингтоне, Лондоне и Оттаве... Даже если украинские бюро в Вашингтоне, Лондоне или Оттаве обойдутся нам в тысячи долларов ежемесячно, мы должны их иметь, потому что без денег мы ничего не сделаем, без денег войны не выиграем, а война близко, и через год, даже полгода и даже через три месяца мы можем опоздать. Поэтому мы должны дать свои деньги теперь. Знаете, когда Наполеон воевал и был уже под самой Москвой, офицеры его спросили, что надо для того, чтобы выиграть войну. А он им ответил: «Денег, денег, денег!»

Ныне пробил двенадцатый час. Мы должны это понять. Надо дать все, что можно, ибо потом будет поздно. Теперь я использую перерыв в своей речи, а председатель вам еще кое-что скажет».

Слушатели примечательной «лекции», почуяв, чем дело пахнет, начинают разбегаться. Пикеты КУК задерживают «неосознательных» у дверей, а председатель собрания, какой-то пан Слипченко, назойливо повторяет тот же самый рефрен, который слышали саскатунцы от Лонгина Цегельского:

— Денег! Денег! Денег!

Масса остается глуха к этим истерическим призывам, а один из сидящих позади выкрикивает на весь зал:

— Ады, як горлає такий за таким! (Смотри, как орут один за другим!)

Ничего не поделаешь. Пан Слипченко вынимает портмоне и со скрежетом зубным протягивает сборщику даяний для «похода на Москву» двадцать канадских долларов.

«Смотрите, я дал двадцать долларов! — кричит председатель. — Кто следующий?»

Народ безмолвствует.

Тогда раскошеливается некий пан Юрко Стечишин. Его двадцатидолларовая ассигнация покрывает лепту Слипченка. И вновь наступает тяжелая пауза. Наконец еще какой-то добродий, который пожелал остаться неизвестным, добавляет пять долларов, и на этом, несмотря на все старания антрепренеров КУК, сбор денег для «похода на Москву» заканчивается.

Очаровательная жанровая картинка!

И. Ставчанский, который наблюдал гастроли Лонгина Цегельского в Саскатуне, рассказывает о них на страницах прогрессивной газеты «Украинская жизнь».

«Миновали добрые времена для долларохапов. Доллары усыхают и будут усыхать, а особенно на такое «украинское дело», о котором говорил пан Цегельский. Эти господа уже имели однажды свои конторы в Варшаве, Париже, Берлине и Риме, а что из этого вышло? Эти конторы в прошлом были шпионскими гнездами, которые действовали в интересах реак-

ции данной страны и являлись пристанищами для провокаторов и предателей украинского народа. Не имея сегодня места не только на украинской земле, но и в Европе, господа из пан-американской конференции и КУК хотят перед смертью сформировать свои бюро на континенте, чтобы иметь возможность отбирать доллары от того неопытного украинского рабочего и фермера, у которого они еще могут кое-что урвать для собственного обогащения и для того, чтобы чернить наших братьев на Украине.

Эти долларохапы хотят выслужиться перед американской и канадской реакцией при помощи разных доносов на украинское прогрессивное движение континента. Их черная работа никогда не принесет пользы украинцам, живущим в США и Канаде. Поэтому мы должны, наконец, понять, куда такие доктора от долларов хотят нас завести со своими конторами, и мы не должны дальше давать обманывать себя заманчивыми посулами и скатываться до ненависти к своим братьям на родных землях, которые ничего дурного нам не сделали. Если же рассуждать справедливо, по-братски, то, наоборот, мы им должны за прошлую войну столько, что никогда не будем в состоянии оплатить наш долг. Они, наши украинские братья, с помощью русского народа и всего славянства разгромили фашистскую гадину, а теперь восстанавливают свою экономику и стоят на страже мира».

Верные слова! Миновали золотые денечки для долларохапов, как окрестил их очень образно и точно наш заокеанский друг.

Еще в начале этого века все эти господа цегельские, панейки, донцовы могли безнаказанно обманывать темного галицийского труженика, помогая своей кайновой работой австрийским, а потом польским колонизаторам держать его в рабстве и нищете. Теперь взгляды всех трудящихся мира обращены к Советскому Союзу, и все заокеанские труженики-украинцы с любовью и гордостью следят за процветанием близкой их сердцу Советской Украины, которая входит в содружество советских республик. И если господа цегельские, донцовы, панейки, кушниры имеют еще возможность курсировать на американском континенте, сея клевету на Советскую страну и предвещая третью мировую войну, то их подопечные в Европе чувствуют себя значительно хуже. У желто-голубого охвостья в Западной Германии земля горит под ногами.

Военный преступник Андриевский, который числится в «руководстве» ОУН, прибыв в Америку, выступил как-то перед сборищем украинских фашистов в Нью-Йорке. Он слезно умолял спасти своих коллег — украинских националистов в Западной Германии, ибо «им угрожает огромная опасность. Евро-

па — накануне гражданской войны. Если она произойдет, то первый удар врагов будет направлен против них...»

Еще в 1948 году Степан Бандера, как мы уже упоминали, отправил из-под Мюнхена дипломатическую «ноту» тогдашнему государственному секретарю США Джорджу Маршаллу, тому Маршаллу, вдохновителю агрессивного курса американской внешней политики, дипломаты которого в ответ на законное требование советских делегатов в ООН о выдаче военных преступников только лишь разводили руками и твердили, что местопребывание военных преступников им неизвестно.

В своей «ноте» Бандера требовал, чтобы кучка его бандитов в награду за «военные действия» против СССР, Чехословакии и Польши получила бы в американской зоне статус «инсургентов».

К слову, Бандера позже предложил Маршаллу организовать из этого «инсургентского» сброда на деньги американцев «армию украинских националистов», которую сейчас в Западной Германии создает под видом «рабочих отрядов» Микола Капустянский.

Один из головорезов, которые окружают Бандеру, Микола Лебедь, инициатор и руководитель кровавых расправ на Волыни, выполняющий в ОУН функции «министра» иностранных дел, переехав в Канаду, также начал рассылать аналогичные «ноты» государственным деятелям ряда западных стран, требуя от них признания его правительства.

Что это? Сумасшествие, мания величия? Ни то, ни другое. Просто молодчики из ОУН в поисках привычных профессиональных заработков бешено рвутся на предательскую, шпионскую службу к поджигателям третьей мировой войны, стремясь легализовать, подобно Чан Кай-ши и Ли Сын Ману, свое презренное существование.

Сборище ублюдков, обосновавшееся в Западной Германии, стало распределять между собою министерские портфели. В июле 1948 года стало известно из газет, что «в одном из городов Западной Германии состоялась 1-я сессия Украинской национальной рады».

Разве не загадочно звучит?.. Новое ублюдочное правительство было составлено из таких заядлых бандитов, что их хозяева первое время постыдились позволить им называться публично и даже назвать город, где происходила сессия этой так называемой рады.

Но если организовано «правительство», то нужно оглашать и «правительственную декларацию». Что же, на декларациях петлюровское и бандеровское отребье собаку съело! Ведь декларациями и обращениями, которые вышли из-под их пера, можно было бы с успехом опоясать весь земной шар. В этот

раз из новой «декларации» Украинской национальной рады стало известно, что вышеупомянутое «правительство» ставит своей целью следовать традициям Украинской центральной рады, которая, как известно, заседала в Киеве в 1918 году и была прозвана трудящимися Украинской зрадой (зрада — измена).

В своем докладе «Воссоединение Украины — сумерки скитальщины», прочитанном в украинском Рабочем доме Виннипега (Канада) 18 декабря 1949 года, Василий Свистун очень удачно охарактеризовал всю трагикомическую буффонаду с организацией зарубежного «правительства для Украины»:

«Ситуация, в которой эмигрантское руководство очутилось, напоминает нам довольно выразительную историйку. Происходит это в доме умалишенных... Один из пациентов, маляр, стоит на высокой лестнице, которую держит его помощник, и красит потолок. Помощник, который держит лестницу, кричит маляру: «Держись крепко за свою кисть, потому что я убираю лестницу».

Нет сомнений, что в таком же положении окажутся рано или поздно не только все разнокалиберные националистические маляры, но и их опекуны типа Ватсона Кирконелла. Почва все более выскальзывает из-под их ног по мере того, как крепнут дружеские чувства к Советскому Союзу трудящихся всего мира, и среди них — широких масс украинской эмиграции в Канаде и Америке.

* * *

В майские дни 1954 года, когда советский народ и все наши друзья за рубежом праздновали 300-летие воссоединения Украины с Россией, в газете «Правда» было опубликовано заявление украинского политического эмигранта Иосифа Крутия, перешедшего в Германскую Демократическую Республику.

Иосиф Крутий — старый деятель украинского национализма, посвятивший почти полвека своей жизни борьбе за так называемую «самостийную Украину», под влиянием исторических фактов не только разочаровался в бессмысленности националистической демагогии, но и показал нам в этом документе хищное обличье догнивающей на американских и европейских свалках разнокалиберной националистической мрази.

«После разгрома фашистской Германии, — писал он, — украинские «атаманы» нашли нового хозяина в лице американского империализма и стали его платными агентами.

Интриганы и авантюристы типа Степана Бандеры, Николая Лебеда, Андрея Мельника, Свирида Довгаля, Владимира Доленко, Тараса Боровца, Ивана Багряного, Зенона Матлы, Ни-

колая Капустянского и других им подобных «политических» деятелей продались иностранным разведкам, по заданию которых пытаются организовать шпионаж, террор и диверсии на Украине».

В своем письме Крутий показал нам и кулисы той самой Украинской национальной рады, о которой мы говорили выше.

«Чтобы выслужиться перед своими хозяевами и получить побольше долларов и стерлингов, Бандера, Мельник, Боровец, Доленко и другие «вожди» селятся доказать, что на Украине есть подпольные националистические организации, с которыми они якобы поддерживают связь.

В действительности же украинский народ никакой поддержки украинским националистами не оказывает, о чем хорошо знают бандеры, мельники и иже с ними...

Мой многолетний опыт украинского политика-эмигранта, — пишет Крутий, — дает мне право сказать, что украинский народ никогда не поддерживал бандитских действий украинских националистов. Все разговоры о «движении сопротивления» на Украине — это обман, за которым главари украинских националистов скрывают свою грязную работу против украинского народа, пытаясь втянуть в эту авантюру рядовых украинцев-эмигрантов.

В украинских националистических кругах и их организациях царит взяточничество, воровство, моральное разложение и борьба за свое личное благополучие. Так, Сазонтов и Довгаль присвоили большую сумму денег, которую Довгаль собирал среди украинских эмигрантов на так называемую «Позыку вызволения Украины». Сазонтов, Довгаль и Николай Левицкий пропивают эти деньги в кабаре и барах. Непьющему Ивану Багряному его доля вручается наличными.

Известный бандеровский бандит Стецько тащит английские деньги из кассы «Антибольшевистского блока народов», Бандера, в свою очередь, получает взятки за шпионаж и торгует наркотиками. Доленко любыми средствами стремится нажить доллары и лезет в президенты «Украинской национальной рады». Николай Левицкий, чтобы создать видимость большого количества членов руководимого им Украинского национального демократического союза, платит деньги тем, кто дает согласие быть в этой организации.

Находясь в эмиграции и видя старания главарей эмигрантских организаций Бандеры, Мельника, Капустянского, Багряного, Боровца и других в подготовке по заданиям своих американских хозяев т. н. легионов и шпионов, я часто задумывался над тем, для какой роли они готовятся. И все больше и больше убеждался в том, что они могут быть использованы так же, как

при гитлеровской оккупации Украины, — как убийцы невинных людей».

Конечно, ни для какой другой роли все это охвостье не способно, хотя оно пытается попрежнему пустить пыль в глаза сказками о «самостийной Украине».

Нынешние хозяева украинских буржуазных националистов ведут себя по отношению к ним точно так же, как вели себя Гитлер, Розенберг, Ганс Франк, Эрих Кох и гитлеровские деятели чином поменьше, вроде Отто Вехтера, Ганса Бауэра.

Выдача долларов сопровождается ударами кулаком по столу, принуждением. Американский хозяин разговаривает с гитлерчуками отнюдь не мягче, чем его гитлеровский предшественник, а иной раз еще и строже, что отлично понимают предатели родины — украинские националисты. Некоторые из них даже пробуют брыкаться под тяжестью американского ярма.

В этом смысле весьма примечательно следующее признание Крутия:

«Меня до глубины души возмутил последний факт бесцеремонного командования американцев над украинскими эмигрантами и их организациями. Так, 3 апреля 1954 года Выконавчий¹ орган «Украинской национальной рады» получил из Вашингтона категорическое предписание за подписью адмирала Стивенса во всех своих действиях беспрекословно подчиняться требованиям «Американского комитета по борьбе с большевизмом». Эта директива Стивенса возмутила не одного меня. 8 апреля 1954 года в Мюнхене в клубе под названием «Точка над и» выступил украинский националист доктор Ортынский, который, возмущаясь, сказал присутствующему на собрании украинских националистов руководителю так называемого «Злучного украинского американского допомогового комитета» в Европе американцу Радеку: «Вы диктуете Украине условия хуже и страшнее, чем это делал в свое время Гитлер».

Доктор Ортынский здесь же в присутствии видных «проводников» украинских эмигрантов, где были также «министры» Украинской национальной рады Воскобойник и Николай Левицкий, заявил:

«Я, Ортынский — националист и немецкий коллаборант, организатор «Украинской дивизии», боец под Бродами, — спрашиваю Вас, господин Левицкий: на каком основании Выконавчий орган «Украинской национальной рады» ведет переговоры с американцами, не информируя и не имея согласия украинской общественности, хотя бы находящейся в эмиграции.

¹ Выконавчий орган — исполнительный орган.

Вы не имеете права говорить и выступать от имени украинского народа. Украинский народ не признает «Украинскую национальную раду». Вы идете на службу к американцам в качестве агентуры за несчастные 300—500 немецких марок и по вашему велению украинцы должны выполнять службу агентов, заниматься шпионажем и печатать литературу от имени так называемого «Института исследования народов СССР». Что хотят для нас, украинцев, американцы? Они хотят, как Гитлер, разделить Украину на комиссариаты, т.е. отдать ее в угоду капиталистам. «Украинская национальная рада», идя на поводу Вашингтона, намеревается уничтожить все то, что нашему украинскому народу дала Москва.

Пусть меня американцы посадят в тюрьму, но я перед всем миром открыто должен заявить: большевики нам дали больше, чем свобододолюбивая Америка в своих обещаниях.

Мне приходилось беседовать с немцами, возвратившимися из плена и работавшими в Киеве и других городах Украины, они рассказывают, что на Украине под руководством большевиков развивается национальная культура, искусство. Везде слышна украинская речь. Во время национальных и других праздников на зданиях развеваются украинские национальные флаги. На Украине они видели, как увеличивается количество театров, клубов, библиотек, санаториев, больниц, детских садов и яслей. Этого вы, господа американцы и украинские «проводники», не сможете опровергнуть.

Украинцы никогда не захотят превратить свою Родину в колонию американских и других капиталистов».

Что и говорить — история поставила последнюю «точку над и» в кровавой цепи предательства и измен украинских буржуазных националистов, если уж в их стане находятся люди, подобные Ортынскому, что не могут вытерпеть всей низости падения своих вожаков, этих «вшивых мессий украинского национализма», которые продолжают бесстыдно торговать Украиной.

Изменническая и предательская роль украинских буржуазных националистов, ставших агентами империалистических разведок, — наглядный пример, куда ведет буржуазный национализм его носителей. Чувство жгучей ненависти вызывает у советских людей этот национализм, никогда ничего общего не имевший с украинским народом. Бессилие и безнадежность порождают у недобитков украинского национализма звериное отчаяние и ненависть к советскому народу, к Советской Украине.

В дни, когда весь советский народ праздновал 300-летие воссоединения Украины с Россией, Коммунистическая партия Советского Союза в лице ее Центрального Комитета еще раз

напомнила нам, что «...пока существует капиталистическое окружение, империалистические государства и в дальнейшем будут забрасывать к нам шпионов, диверсантов, пытаться использовать в антисоветских целях остатки разгромленных враждебных группировок, активизировать буржуазно-националистические элементы, оживить националистические предрассудки в сознании отдельных людей и использовать их для подрыва дружбы народов СССР.

Усиление бдительности против происков империалистических хищников и их агентуры — буржуазных националистов всех мастей и иных предателей — одно из важнейших условий успехов и процветания советских социалистических республик и всей нашей Великой Родины». (Из тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией, одобренных ЦК КПСС.)

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
У истоков предательства	7
В преддверии «Дранг нах Остен»	27
Разделяя и властвуя	45
Выгодная сказочка или хитрый маскарад?	56
Спасители «Третьей империи»	69
Загадка Вулецких холмов	84
Династия шпионов	108
Побег из цитадели	129
Под черными крыльями Ватикана	146
Оборотни нашли новых хозяев	170

Перевод с украинского А. КРАВЧЕНКО.

Беляев Владимир Павлович
Рудницкий Михаил Иванович

ПОД ЧУЖИМИ ЗНАМЕНАМИ

Обложка, титул и рисунки художника
В. Григорьева

Редакторы: *П. Серебрянников,*
Ю. Коротков

Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А07337 Подп. к печати 15/XI 1954 г. Бу-
мага $60 \times 92^{1/16} = 6,5$ бум. л. = 13 печ. л.
+ 8 вкл. Уч.-изд. л. 12,5 Тираж 90 000 экз.
Цена 6 р. 10 к. Заказ 2036

Типография «Красное знамя»,
изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-55, Сушевская, 21.